

МАРКО ПОЛО

Сергей
Нечаев

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

С. Нечаев

МАРКО ПОЛО

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК

45

Сергей Нечаев

МАРКО ПОЛО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2013

УДК 910(092)“12”
ББК 26.8г
Н 59

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03601-7

© Нечаев С. Ю., 2013
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2013

*Марко Поло — это
простой человек, с кото-
рым произошли необычно-
венные вещи.*

Оливье Жермен-Тома

*В истории Марко Поло еще
много неизученного.*

Тим Северин

*Я рассказал лишь половину
того, что реально видел.*

Марко Поло

ПРЕДИСЛОВИЕ

Будь человек хоть самым добросовестным, самым основательным и самым даровитым в каком бы то ни было деле, и тогда все равно, отдадут ли ему должное и будут ли хвалить его современники? Без сомнения, рано или поздно придет время, когда всякую истинную заслугу оценят по справедливости. Каких только порицаний не удостоился Марко Поло от своих несведущих земляков, ведь современники с недоверием отнеслись к его восторженным рассказам о необычайных богатствах Китая! Зато какой великой славой пользуется он у образованного потомства! Чем лучше мы изучаем страны, в которых побывал этот знаменитый путешественник, тем бóльшие получаем возможности объяснить всё, даже самые непонятные прежде замечания и события, облеченные Марко Поло в форму сказаний.

Конечно, и теперь есть еще люди, для которых путешествие Марко Поло остается выдумкой, произведением человека, который сам нигде толком не был, а пересказал всё со слов других или списал из каких-то восточных источников. Да и братья Поло (его отец и дядя), утверждают эти люди, тоже не

доходили дальше Бухары. Есть еще и такие, кто считает, что книга Марко Поло — это сборник восточных сказок, большая поэтическая вольность, многократно переписанная, дополненная и направленная не на изложение четкой информации, а на возбуждение любопытства у неподготовленных читателей.

В самом деле, если просто читать книгу Марко Поло (не вникая), то она воспринимается как некая смесь «Тысячи и одной ночи» и «Путешествий Синдбада-морехода». А если вдуматься, если еще и взять географический атлас, сразу же появляется множество вопросов по поводу зигзагов его перемещений: то Великая Китайская стена и знаменитые китайские чаепития, то Япония, Мадагаскар и Занзибар и т. д.

Но, задаваясь всеми этими вопросами, всё же не стоит забывать, что Марко Поло был человеком XIII века. Он мог не знать то, что сейчас знает каждый школьник. Он мог верить в то, во что сейчас не поверит и маленький ребенок. И лично увидеть всё он не мог, и справочников, чтобы проконсультироваться, у него не было. Следовательно, в своей книге он говорил о вещах ему неизвестных и при этом был далек от всякой поэзии. Теперь же каждое новое открытие, каждое ученое путешествие в те края — это новый листок в венке его славы.

И в каком совершенно другом свете мы увидели бы результат его путешествий, если бы могли четко объяснить и устранить странное написание имен собственных.

Великий Гёте написал о Марко Поло так:

«Этот путешественник везде знакомит нас с таким множеством особенностей, людей и нравов, стран, деревьев, растений и животных, которое ру-

чается за истину его воззрений, хоть многое и кажется похожим на сказку. Только ученый-географ может привести всё это в порядок и доказать. Мы должны довольствоваться общим впечатлением»¹.

Сегодня в нашем распоряжении масса материалов китайских, монгольских, арабских, персидских и европейских географов и историков о Восточной и Средней Азии. Сейчас мы более или менее правильно можем разобраться в информации, собранной Марко Поло, понять, что было увидено им самим, а что он сообщает, основываясь на слухах или письменных источниках. И при этом еще более очевидным становится тот факт, что книга Марко Поло, кто бы что ни говорил, принадлежит к числу самых замечательных памятников не только XIII столетия, но и всех веков всеобщей истории. Почему? Да потому, что Марко Поло был первым, опередив других путешественников, оставивших после себя письменные материалы. Да потому, что его книга, как никакая другая, произвела переворот в представлениях европейцев о Монголии, Китае и прочих дальних странах. Да потому, что именно он открыл многие дороги, до него неизвестные или малоизвестные. Наконец, потому, что рассказы Марко Поло представили его всему миру в качестве первооткрывателя Азии, снявшего завесу таинственности с этой части света, до него едва известной европейцам.

Да, его книга стала сенсацией, и именно поэтому она не была принята многими современниками Марко Поло. Но факт остается фактом: после Марко Поло многие путешественники, бывавшие в Азии, очень долгое время лишь повторяли сведения из его книги. И именно на его книгу в конце XV века ориентировался Христофор Колумб, а так-

же многие европейские купцы, отправлявшиеся в Центральную, Восточную и Южную Азию.

А сколько «диковин», то есть открытий чисто практического свойства, подарил европейцам Марко Поло! Достаточно назвать асбест, макароны, бумажные деньги и использование каменного угля для обогрева помещений. И посему нам остается только дивиться, как много он сумел собрать и сколько полезных сведений об Азии XIII века, сколько «чудес света» бесследно кануло бы в вечность, если бы о них не рассказал в своей книге великий венецианец.

Благодаря высокому положению, которое Марко Поло занимал при дворе императора, он имел счастливую возможность многое видеть своими глазами и о многом расспрашивать сведущих людей.

И до, и после Марко Поло в Китае побывало немало европейцев, и некоторые жили там подолгу. Но одни интересовались только торговыми сделками, другие же вели исключительно миссионерскую деятельность. И лишь Марко Поло создал книгу, значение которой с годами становится все более и более очевидным.

Сейчас книга Марко Поло прочно вошла в золотой фонд мировой литературы. Более того, она принадлежит к числу немногих средневековых сочинений, которые и в наше время представляют интерес не только для ученых, но и для широкой аудитории.

Недаром книга Марко Поло была переведена практически на все языки мира и до сих пор издается огромными тиражами.

Глава первая

**ПУТЕШЕСТВИЕ БРАТЬЕВ
НИККОЛО И МАТТЕО ПОЛО**

Константинополь

В 1250 году императором Константинополя был 33-летний Балдуин II де Куртене.

Самостоятельно он начал править еще в 1237 году, однако территория Латинской империи, образованной крестоносцами после четвертого Крестового похода, к тому времени уменьшилась почти до площади, ограниченной стенами города. Балдуину II постоянно не хватало денег, и он занимался исключительно тем, что пытался получить помощь у европейских монархов, чтобы вернуть владения, захваченные правителями Никейской империи, находившейся на западе Анатолии (то есть территории современной Турции). Те, в свою очередь, не смотря на захват Константинополя крестоносцами, считали себя настоящими властителями Византии и не давали ни минуты покоя Балдуину.

В том же 1250 году в Константинополе якобы находились два брата — Никколо Поло и Маттео (по-венециански — Маффео) Поло. Они прибыли туда из Венеции с разнообразными товарами. Как написано в книге Марко Поло*, братья были «из хорошего рода, умны и сметливы. Посоветова-

* Подробнее об этой книге будет рассказано ниже.

лись они между собой, да и решили идти в Великое море за наживой да за прибылью. Накупили всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в Солдадию»².

* * *

Эти два брата были сыновьями венецианца Андреа Поло, у которого был еще один сын Марко, а также дочь Флора. Все три сына Андреа Поло были купцами, торговавшими ювелирными изделиями и пряностями.

О том, что Никколо и Маттео Поло посетили Константинополь в 1250 году, сообщается в книге Марко Поло («в то время, когда Балдуин был императором в Константинополе, то есть в 1250 году, два брата <...> находились там же»³). Однако многие историки считают данную информацию сомнительной. Например, Оливье Жермен-Тома утверждает, что Никколо и Маттео Поло отплыли из Венеции лишь в 1253 году. А некоторые предполагают, что братья Поло прибыли в Константинополь во второй половине 1254 года или даже в 1255 году.

Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, а пока процитируем Лоуренса Бергринна, американского биографа главного героя этой книги: «Даже мирное плавание на восток было чрезвычайно неприятно, неудобно и опасно. На сыром, переполненном людьми корабле стояло зловоние: пахла гнилая пища и человеческие экскременты. Паразитам не было счета, и пассажирам, подобным Поло, приходилось сосуществовать с тараканами, вшами и крысами. После месяца подобных мучений, усилившихся бессонницей и морской болезнью, братья Поло благополучно прибыли в Константинополь»⁴.

Солдадия

Считается, что братья прожили в Константинополе несколько лет до 1260 года, а потом отправились с торговыми целями в Южный Крым. Подобный путь, кстати говоря, в то время проделывали многие венецианцы и генуэзцы. Так братья оказались в Солдадии (нынешний город Судак).

Солдадия в XIII веке представляла собой мощную крепость на Черном море. Отметим, что название «Черное» было новшеством во времена Поло (до тех пор этот огромный водный бассейн был известен просто как «Море»).

В своей книге о Марко Поло В. Б. Шкловский пишет: «В Солдаиде прежде жили куманы — по-русски половцы, сами себя они звали кипчаками. Жили здесь генуэзцы, венецианцы, евреи, хазары, русские.

Татары овладели Солдаидей. Жители разбежались — кто в горы, кто за горы, кто за моря. Но прошло время, и восстановилась торговля.

По-прежнему на высоком крутом холме стояли стены, по-прежнему вода, проведенная издалека, бежала из мраморных фонтанов, по-прежнему внутри крепости торговали.

Сюда привозили из России горностаи, беличьи и другие драгоценные меха. Сюда привозили из Азии бумазею, шелковые ткани и душистые корни. Сюда же привозили рабов.

С товарами пришли в Солдаидю братья Поло. Они имели там дом, но жить в нем не решились. Посмотрели на те товары, что русские звали сурожскими, и поехали дальше.

Нехорошо было здесь жить венецианцам. И здесь, как в Константинополе, были теперь генуэзцы. Им принадлежала Кафа, стоявшая на месте нынешней Феодосии. Оттуда они торговали рабами»⁵.

Чтобы было понятно: Сурож, Солдадия, Солдаия, Сугдея, Сугдак, Судак — всё это разные названия одного и того же крымского города-крепости.

Гийом Потье в предисловии к «Книге Марко Поло» пишет, что Марко Поло Старший (так его потом стали звать, чтобы не путать с его знаменитым племянником) имел в Солдадии дом и вел торговлю с Венецией.

Этот же автор, между прочим, утверждает, что семья Поло происходила из Себенико (Шибеника), что в Далмации, и она «обосновалась в Венеции в 1033 году»⁶.

Сторонники этой версии говорят, что предки Марко Поло, приехавшие в Венецию из Далмации, никогда не входили в число знатных венецианских купеческих фамилий.

В гостях у хана Берке

Итак, братья Поло приняли решение покинуть Солдадию.

Историк Жан Пьер Дреж по этому поводу недоумевает: «Затем цели путешествия неясны. Очевидно, разочарованные пребыванием в Солдадии, купцы решают идти дальше. Куда? Зачем? Марко Поло <...> не дает ответа»⁷.

В самом деле, путешественник лишь очень коротко сообщает: «Пришли они в Солдадию и решили идти далее. И что же? Вышли из города и пустились в путь; по дороге с ними ничего не случилось»⁸.

И это всё, что нам известно. Известно также, что они отправились «на лошадях, маленькой группой, а не с караваном»⁹.

Так они прибыли к хану Берке (брату знаменитого хана Батыея), царю восточных татар, что жил в Булгаре* и в Сарай-Бату**.

Между прочим, это был тот самый Берке, внук великого Чингисхана, который первым из монгольских правителей принял ислам.

В. Б. Шкловский в своей книге о Марко Поло поясняет: «Монголы до этого все обоготворяли огонь, верили в духов. <...> Вопрос о вере был вопросом о влиянии. Недаром папа посылал монахов-послов к монголам. Победили мусульмане. Во времена братьев Поло дело еще колебалось»¹⁰.

Хан Берке с большим почетом встретил Никколо и Маттео, «а братья все драгоценности, что принесли с собой, отдали ему; а тот взял их с охотою; очень они ему нравились»¹¹. А потом хан приказал передать венецианцам дорогие подарки и «вдвое заплатить за драгоценности»¹².

Как отмечает Лоуренс Бергрин, «во владениях Берке братья Поло не забывали о своей выгоде: пополняли запасы камней, монет и тканей, чтобы выгодно торговать с другими купцами. Их можно уподобить передвижной лавке, готовой на любую сделку, лишь бы она была выгодной»¹³.

Война хана Берке и хана Хулагу

Почти целый год прожили братья на земле хана Берке, а потом началась война между ним и ханом Хулагу, его двоюродным братом.

* Один из крупнейших городов Булгарского улуса Золотой Орды. Располагался на левом берегу Волги, примерно в 200 километрах от нынешней Казани.

** Старинный город, столица Золотой Орды. Располагался примерно в 80 километрах севернее современного города Астрахани.

Хулагу (Марко Поло называет его Алау) тоже был внуком Чингисхана, и о его детстве до нас не дошло никаких сведений, но зато известно, что именно он возглавил поход монголов на Ближний Восток и завершил завоевание Персии и сопредельных стран. Соответственно, в 1261 году его брат Хубилай-хан признал Хулагу правителем всех завоеванных территорий с титулом ильхана, то есть хана части империи.

Против Хулагу, жена которого была христианкой и покровительницей христиан, Берке — ярый мусульманин и враг несторианской церкви — выступил в 1262 году. Формально война началась из-за того, что Берке решил отомстить своему двоюродному брату за казненного аббасидского халифа аль-Мустасима, однако истинные причины конфликта лежали гораздо глубже. В любом случае, разбор их не входит в задачу данной книги. Для нас важно лишь то, что начались активные военные действия, как утверждает Марко Поло, «из-за области, что была смежна тому и другому»¹⁴. Каждый хотел завладеть этой областью, и никто не хотел уступать, считая себя более сильным и могущественным.

Война получилась серьезная: каждый собрал по 300 тысяч всадников, прекрасно вооруженных и подготовленных. Короче, как говорят арабы, «дьявол выпустил чертей из бутылки времени», и изменить что-либо уже было невозможно.

В конечном итоге произошла битва и Хулагу (Алау) победил. В книге Марко Поло об этом говорится так: «Знайте, хоть он и победил, а много у него народу погибло; но воистину у врага побито было еще больше. Погибло в этой битве столько, что кто услышит, так и не поверит»¹⁵.

Однако, хотя Хулагу и победил в этой битве, общий исход войны не был так благоприятен для него, как это описывается у Марко Поло*.

Уака

Что же касается братьев Поло, то из-за этой войны они прожили на земле хана Берке, в Сарай-Бату, почти целый год и лишь после ее окончания смогли продолжить свое путешествие.

По дорогам, когда воевали хан Берке и хан Хулагу, «ходить вовсе нельзя было, всех в плен забирали. Бывало это на той стороне, откуда братья пришли, вперед же можно было идти. Стали братья совещаться: в Константинополь с товарами нам возвращаться нельзя, так пойдем вперед, по восточной дороге, оттуда можем и назад поворотить»¹⁶.

Подобное решение братьев выглядит вполне логичным, ибо дорога назад в Константинополь оказалась отрезанной. В результате собрались они и пошли к городу, что назывался Уака**.

В книге Марко Поло утверждается, что братья переправились через реку Тигри, а потом 17 дней шли через пустыню, и не было там «ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами да стадами»¹⁷.

* Хулагу умер в 1265 году, а Берке — в 1266 году.

** Нынешний город Саратов был основан в 1590 году. Строился он как город-крепость — для защиты от чужеземцев. А за много лет до этого на юге теперешнего Саратова находился один из величайших и богатейших городов Золотой Орды. У европейцев он назывался Уака, а сами татаро-монголы называли его Укек.

Безусловно, под названием Тигри следует понимать не знаменитую месопотамскую реку Тигр, а не менее знаменитую Волгу.

У биографа Марко Поло Лоуренса Бергринна читаем: «Во время этого путешествия они познакомились с круглыми “юртами” — войлочными палатками, в которых жили монголы, и с “кумысом” — перебродившим лошадиным молоком. Кумыс имеет резкий кислый вкус, и поначалу он внушал братьям отвращение. Когда они соглашались его попробовать, монголы, угощавшие их, дергали их за уши, чтобы убедиться, что напиток проглочен. Привыкая к новым обычаям, братья переняли и отвращение монголов к мытью. Правда, и венецианцы той эпохи мылись нечасто, но запах монголов, у которых был недостаток воды, к тому же живших рядом со скотом, внушал европейцам, оказавшимся среди них, глубокое отвращение. Со временем братья Поло преодолели свое отвращение и освоились с грубыми привычками хозяев. И что важно — они научились говорить с монголами, и знание языка еще более, чем питье кумыса, связало купцов с местными жителями»¹⁸.

Бухара

Перейдя через пустыню, братья пришли в Бухару.

Между прочим, по карте от нынешнего Саратова до Бухары — почти две тысячи километров. И это по прямой. В книге Марко Поло утверждается, что братья Поло шли через пустыню 17 дней. Но что при этом имелось в виду? Пустыня Каракум или пустыня Кызылкум? И как при этом можно было

не заметить Аральского моря? Как говорится, вопросы без ответов...

Царствовал в то время в Бухаре Барак, которого Хубилай-хан (внук Чингисхана), сделал правителем Шагатайского ханства.

По информации Марко Поло, во всей Персии Бухара была самым лучшим городом. «Пришли братья туда, а оттуда ни вперед идти, ни назад вернуться нельзя было»¹⁹.

В то время Бухару населяли в основном восточные персы (иранцы), говорившие на фарси. По словам Лоуренса Бергринга, Бухара «от IX до XIII века была столицей нескольких империй. Экспедицию братьев Поло разноязыкое население города встретило гостеприимно; город издавна был перекрестком дорог с Востока и Запада, в нем велась торговля шелками, фарфором, пряностями, слоновой костью и коврами. Однако за стенами Бухары царил хаос. Войны между различными племенами преградили этот участок Шелкового пути, и Поло с отчаянием поняли, что их не ждет скорое возвращение в Венецию»²⁰.

Посольство от хана Хулагу

Никколо и Маттео Поло прожили в Бухаре три года, и эта задержка круто переменяла их судьбу. Дело в том, что через три года в город прибыло посольство от хана Хулагу, направлявшееся на восток, к брату Хулагу — великому хану Хубилаю.

Подивился немало ханский посол, увидев Никколо и Маттео, ведь «в той стране никогда не доводилось ему встречать латинян»²¹.

И он сказал братьям:

— Будут вам прибыль большая и великий почет, коли вы меня послушаетесь.

Братья ответили ему, что охотно послушаются в том, что смогут сделать.

На это ханский посол заявил:

— Великий хан Хубилай никогда не видел латинян, а видеть он хотел бы. Коли вы со мной пойдете, уверяю вас, с радостью и с почетом примет он вас и будет щедр и милостив. Со мною же вы пройдете беспрепятственно и безопасно.

И пошли они дальше вместе.

Целый год братья шли с караваном хана Хулагу, чтобы прибыть в Ханбалык (современный Пекин*), к монгольскому хану Хубилаю.

Глава вторая

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ БРАТЬЕВ ПОЛО

Марко Поло в своей книге утверждает, что его отец и дядя были первыми латинянами, посетившими территорию нынешнего Китая, но это заявление представляется сомнительным. В действи-

* Пекин в современном произношении — это Бэйцзин (*Beijing*), что буквально означает «северная столица». На протяжении истории Пекин был известен под разными названиями. Например, с 1368 по 1405 год, а затем с 1928 по 1949 год его называли Бэйпин (*Beiping*), что переводится как «северное спокойствие». Поэтическое название Пекина — Яньцзин (*Yanjing*), что буквально переводится как «столица Янь». Ханбалык — это тоже одно из названий современного Пекина. Это тюркское название переводится как «обитель хана». Марко Поло использовал для обозначения этого города название «великий город Камбалу».

тельности несколько европейцев опередили их и некоторые даже оставили весьма детальные отчеты о своих путешествиях.

Конечно же братья Поло могли не знать о своих предшественниках, но всё же, всё же...

Великий шелковый путь

Прежде всего, братья Поло не были первооткрывателями самого протяженного в истории человечества торгового коридора, который в 70-е годы XIX века немецкий географ Карл фон Рихтгофен назвал «Великим шелковым путем». Им предшествовали целые поколения купцов — монгольских, турецких, арабских и т. д.

Этот путь (а точнее — целая сеть караванных дорог) возник по инициативе императора У-ди, нуждавшегося в породистых лошадях для своих войск. Их видел во время своего путешествия в Среднюю Азию в 138—126 годах до н. э. его сановник Чжан Цянь. Этот человек собрал массу сведений о прежде неизвестных китайцам землях, которые были названы «Западным краем». Он же доложил императору об отсутствии в этих землях шелкоткацкого ремесла и посоветовал отправлять туда шелк в обмен на прекрасных лошадей.

Первый караван по этому пути в 121 году до н. э., и связывал он Китай с Европой вплоть до XVI века, пока не появилось развитое морское судоходство. Ну а первыми европейцами, еще в VII веке проникшими в глубинные районы Центральной Азии, были монахи, которые шли туда главным образом с просветительскими и дипломатическими целями. Путешественники появились позднее.

Вениамин Тудельский

Не были братья Поло и первыми представителями Запада, описавшими свои приключения в Азии. Например, почти за 100 лет до них наваррский раввин Вениамин Тудельский дал описание, очень похожее на рассказ Марко Поло. Вениамин, подобно Поло, совершил это путешествие в качестве купца. Он покинул Сарагосу, что в Испании, в 1160 году, а вернулся обратно в 1173 году.

Понятно, что Вениамин Тудельский сталкивался с местными чиновниками и другими купцами. И куда бы ни попадал — в Константинополь, в Египет, в Аравию, в Багдад или еще дальше на восток — он прежде всего описывал местных жителей и особенности торговли.

К сожалению, Вениамин Тудельский, писавший на иврите, «остался неизвестным в Европе, за исключением горстки евреев. Его труд был опубликован лишь в 1543 году, а переведен на другие языки только в XVII веке»²². А вот русский перевод его текста появился на свет в 1881 году.

Что характерно, помимо описания собственных странствий, в своем сочинении Вениамин Тудельский передал рассказы разных мореходов об увиденных ими дальних странах. Тем не менее некоторые авторы даже уверяют, что он — «первый из европейцев, посетивший Индию, Цейлон и Китай»²³.

Мифический пресвитер Иоанн

Лоуренс Бергрин также отмечает, что «в Европе еще верили мифу о пресвитере Иоанне — христианском лидере, правившем, по преданию, богатой

империей, расположенной в Африке или в Азии — где именно, никто точно не знал, но теорий хватало с избытком»²⁴.

В данном случае речь идет о романтических повествованиях (они распространились с середины XII века*) о том, что в неких дальних краях (возможно, в Средней Азии или в Индии) когда-то находилось огромное и сильное христианское царство, управлявшееся могущественным монархом. Кто был этот пресвитер Иоанн, никто не знает, но для него исследователи всегда находили множество всевозможных прототипов.

Католическая церковь жаждала установить с ним связь, чтобы совместно атаковать и разбить неверных, но из этого ничего не получалось. Известно, например, что в 1177 году папа Александр III отправил послание Иоанну со своим эмиссаром магистром медицины Филиппом. О дальнейшей судьбе Филиппа ничего не известно: скорее всего, он не вернулся из своего путешествия.

Лоуренс Бергрин утверждает: «Пресвитер Иоанн был иллюзией, но иллюзией достаточно сильной, чтобы вдохновлять христианских миссионеров на паломничество на Восток»²⁵.

Русский историк и этнолог Л. Н. Гумилёв в своей книге «Поиски вымышленного царства» проанализировал всю имеющуюся информацию о пресвитере Иоанне и наглядно доказал, что легенда о его царстве — это вымысел. Согласно Л. Н. Гумилёву, его имя стало всего лишь трансформацией и приспособлением к более привычному для европейцев

* Первое известие о пресвитере Иоанне было найдено в летописи епископа Оттона Фрейзингского (дяди Фридриха I Барбароссы) от 1145 года, откуда оно перешло в другие хроники.

звучанию какого-то незнакомого азиатского имени. Так, например, одного из предводителей родственного монголам кочевого народа киданей звали Эниат или Иннан, и это имя легко могло быть переделано в христианизированного Иоанна.

Короче говоря, Л. Н. Гумилёв доказал, что тот пресвитер Иоанн, которого принимали за реальность, на самом деле был фантомом. Просто крестоносцам очень хотелось видеть на Востоке хоть каких-то своих союзников — так и родилась легенда об этом человеке и его могущественном царстве.

И всё же вопрос о личности так называемого пресвитера Иоанна до сих пор остается открытым. Кто-то считает его одним из тибетских царей, кто-то — киданьским полководцем Елюй Даши, кто-то — Ван-ханом, правителем хуннских варварских племен и врагом Чингисхана. А вот Жак Хеерс пишет, что имя Иоанн было всего-навсего «фонетической деформацией слова, обозначающего царский титул у монголов»²⁶.

Джованни дель Плано Карпини

Лоуренс Бергрин утверждает, что «первым известным нам миссионером, отправившимся в Китай по дороге, которой позже прошли Поло, был Джованни да Пьян дель Карпини»²⁷. Этого человека в разных источниках называют также Джованни дель Плано Карпини и Иоханнесом де Плано Карпини. Он родился примерно в 1182 году и был монахом-францисканцем итальянского происхождения (по некоторым данным, он был уроженцем Умбрии).

В 1245 году, получив от папы Иннокентия IV письмо «царю и народу татарскому», Карпини и еще

один монах, известный как Бенедикт Польский, отправились в Восточную Европу. Затем, проделав труднейший путь, они вышли к западной границе Монгольской империи на берегах Днепра. После этого они двинулись к Волге, а потом пошли по степям и засушливым пустыням в Монголию. Путешественники, следуя по монгольской территории, пользовались системой почтовых станций, позволявшей от пяти до семи раз в день менять лошадей. Благодаря этому они преодолели огромное расстояние за 15 месяцев и достигли монгольской столицы Каракорум как раз в тот момент, когда новый хан Гуюк (внук Чингисхана) готовился принять свой титул. А по пути, в 1246 году, Карпини встретился с ханом Батыем. В 1247 году он благополучно возвратился в Рим, а умер в 1252 году.

Лоуренс Бергрин пишет: «Это было великое путешествие. Карпини первым из представителей Запада после 900 года пробился восточнее Багдада и благополучно вернулся из недоступных пустынь Азии»²⁸.

Да, ему не удалось обратить монголов в христианскую веру, но его путешествие не пропало даром. Он подарил западному миру первое относительно вразумительное описание монгольских обычаев, создав две рукописные книги «*Historia Mongalorum*» («История монгалов») и «*Liber Tartarorum*» («Книга о татарах»). Они, кстати, переведены на многие языки, в том числе и на русский.

В этих книгах содержались сведения о положении Монгольской империи, о ее государственном устройстве, о быте и военном искусстве монголов и способах управления завоеванными территориями.

Автор, в частности, отмечает, что монголы «более повинуются своим владыкам, чем какие бы то

ни было люди, живущие в сем мире или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди неизнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет»²⁹.

Одновременно с этим Джованни дель Плано Карпини отмечает и дурные стороны монголов: «Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают. <...> По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретаются никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других де-

лах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают всё свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что»³⁰.

Как видим, подмечено весьма точно. Соответственно, ценнейшая информация, собранная Карпини, циркулировала потом по всей Европе и вошла в средневековую энциклопедию «*Speculum historiale*» («Историческое зеркало»), написанную монахом-доминиканцем Винцентом из Бове.

Жан Пьер Дреж констатирует: «За время путешествия посланнику удалось собрать крайне важную информацию. Записанная доминиканцем “История монгалов” — не рассказ о путешествии, а рапорт разведчика о собранных данных. Наряду с фантастическими легендами, изложенными с нередкой в то время легковёрностью, Плано Карпини дает точное антропологическое описание монголов. Прежде всего он касается проблемы войны и указывает средства сопротивления»³¹.

Забегая вперед отметим, что существует мнение о том, что «по организации, темам и широте обзора “История” Карпини предвосхищает “Путешествие” Марко Поло. Марко до отъезда в Китай не видел рукописи Карпини, но, по всем признакам, ознакомился с ней, прежде чем написать свой собственный, гораздо более детально разработанный труд, и в значительной степени использовал его»³².

Андре де Лонжюмо

Вскоре после Карпини, в 1249 году, Каракорум посетил посол французского короля-крестоносца Людовика IX Святого. Это был монах-доминиканец Андре де Лонжюмо — миссионер, владевший несколькими восточными языками.

В 1245 году он был направлен папой Иннокентием IV на Ближний Восток для ведения переговоров с патриархами восточных церквей о возможности заключения союза с католической церковью. Так он посетил Акру, Мосул и Тебриз.

В декабре 1248 года к Людовику IX Французскому, находившемуся на Кипре, прибыли послы монгольского наместника в Персии Эльджигидея. Они передали королю через Андре де Лонжюмо письмо, в котором было сказано, что великий хан Гуюк, считавший себя внуком самого пресвитера Иоанна, перешел в христианскую веру, а также заставил креститься 18 монгольских принцесс. С помощью этой дезинформации Эльджигидей хотел уверить Людовика в том, что монголы не собираются вторгаться во владения франков. На самом же деле в 1249 году наместник собирался атаковать Багдад, резиденцию халифов из некогда могущественного рода Аббасидов, и ему было необходимо, чтобы французский король начал крестовый поход против Египта, связав таким образом руки тамошнему султану, союзнику аббасидского халифа. В ответ Людовик IX отправил Андре де Лонжюмо с посланием ко двору Гуюка.

Делегация пустилась в путь 16 февраля 1249 года, взяв с собой великое множество подарков, среди которых была часовня в виде шатра с вышитыми на его внутренней стороне иконами. Посольство пересекло Персию и Среднюю Азию. «Оно проследовало

в ставку Эльджигидея, а оттуда двинулось в джунгарские земли, где должен был находиться великий хан. Лонжюмо не знал, что Гуюк умер еще в апреле 1248 года»³³.

После смерти хана Гуюка всеми делами стала ведать его вдова Огуль-Гаймыш, которая ответила на предложение союза довольно грубо: подарки французского короля она сочла данью, а вместо сотрудничества в борьбе с мусульманами, на которое рассчитывал Людовик IX, он получил письмо с требованием подчиниться.

Потом, после избрания великим ханом Мункэ, французское посольство отбыло из монгольской столицы и в апреле 1251 года вернулось ко двору Людовика IX, который тогда находился в Палестине (он к этому времени уже успел потерпеть поражение в Египте и побывать в плену).

По сути, миссия Андре де Лонжюмо провалилась, и он умер примерно в 1253 году. К сожалению, отчет о его путешествии не сохранился, а есть только редкие упоминания о нем в рассказах его современников.

Кстати сказать, одни авторы считают, что монах-дипломат «не оставил описания своих приключений»³⁴. Другие же уверены, что отчет Андре де Лонжюмо королю Людовику IX «самым загадочным образом сгинул бесследно»³⁵.

Гийом де Рубрук

Но, пожалуй, самым известным стал фламандский миссионер-францисканец Гийом де Рубрук (или Виллем Рейсбрук), который по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие на Восток.

Он пустился в путь весной 1252 года, и сопровождал его другой францисканец, Бартоломео Кременский. Из Палестины они прибыли в Константинополь, где задержались до весны следующего года. А в мае 1253 года они выехали в сторону Солдадии (Судака), что на Южном берегу Крыма. Оттуда они двинулись к низовьям Волги. С ними были купленный в Константинополе раб, переводчик Хомодей и несколько воловьих упряжек.

После двухмесячного путешествия Гийом де Рубрук прибыл в лагерь хана Сартака (старшего сына хана Батыя и внука Чингисхана). Рубрук и его спутник попросили доложить Сартаку об их приезде, и тот согласился принять чужестранцев.

Считается, что Сартак* исповедовал христианство (несторианство)** , но скрывал это, так как подобное могло бы быть расценено как предательство. Поэтому он и принял непрощенных гостей вполне благосклонно. Но он не стал вступать в переговоры, а перенаправил их к Батыю (Бату).

Однако хан Батый не захотел вступать в переговоры с посланниками французского короля, оставил в ставке Сартака часть «делегации», а самого Гийома де Рубрука отправил к великому хану Мункэ (своему двоюродному брату), в Каракорум.

Далее, как отмечает Жан Пьер Дреж, «Гийом едет почти тем же маршрутом, что и Плано Карпини, и прибывает в Каракорум в декабре 1253 года»³⁶. Фламандец был представлен ко двору великого хана.

* После смерти хана Батыя Сартак стал правителем Золотой Орды, но в 1256 году скончался (по одной из версий, он был отравлен людьми своего дяди Берке).

** Среди монголо-татарского войска было много христиан и христианских (несторианских) священников.

К сожалению, письмо Людовика IX потерялось, и монголы долго не могли понять, в чем состояла цель приезда Рубрука. В Каракоруме, кстати, он встретил нескольких европейцев. Это были немецкие и русские пленники, среди которых оказался даже один ювелир-парижанин, имя его осталось неизвестным.

Во время пребывания в Каракоруме Гийом де Рубрук собрал интереснейшие сведения о китайцах, об их нравах, обычаях и письме. А вот монгольская столица, за исключением дворца великого хана, не произвела на него особого впечатления.

О татаро-монголах Гийом де Рубрук пишет так: «Они не имеют нигде постоянного местожительства (*civitatem*) и не знают, где найдут его в будущем»³⁷.

А вот его версия происхождения татар, моалов (монголов) и Чингисхана: «Это были очень бедные люди, без главы и без закона, за исключением веры в колдовство и прорицания, чему преданы все в тех странах. И рядом с моалами были другие бедняки, по имени тартары. Король Иоанн умер без наследника, и брат его Унк обогатился и приказывал именовать себя ханом; крупные и мелкие стада его ходили до пределов моалов. В то время в народе моалов был некий ремесленник Чингис; он воровал, что мог, из животных Унк-хана, так что пастухи Унка пожаловались своему господину. Тогда тот собрал войско и поехал в землю моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к татарам и там спрятался. Тогда Унк, взяв добычу от моалов и от татар, вернулся. Тогда Чингис обратился к татарам и моалам со следующими словами: “Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас”. И татары, и моалы сделали его вождем и главою. Тогда, собрав тайком войско, он ринулся на самого Унка и победил его; тот убежал в Катайю. <...> Затем Чингис повсюду посылал вперед татар, и

отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: “Вот идут татары!” Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое. Та земля, в которой они были сперва и где находится еще двор Чингисхана, называется Онанкеруле. Но так как Каракорум есть местность, вокруг которой было их первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана»³⁸.

Поразило Гийома де Рубрука и другое — наличие, кроме языческих и буддийских храмов, двух мечетей и одной христианской (несторианской) церкви*. Это было явным доказательством непонятной для средневековых католиков веротерпимости монголов**.

* В 1251 году Мункэ принял решение прекратить продвижение в Европу и завершить покорение Азии. Во главе завоевательных армий он поставил своих братьев. Хан Хубилай отправлялся в поход, чтобы окончательно подчинить монголам Китай. Целью наступления хана Хулагу стала Палестина. На оба эти направления несториане возлагали большие надежды. Хубилай, по словам Марко Поло, в то время уже принял несторианское крещение и должен был возвысить несторианскую церковь в Китае. Хулагу был буддистом, но его жена-кераитка считалась ревностной несторианкой и имела при себе целый штат несторианских священников, в том числе двух епископов.

** Первым католическим миссионером в тех местах считается Джованни Монтекорвино, который в 1299 году построил первую католическую церковь в Ханбалыке (Пекине). Он же стал первым в истории архиепископом Пекинским. А добрался он до Ханбалыка в 1294 году морем, после чего, несмотря на противодействие несториан, развернул там бурную миссионерскую деятельность. Джованни Монтекорвино за 12 лет жизни в Китае изучил местный язык и перевел на него Новый Завет и Псалтырь. Умер он в 1328 году.

А потом великий хан Мункэ передал ему письмо для французского короля. Он назвал себя в этом письме владыкой мира и потребовал от французов присяги на верность.

Кстати сказать, Бартоломео Кремонский так и остался при местной христианской церкви, а Гийом де Рубрук в июле 1254 года покинул монгольскую столицу и поехал домой. Ровно через год он достиг Средиземного моря и вернулся в свой монастырь.

Хотя в дипломатическом отношении путешествие Гийома де Рубрука не принесло французскому королю никакой пользы, оно намного расширило знания европейцев об Азии, ибо Гийом де Рубрук оставил превосходную книгу «Путешествие в восточные страны». Составленное на латинском языке, это сочинение было впервые опубликовано в 1589 году.

Жан Пьер Дреж отмечает: «Подробный рассказ Гийома де Рубрука, не имевший успеха Марко Поло, изобилует точными здравыми наблюдениями, это настоящий этнологический труд, не имеющий ничего общего с “Книгой чудес”»³⁹.

Книга Гийома де Рубрука была очень высоко оценена современниками и потомками, а известный немецкий ученый конца XIX века Оскар Пешель даже назвал ее «величайшим географическим шедевром Средневековья»⁴⁰.

* * *

Как видим, братья Поло не были первыми. Соответственно, не был первым и Марко Поло. Не был он и вторым и даже третьим. Тем не менее его биограф Лоуренс Бергрин отмечает: «Оценить величие свершений Марко Поло можно, сравнивая его по-

вестование с хрониками его предшественников. При всей своей увлекательности первые рассказы были одномерными и буквальными. Марко, в свою очередь, вольно смешивал факты и фантазии, личный опыт и легенды, подкрепляя всё это прямыми оценками встречавшихся ему людей и мест, а также приукрашивая всё это собственным бахвальством»⁴¹.

При этом, как утверждает Филипп Менар в предисловии к книге Марко Поло, у ее автора «не было возможности знать о существовании и ознакомиться с латинскими текстами своих предшественников»⁴².

Глава третья

В ГОСТЯХ У ХУБИЛАЙ-ХАНА

История Хубилай-хана

Шел 1265 год. Хубилай-хан к тому времени практически завершил разгром китайской династии Сун и готовился стать единоличным правителем Монголии и Китая. Ведь в 1259 году умер его брат Мункэ, четвертый великий хан Монгольской империи, а в феврале 1265 года умер другой его брат Хулагу. Все трое они были сыновьями Толуя, младшего сына великого Чингисхана.

Историк Альвизе Дзорци отмечает: «Хубилай не был варваром. Он был монархом, стремящимся к высоким критериям правления, преданным принципам учености и для этих целей применяющим самые эффективные средства»⁴³.

Его самым сильным оружием были вовсе не меч и не яд, как у многих других правителей того времени, а дипломатия и взаимовыгодная торговля.

Этот удивительный человек родился в 1215 году. На Западе его узнали благодаря Марко Поло под именем «Кублай-хан» (*Kublai Khan*). Матерью Хубилая была кереитская царица Сорхатани, которая исповедовала христианскую несторианскую веру.

В качестве небольшой исторической справки имеет смысл сказать, что Хубилай начал путь полководца в войске своего старшего брата Мункэ, который, став великим ханом в 1251 году, отдал в управление Хубилаю все завоеванные территории Северного Китая.

Когда на следующий год Мункэ решил подчинить себе весь Китай, вступив в войну с правящей в южной его части династией Сун, он поручил Хубилаю возглавить операцию по вторжению в юго-западные пределы Китая.

Мункэ, сын Толуя, как пишет английский историк Стэнли Лэн-Пуль, «был обязан своим возвышением частью своей личной репутации воина и полководца, частью своим приверженцам из многочисленных племен собственно Монголии; эти племена, составлявшие цвет монгольских армий при Чингизе, вошли в состав удела Тулуя*»⁴⁴.

В начале 1252 года войско Хубилая совместно с отрядами Урянхатая (сына Субудая, военачальника Чингисхана) форсировало реку Хуанхэ и устремилось в провинции Шэньси и Сычуань. К январю 1253 года оно встало у стен города Дали, столицы провинции Юньнань, в то время — независимого

* Чингисхан, Чингиз-хан, Толуй, Тулуй, Ариг-Буга, Арик-бука... Как справедливо отмечает В. В. Бартольд, «транскрипция, одинаково точно передающая восточное правописание и произношение, немислима, так как одни и те же буквы азбуки, принятой всеми восточными народами, у разных народов произносятся различно»⁴⁵.

Тайского царства. После захвата города и пленения правителя Юньнани Хубилай направил Урянхатая в новый поход, а сам вернулся в Северный Китай. После этого Урянхатай вторгся в царство Аннам (это примерно соответствует современному Северному Вьетнаму) и захватил город Ханой.

Перед основным походом на земли Сунской империи Хубилай основал город Кайпин, предназначенный поначалу для новой столицы его брата Мункэ, но впоследствии ставший его собственной летней резиденцией. Кайпин был переименован в Шанду*, что переводится как «верхняя столица».

А полномасштабное нападение на Сунскую империю было совершено осенью 1258 года. Оставив своего младшего брата Ариг-Бугу править вместо себя в монгольской столице — Каракоруме, Мункэ устремился со своей основной армией через Шэньси в Сычуань, в то время как две другие армии под командованием Хубилая вышли через Хубэй к реке Янцзы. К весне 1259 года Мункэ овладел всей северной Сычуанью и осадил город Хэчуань на реке Цзялин.

Осада продолжалась до августа, когда Мункэ погиб под стенами города (по некоторым данным, он умер в 1257 году, но это неверно), а его войска отошли на север. Весть о смерти Мункэ застала Хубилая возле реки Янцзы, когда его войско приближалось к городу Учану в провинции Хубэй. А потом донесения из Каракорума о том, что Ариг-Буга собирается занять трон, заставили Хубилая заключить мир с Сунской династией и вернуться на север. Хубилай

* Другие названия этого города — Клеменфу, Клемейнсу, Гемейссу и Кайпинфу. Его развалины сейчас находятся в автономной области Внутренняя Монголия у реки Шандухэ.

провел зиму в Яньцзине (современный Пекин) и в апреле 1260 года прибыл в Кайпин. Здесь на курултае (совете монгольской знати) он был провозглашен великим ханом.

Примерно в это же время Ариг-Буга на курултае, собранном в Каракоруме, также был провозглашен великим ханом, и между братьями разгорелась война за власть. Об этой войне мы расскажем ниже, а пока ограничимся лишь тем, что Хубилай-хан в ней одержал победу.

После этого он получил возможность возобновить войну с Сунской империей. Военные действия начались с осады мощной крепости города Сиань-яна в провинции Хубэй, продолжавшейся с 1267 по 1273 год. В 1275 году монгольское войско под командованием самого талантливого полководца Хубилая — «стоглазого»* Баяна — перешло Янцзы и медленно, но неумолимо стало продвигаться вглубь Сунской империи, овладевая одним городом за другим.

В феврале 1276 года пала столица Сунской империи — Ханчжоу. При этом, когда после многочисленных атак Баян, наконец, договорился о сдаче, он остался снаружи, запретив своим войскам вступать в город и грабить его.

Императрицу с сыном привезли к Хубилаю, и тот милостиво обошелся со своими пленниками: они жили при его дворе в полной роскоши до 1288 года, а затем отправились в Тибет изучать буддизм и приняли там монашество.

Сопrotивление сунских войск было подавлено лишь в 1279 году, после падения Кантона и пора-

* Значение «стоглазый» имела китайская транскрипция имени Баяна — Бэй-янь. А согласно легенде завоевать Южный Китай мог только стоглазый человек.

жения китайского флота возле острова Яйшань, на западе от современного Макао.

С разгромом Сунской империи Хубилай стал хозяином всего Китая, который он уже давно считал своей второй родиной. Став великим ханом, он перенес столицу своего государства из Каракорума в Яньцзин, и при нем этот город стал называться Ханбалык («обитель хана»).

В 1271 году Хубилай, выступая в роли объединителя Китая, провозгласил себя основателем династии Юань — двадцатой официальной китайской императорской династии.

Прибытие в Ханбалык

Но это все было позже, а пока братья Поло приняли предложение посла хана Хулагу.

По сути, у них и не было другого выбора. Им ничего не оставалось, как идти на встречу с правителем, которого боялись даже в далекой Европе. И, кстати, было чего бояться, ведь его двоюродный брат Батый в 1236—1242 годах завоевал Рязань, Москву, Владимир, Торжок и Козельск... А еще он покорил все страны до Адриатики и Балтики — Польшу, Чехию, Венгрию, Далмацию, Болгарию и др. Когда же монгольская армия достигла Центральной Европы, даже глава Священной Римской империи Фридрих II вынужден был вступить с Батыем в переписку, утверждая, «что, как знаток соколиной охоты, он мог бы стать сокольничим хана»⁴⁶.

Боялся великого хана и римский папа (в феврале 1265 года им стал Климент IV). Впрочем, Венеция и сама не ладила с Римом, в частности, из-за того,

что венецианские купцы охотно заключали сделки с иноверцами.

Путь братьев Поло ко двору великого хана Хубилая, как мы уже говорили, занял целый год. Место их встречи сейчас точно не определено, но, по всей вероятности, то был Ханбалык (современный Пекин), к которому стекались путешественники и торговцы из многих дальних стран.

Всё в великом хане Хубилае оказалось для братьев Поло неожиданностью: «его изысканная учтивость, так непохожая на устоявшееся представление о диких монголах, его ненасытное любопытство в том, что касается Италии и христианства, его готовность вести переговоры»⁴⁷.

Хубилай, в свою очередь, оказался очень доволен тем, что «эти представители другой культуры могут вести разговор на монгольском языке»⁴⁸.

Расспросы Хубилай-хана

Ханбалыка братья Поло достигли зимой 1266 года, то есть почти через 12 лет после того, как Гийом де Рубрук посетил Каракорум.

На пирах, устроенных в их честь, Хубилай-хан расспрашивал Никколо и Маттео Поло «об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войну, и так далее о всех делах; спрашивал он потом и о королях, князьях и других баронах»⁴⁹. А еще он спрашивал о папе, «о всех делах Римской церкви и об обычаях латинян»⁵⁰.

С трудом верится в то, что братья-купцы были большими экспертами в столь сложных вопросах, однако, если верить Марко Поло, они «говорили ему обо всём правду, по порядку и умно»⁵¹.

Поручение от великого хана

Подробно расспросив своих гостей, великий хан Хубилай решил использовать их как посредников в отношениях с Западом, главным образом с римским папой. Имея огромный опыт в дипломатии, он скрыл свои настоящие замыслы под покровом лести и в конечном итоге предложил братьям сопровождать одного из его вассалов с посольством в Ватикан. Вассала этого звали Когатал.

Конечно же венецианцы не сразу решились принять столь невероятное предложение. Они сомневались, потому что давно уже не были дома и не знали, что там происходило. Не говоря уже о Ватикане. Ведь там братья Поло не бывали вообще, а посему они не были уверены, что сумеют выполнить ханское поручение.

И всё же они согласились. Точнее, вынуждены были согласиться, ибо злить Хубилая отказом не рекомендовалось никому.

В своем официальном послании к папе великий хан Хубилай просил прислать к нему «около ста христиан, умных, в семи искусствах* сведущих, в спорах ловких, таких, что смогли бы идолопоклонникам и людям других вер толком доказать, что идолы в их домах, которым они молятся, — дело дьявольское, да рассказали бы язычникам умно и ясно, что христианство лучше их веры»⁵².

Подобная просьба выглядит странно. Но она вполне соответствовала любознательной натуре великого хана Хубилая. По сути, вопрос стоял так: если папские посланцы смогут доказать свою правоту, он и все его подданные станут «людьми церкви».

* Так назывался полный курс светского образования, включавший в себя грамматику, риторику, диалектику (логику), арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

Что, впрочем, не означало, что они откажутся от приверженности другим религиям. Как отмечает историк Оливье Жермен-Тома, «Хубилай прежде всего хотел поддерживать равновесие между различными религиозными течениями, пересекавшимися и питавшими друг друга в его империи»⁵³.

У великого хана была и еще одна трудноисполнимая просьба: привезти масла из лампы, что у Гроба Господня в Иерусалиме.

Братьям Поло ничего не оставалось, как согласиться и на это. Как говорится, своя рубаха ближе к телу, и им совершенно не хотелось рисковать собственной жизнью, вступая в богословские споры с вождем монголов. Более того, они даже поклялись обязательно вернуться с сотней мудрецов-христиан и с маслом из лампы у Гроба Господня в Иерусалиме. Собственно, они согласились бы и на многое другое, лишь бы благополучно добраться до родной Венеции, хотя, если честно, и новое путешествие с сотней проповедников и без всякого масла выглядело чистой фантастикой.

А Когатал, когда великий хан объявил ему свою волю, лишь поклонился и сказал:

— На то я и есть твой раб, чтобы выполнять, пока есть силы, твои приказания.

Обратная дорога

В обратный путь великий хан Хубилай дал братьям золотую пайцзу. Так называлась табличка с гравировкой государственной печати, выдававшаяся монгольскими ханами людям, которых они посылали с каким-либо важным поручением. Она служила им удостоверением личности, давала защиту и многие другие преимущества.

Никколо с Маттео Поло простились с великим ханом, сели на лошадей и пустились в дорогу. К сожалению, через 20 дней их спутник Когатал серьезно заболел. Он не мог ехать дальше и, как выражается Марко Поло, «остался в некоем городе»⁵⁴. Венецианцы же продолжили путь. При этом, благодаря «монгольскому пропуску», «всюду, куда они ни приходили, принимали их с почетом и служили им; всё, что они ни приказывали, давалось им»⁵⁵.

Обратная дорога, несмотря на защиту ханской пайцзы, оказалась гораздо тяжелее, чем путь до Ханбалыка. Как рассказывает Марко Поло, «ехали они три года, оттого что не всегда можно было вперед идти, то по дурной погоде, то от снегов, то за разливами рек»⁵⁶.

Лаяс и Акра

Через три года братья добрались до Лаяса. В то время это был оживленный торговый порт, располагавшийся на берегу залива Искандерун (Армянского залива) в крайней северо-восточной части Средиземного моря. Сюда привозили пряности и ткани со всего Востока, а потом их скупали торговцы из Генуи и Венеции.

В Лаясе братья сели на корабль. Им предстояла самая рискованная часть путешествия. «На суше им приходилось опасаться только врагов, но путь по воде внушал ужас: только самые бесстрашные, отчаянные или безумные путешественники решались доверить свои жизни прихоти волн и ветров»⁵⁷.

И все же в том же 1269 году братья благополучно достигли Акры — древнего порта на северном побережье нынешнего Израиля, чуть южнее Ливана.

В 1350 году Лудольф фон Сухем, немецкий пилигрим, посетивший Палестину, описывал «слав-

ный город Акру». По его словам, он был выстроен из «ровно обтесанных камней» и обладал «высокими и чрезвычайно мощными башнями»⁵⁸.

Прибыли братья туда в апреле и узнали, что в конце ноября прошлого, 1268 года умер папа Климент IV. Получалось, что задача, стоявшая перед ними, стала невыполнимой. И тогда, не зная, что дальше делать, они пошли к одному очень умному духовному лицу, легату Римской церкви в Палестине. То был, по определению Марко Поло, «человек с весом»⁵⁹.

Его звали Теобальдо Висконти. Ему было 58 лет, и происходил он из Пьяченцы. Братья рассказали ему о поручении, с каким их послал великий хан к папе. Легат выслушал рассказ братьев и очень удивился. А потом сказал:

— Папа, как вы знаете, скончался, и теперь вам нужно ждать избрания нового. Когда новый папа будет выбран, тогда вы и исполняйте то, что вам приказано.

Поняли тогда братья Поло, что время у них есть, и решили, пока будут избирать нового папу, наведаться в родную Венецию.

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРАТЬЕВ ПОЛО В ВЕНЕЦИЮ

Венецианские новости

Из Акры братья направились в Негропонте. Так назывался город на западном берегу острова Эвбея, которым в XIII веке владели венецианцы. Кстати,

словом «Негропонте» (*Negroponte* — Черный мост) они называли и весь остров. Там братья сели на судно и плыли до тех пор, пока не вернулись домой — в Венецию.

В родном городе их ожидали ошеломляющие новости. Прежде всего, дома Никколо Поло узнал о смерти своей жены и о рождении сына, появившегося на свет уже после его отъезда и названного Марко.

Биограф Марко Поло Лоуренс Бергрин пишет: «Вполне возможно, что, уезжая, Никколо мог и не знать, что его жена беременна»⁶⁰.

Как ни странно, точных свидетельств о рождении Марко Поло не сохранилось.

А еще, прибыв в Венецию, братья Поло узнали, что, хотя папа Климент IV уже давно умер, имя нового понтифика всё еще неизвестно.

В конечном итоге, дожидаясь избрания нового папы, Никколо и Маттео Поло прожили в Венеции два года.

Различные версии даты и места рождения Марко Поло

Принято считать, что сын Никколо Поло появился на свет 15 сентября 1254 года, уже в отсутствие отца. Но вот Гийом Потье в предисловии к «Книге Марко Поло» (1865) пишет, что он родился в Венеции в 1251 году⁶¹.

Это не ошибка и не опечатка. 1251 год называется и другой биограф Марко Поло, Морис Тюрпо. А также Джон Пинкертон, Эмиль Фаге, Джозеф Шларман и некоторые другие авторы.

В связи с этим можно сказать следующее. Русский ученый Н. А. Морозов (о нем и его теории будет сказано ниже), утверждая, что в книге Мар-

ко Поло много ошибок и нестыковок, в частности, ссылается на слова, относящиеся к возвращению Никколо и Маттео Поло в Венецию. Дома Никколо якобы узнал, «что жена его умерла и оставила ему двенадцатилетнего сына Марко»⁶². После этого ученый не может удержаться от восклицания: «Это после девятнадцатилетнего отсутствия!»⁶³

Чтобы было понятно, напомним, что в 1250 году Никколо и Маттео Поло уже находились в Константинополе (это утверждение самого Марко Поло), а домой братья вернулись в 1269 году. При этом, согласно официальной версии, Марко Поло родился 15 сентября 1254 года.

Как видим, если Никколо Поло оставлял свою жену беременной, то родиться Марко Поло мог только в 1251 году. А это значит, что Гийом Потье, Морис Тюрпо и иже с ними правы.

Что же касается фразы о том, что «жена его умерла и оставила ему двенадцатилетнего сына», то ее следует понимать исключительно так: мать Марко Поло умерла, когда тому было 12 лет, то есть в 1263 году.

С другой стороны, если предположить, что братья Поло, как утверждает Оливье Жермен-Тома, все же отправились из Венеции не в 1250 году, а лишь в 1253 году или даже в начале 1254 года, то вполне допустимой становится и официальная дата рождения Марко Поло — 15 сентября 1254 года*.

Еще по одной версии Марко Поло родился не в Венеции, а на острове Корчула (по-венедиански — Курзола), что в Адриатическом море близ побережья

* Мы, исходя из того, что книга Марко Поло содержит множество ошибок и нестыковок, будем в дальнейшем описании ориентироваться на то, что этот человек всё же родился в 1254 году. Это означает, что его отец никак не мог уехать в долгое путешествие с братом за четыре года до этого.

Далмации (территория современной Хорватии). Эта версия существенно отличается от традиционной. Ее в XIX веке предложили хорватские исследователи, которые заявили, что первые свидетельства о пребывании семейства Поло в Венеции относятся ко второй половине XIII века, где на них ссылаются как на «Поло из Далмации» (*Poli di Dalmazia*), в то время как вплоть до 1430 года семейство Поло владело домом в Корчуле*.

А вот что пишет в своей книге «Древние и современные путешественники» Эдуар Шартон: «Семейство Поло происходило из Далмации. Обосновавшись в Венеции в 1033 году, оно обогатилось торговлей»⁶⁴.

Чтобы было понятно, остров Корчула (он же Кукар или Курзола) был завоеван венецианским дворянином Пепоне Цорци в 1129 году и управлялся его семьей вплоть до 1180 года. Потом, в 1255 году, он вновь попал под власть венецианцев, когда Марсилио Цорци завоевал главный город острова и заставил местных графов вернуться под знамена Светлейшей республики. И это продолжалось до 1358 года, когда венгерско-хорватский король Людовик I вынудил венецианцев отказаться от власти над Далмацией.

В научной литературе остров Корчула был впервые упомянут в качестве вероятной родины Марко Поло у историка Шиме Любича**. Потом это было подтверждено в книге о Марко Поло Генри Юла в 1871 году***. В XX веке эту же версию серьезно об-

* Подробно эта версия изложена в работе: *Gogala-Dominis F. Dopuna praznini u životopisu Marka Pola // Zadarska revija. God. III. Zadar, 1954.*

** *Ljubić Š. Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia. Vienna, 1856.*

*** *Yule H. The Book of Ser Marco Polo. London, 1871.*

суждали различные авторы, в том числе Дж. Орландини, Д. Росс, П. Пельо и многие другие.

Отметим, что особо ревностные сторонники версии о хорватском происхождении семьи Поло считают Никколо Поло и Маттео Поло выходцами из восточных (из далматских) славян.

В любом случае согласие между историками по поводу происхождения семьи Поло так и не достигнуто. Повторимся: одни считают, что Поло перебрались в Венецию из далматского городка Себенико в 1033 году (этим населенным пунктом попеременно владели венгры и хорваты, а позднее он вошел в состав Венецианской республики), другие уверяют, что Марко Поло родился на Курзоле — острове, который позднее был захвачен генуэзцами.

Есть и третья версия, и ее сторонники утверждают, что имя Поло — это римское имя Паулюс (*Paulus*) в венецианском произношении. Оно часто появляется в гражданских записях, начиная «с 971 года, когда венецианец по имени Доменико Поло подписал петицию, запрещающую торговлю с арабами»⁶⁵.

Повторный брак Никколо Поло

Как бы то ни было, когда мать Марко умерла, его воспитывала тетка по отцовской линии. С ней Марко получил вполне сносное по тем временам образование: он читал Библию и кое-каких античных авторов, умел считать и писать. А все свое свободное время мальчик проводил на венецианских каналах или в порту, куда приходили и откуда отправлялись нагруженные всевозможными товарами торговые суда.

Биограф Марко Поло Оливье Жермен-Тома пишет: «Мы ничего не знаем о встрече брошенного сына и исчезнувшего отца. Но известно, что Никколо повторно женился. Он взял себе в жены девушку из влиятельной семьи Тревизан, носившую прекрасное имя Фьордализа <...> и оставил ей свидетельство своей любви — ребенка»⁶⁶.

Примерно о том же говорит и Лоуренс Бергрин: «Хотелось бы думать, что Никколо, став вдовцом, тратил время на знакомство со своим “маленьким сыном”, о существовании которого прежде он и не подозревал, но архивные записи говорят об обратном. В мгновение ока Никколо нашел себе новую жену, и она забеременела»⁶⁷.

Второго сына Никколо Поло называли Маттео (Маффео). О нем будет рассказано ниже.

Снова в дорогу

Прошло два года, а нового римского папу всё не могли избрать. В конечном итоге, желая выполнить поручение Хубилай-хана, братья Никколо и Маттео отправились в Акру, взяв с собой шестнадцатилетнего Марко. Они покинули Венецию весной 1271 года.

Биограф Марко Поло Лоуренс Бергрин пишет: «Хотя Марко совсем не знал отца и дядю, их приключения глубоко запечатлелись в его душе и предопределили будущее. Он слушал их рассказы о Шелковом пути и о монголах, о юртах и кумысе. Более всего он услышал об их знакомстве с удивительной личностью, Хубилай-ханом, рядом с которым даже облик дожа казался малозначительным»⁶⁸.

В Акре Поло вновь нашли легата Теобальдо Висконти и вновь поговорили с ним о делах, вы-

разив желание получить масло из лампы у Гроба Господня, чтобы выполнить хотя бы это данное Хубилай-хану обещание. И папский легат разрешил им сходить для этого в Иерусалим, который «хотя и находился в руках “неверных”, но все же принимал многочисленных христианских паломников»⁶⁹.

Там, вместе с другими паломниками к святейшей из святынь, венецианцы получили нужное им масло, за которое, по всей видимости, им пришлось преподнести щедрые дары. Затем они поспешили вернуться в Акру и сказали Теобальдо Висконти:

— Мы и так уже сильно задержались, а папа всё не избран. Поэтому мы хотим вернуться к великому хану.

На это представитель Римской церкви ответил:

— Тому, что вы хотите вернуться к великому хану, я радуюсь.

После этого он приказал изготовить письма для Хубилая и засвидетельствовал в них, что Никколо и Маттео Поло прибыли исполнить его поручение, но папа так и не был избран, «и дел его они исправить не могли»⁷⁰.

Получив эти письма, венецианцы отправились из Акры в Лаяс. Но теперь путешественников было уже пятеро, ибо Теобальдо Висконти отрядил вместе с венецианцами еще двух монахов-проповедников. Одного звали Никколо Виченцкий, а другого — Гийом Триполийский. Им он также дал верительные грамоты и письма к великому хану, а еще устные поручения. Это были люди «самые умные во всей области»⁷¹.

Итак, Никколо, Маттео и два монаха испросили у Теобальдо Висконти благословение и отправились в дальний путь. Марко, сын Никколо, поехал вместе с ними.

Новый папа

Вскоре путешественники прибыли в Лаяс. И только они пришли туда, как Теобальдо Висконти, хотя он и не был кардиналом, был избран папой и стал называться Григорием X.

Тут следует отметить, что после смерти Климента IV коллегия кардиналов разделилась на две фракции — французов и итальянцев. Они никак не могли прийти к согласию о кандидатуре нового папы, поскольку ни один из претендентов не мог набрать необходимых двух третей голосов. В результате вся эта история длилась почти три года. Наконец, градоначальник Витербо, где собрались кардиналы, не выдержал и приказал заточить выборщиков во дворец, ограничив им рацион питания. После этого коллегия из пятнадцати кардиналов выбрала шестерых представителей, которым было поручено избрать папу. И вот 1 сентября 1271 года они неожиданно остановили выбор на шестидесятилетнем Теобальдо Висконти, который в то время находился на Святой земле. Его немедленно вызвали в Италию.

Глава пятая

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

Начало пути к Хубилай-хану

Узнав, что Теобальдо Висконти стал папой Григорием X, братья Поло сочли, что теперь у них имеется все необходимое и можно смело отправляться к верховному правителю всех монголов. Они переместились в порт Лаяс, через который несколько лет назад возвращались домой.

П. К. Губер в своей книге о Марко Поло пишет: «Возвращение в Лаяс произошло, надо думать, в самом конце 1271 года. Марко уже исполнилось пятнадцать лет»⁷². Но если считать, что Марко Поло родился 15 сентября 1254 года, ему исполнилось не 15, а 17 лет.

Лаяс, хотя и был небольшим городком, буквально кишел купцами из Венеции, Генуи и других европейских городов. Короче говоря, торговля там кипела, но, к сожалению, как только Поло оказались там, началась война.

В некоторых источниках говорится, что на Армению напал «султан вавилонский Бандокдер»⁷³. Гийом Потье называет его «мамлюкским султаном Бибарсом, прозванным Бондокдари (носителем арбалета)»⁷⁴. А вот Генри Харт называет этого человека Бейбарсом Арбалетчиком и утверждает, что это был «бывший раб, занявший трон мамелюков»⁷⁵.

На самом деле его звали Бейбарсом I, а полное его имя звучало так: аль-Малик аз-Захир Рукн ад-дунийя ва-д-дин Бейбарс аль-Бундукдари ас-Салих. Это был мамлюкский султан Египта и Сирии из династии Бахритов. Этот человек был известен успешными войнами в Палестине против монгольских ильханов (правителей) и европейских крестоносцев. Теперь же он напал на Армению и, круша всё на своем пути, завоевал ее.

Он наделал в Армении «много зла»⁷⁶, и папские посланцы не на шутку испугались. Они поняли, что им грозит верная смерть, и отказались продолжать путь: «...они отнюдь не горели тем благочестивым рвением, которое заставляло многих их собратьев преодолевать знойные пустыни и снежные горы для обращения язычников в самых глухих местах земного шара»⁷⁷.

В результате ученые монахи отдали братьям Никколо и Маттео верительные грамоты, письма и папские подарки, попрощались и побрели назад. По сути, они трусливо дезертировали, даже не поставив в известность об этом папу Григория X. А братья Поло не спасовали перед первым же препятствием. Три отважных венецианца — Никколо, Маттео и Марко — пошли дальше. Они решили во что бы то ни стало достигнуть владений великого хана, который жил в то время в большом богатом городе Клеменфу*.

Дед Марко, Андреа Поло, не зря гордился своими сыновьями. Они принадлежали к венецианской знати, хотя никогда не находились в ее первых рядах.

Лоуренс Бергрин отмечает: «Записи в венецианском архиве именуют Марко *nobilis vir*, то есть благородный муж. Для Марко Поло этот титул много значил, он относил себя к аристократии, считая, что его ранг должен почитаться повсюду в мире. Он всегда и везде действовал, находясь в уверенности, что благородное происхождение защитит его от нападений разбойников и злодеев, обирающих простых смертных»⁷⁸.

К тому же великий хан Хубилай дал его отцу и дяде золотую пайцзу, и она гарантировала всем трем безопасность на бескрайних просторах Азии. К тому же в их пользу было знание местных языков.

Немаловажен был и такой факт: братья Поло верили в широкие возможности торговли с Востоком. Они искренне считали себя защитниками христианской веры и настоящими дипломатами,

* Клеменфу (Клемейнсу, Гемейссу, Кайпинфу или Шанду); развалины этого города находятся в автономной области Внутренняя Монголия у реки Шандухэ.

но в первую очередь они были коммерсантами, а это значило, что в их глазах материальные выгоды преобладали над любыми опасностями.

И вот теперь для них настал решающий момент испытать себя: перед ними находилась Армения, а дальше начинался путь в сердце Великой Монгольской империи. Это мог быть путь в никуда. А мог быть путь к славе и богатству. На карту было поставлено всё: если бы они просчитались, о них, возможно, уже никто никогда и не услышал бы.

Но мечты — мечтами, а дорога, вопреки ожиданиям, оказалась осложнена тем, что уже на первой стадии путешествия выяснилось, что Никколо и Маттео — совсем не специалисты в выборе маршрута. Паутина лежавших перед ними дорог приводила их в панику. Начались сомнения, эти извечные порождения ума. «Хоть это и был век веры, успех экспедиции зависел от подготовки и знаний, дополняемых удачей, выразившейся в счастливых совпадениях по времени и месту. В первые месяцы отряду Поло всего этого очень недоставало»⁷⁹.

Малая Азия

Генри Харт совершенно справедливо отмечает: «В литературе разгорались горячие споры относительно пути, по которому следовали Поло, продвигаясь от Лаяса до того места, где они, наконец, встретились с ханом Хубилаем. В первой части своей книги Марко путь этот не очертил. Грандиозному путешествию от Венеции до Шанду там посвящена одна краткая страница»⁸⁰.

Но путешествие длилось три с половиной года, и было бы интересно попытаться реконструировать

маршрут передвижения отважных венецианцев. Тем более что различные замечания в книге Марко Поло позволяют сделать это — правда, в очень общих чертах.

Жюль Верн в своей «Истории великих путешествий» пишет: «Марко Поло вместе со своим отцом и дядей Маффео начал путешествие с Малой Армении»⁸¹. Генри Харт также утверждает, что «первой страной, которую они проехали, была Малая Армения»⁸².

Чтобы было понятно, Малая Армения — это историческая область в верховьях реки Евфрат, граничившая на севере с Черным морем, а на востоке — с Великой Арменией (граница проходила по Евфрату).

Однако утверждения процитированных выше авторов не совсем верны. Скорее, речь должна идти о Киликии, находившейся на берегу Средиземного моря и простиравшейся на юге до Палестины. А вот из Киликии путешественники двинулись в Анатолию (полуостров Малая Азия), которую Марко Поло называет Туркменией.

Это название не должно вводить в заблуждение: Туркмения — это не «страна туркмен», а нынешняя азиатская часть Турции. О ней в книге Марко Поло сказано: «В Туркмении три народа: туркмены [турки] чтут Мухаммеда и следуют его закону; люди простые, и язык у них грубый. Живут они в горах и в равнинах, повсюду, где знают, что есть привольные пастбища, так как занимаются скотоводством. <...> Есть тут еще армяне и греки; живут вперемешку по городам и городищам; занимаются они торговлей и ремеслами»⁸³.

Проехав ее, венецианцы вступили в пределы Великой Армении, простиравшейся от Евфрата до

Куры на северо-востоке и Каспийского моря на востоке. В те времена Великая Армения представляла собой удобное становище для татаро-монгольской армии.

Ноев ковчег (Арарат)

В Анатолии Марко Поло собирал рассказы о Ноевом ковчеге, якобы причалившем после окончания Всемирного потопа к горе Арарат, высочайшей вершине тех мест. Там, согласно Библии, должны были находиться его останки. Конечно же Марко хотелось найти подтверждение описанных в Библии событий.

Гора Арарат сейчас находится на востоке Турции, в 16 километрах от границы с Ираном.

Согласно Библии, Ной, выйдя из ковчега, построил первый после потопа алтарь и принес жертвоприношение, поблагодарив Бога за спасение. Там же Бог якобы пообещал Ною, что больше не будет наказывать человечество, уничтожая людей, если те, в свою очередь, перестанут уничтожать друг друга.

Биограф Марко Поло Оливье Жермен-Тома утверждает: «От Малой Поло перешли к Великой Армении, где они имели удовольствие видеть Ноев ковчег, находившийся на вершине горы Арарат»⁸⁴.

Но видели ли они его на самом деле? Скорее всего, не видели, ведь Марко Поло никогда не утверждал обратного: он лишь «упомянул о том, что “на далекой земле Армении во льдах высокой горы покоится Ноев ковчег”. В XIX веке искателям дважды удавалось найти его, но материальных свидетельств их успеха, кажется, не сохранилось»⁸⁵. То есть он лишь «записал предание»⁸⁶. Не более того.

Мосул на реке Тигр

Следующим городом на пути отважных венецианцев был Мосул (или Моссул), расположенный на правом берегу реки Тигр.

В книге Марко Поло сказано: «Мосул — большое царство, живут тут многие народы, и вот какие: есть здесь арабы-мусульмане и еще другой народ исповедует христианскую веру, но не так, как повелевает Римская церковь, а во многом отступает. Называют этих людей несторианами и якобитами. Есть у них патриарх. <...> Патриарх этот назначает архиепископов, епископов, аббатов и других прелатов»⁸⁷.

Сказанному можно верить. Мосул до монгольского завоевания в 1182 году находился под мусульманским правлением, но ко времени прибытия Поло он уже был открыт всевозможным религиям, включая христианство.

Кстати сказать, несторианцы — это последователи Нестория, который в V веке был архиепископом в Константинополе. Несторий учил, что Иисус Христос познается в двух естествах — как Бог и как человек, что он есть одновременно и Бог, и человек. Он говорил, что «от Девы Марии родился человек Иисус. <...> Поэтому Пресвятую Деву он называл Христородицею, а не Богородицею. <...> Ересь Нестория была осуждена церковью на III Вселенском (Эфесском) соборе в 431 году»⁸⁸.

Будучи гонимыми в Византии, несториане обособились от всего остального христианского мира и «установили свое патриаршество в Багдаде, а их влияние ощущалось по всей Сирии, Малой Азии, Ираку, Персии и даже в Китае»⁸⁹.

В своей книге Марко Поло потом часто упоминал о встречах с несторианами, но вот действительно ли Поло были в Мосуле?

Жак Хеерс на этот вопрос отвечает так: «Они резко свернули с дороги на юг <...> чтобы достигнуть долины Евфрата, потом Месопотамии, а затем пройти через Моссул и Багдад»⁹⁰.

А вот В. Б. Шкловский сомневается в этом: «В Моссуле Марко Поло, вероятно, не был. Земли, которые Марко Поло видел и о которых он только слышал, отмечаются в его описаниях. Правда, рассказал он, что и в Моссуле ткут отличный букаран, самый красивый и самый тонкий на свете. Все царицы одеваются в него. Это, очевидно, муслин, и здесь купец не ошибается, но самое важное для Марко Поло в Моссуле — это алмазы, и сообщал он об этих алмазах по сказкам»⁹¹.

Багдад

Точно так же не уверен и Генри Харт, который пишет: «Далеко не ясно, побывали ли Поло в Багдаде, так как Марко описывает его очень бегло»⁹².

А вот ирландец Тим Северин, попытавшийся повторить путь Марко Поло на мотоцикле, рассуждает так: «На первый взгляд подробное описание Багдада кажется достаточным доказательством того, что Марко Поло действительно посетил город. Однако в последующие годы появилась другая версия, указывающая, что, скорее всего, караван Поло пошел по другому маршруту»⁹³.

Впрочем, многие другие авторы, писавшие о Марко Поло, уверены, что он в Багдаде был. Например, Жюль Верн утверждает: «Путешественники спустились в королевство Моссул и прибыли в город того же имени, расположенный на правом берегу Тигра; потом они посетили Багдад»⁹⁴.

Историк А. Г. Юрченко пишет: «В год, когда пал Багдад, Марко Поло исполнилось четыре года. В 1271 году он, пятнадцатилетним юношей, побывал в Багдаде»⁹⁵.

Как известно, монголы захватили Багдад в 1258 году. Марко Поло тогда действительно было четыре года. Но вот в 1271 году ему было не 15, а как минимум 16 лет.

А вот мнение Оливье Жермен-Тома: «После озера Ван Поло взяли направление на Персию, так что им не было никакого смысла делать крюк через Багдад»⁹⁶.

Примерно так же рассуждает и Лоуренс Бергрин: «Марко уверенно описывает Багдад, но маловероятно, что он действительно побывал там. Чтобы скрыть это упущение, он прибегает к байкам»⁹⁷.

В его книге Багдад назван Бодаком, и там сказано: «Бодак — большой город. Точно так же, как в Риме — глава всех в мире христиан, так и здесь живет калиф всех в мире сарацин. Посреди города — большая река; по ней можно спуститься в Индийское море; купцы с товарами плавают по той реке взад и вперед. От Бодака до Индийского моря, знайте, добрых оснадцать дней пути. <...> В Бодаке выделывают разные шелковые и золотые материи. <...> Во всей стране это самый знатный и большой город. У бодакского калифа, по истинной правде, золота, серебра и драгоценных камней более, нежели у кого-либо»⁹⁸.

Всё это действительно очень напоминает сказки о халифе Гарун-аль-Рашиде и его невиданных богатствах. По мнению Лоуренса Бергринга, «к этому фантастическому и карамельному рассказу приложил руку Рустичелло»⁹⁹.

Тебриз

После Багдада в своем повествовании Марко Поло резко переходит к Тебризу (Тавризу или Торису), персидскому городу в провинции Азербайджан, построенному, по преданию, Зубейдой-хатун, одной из жен Гарун-аль-Рашида, великолепный дворец которого стал местом действия сказок из цикла «Тысяча и одна ночь».

Этот город в Средние века был крупнейшим в регионе, и после завоевания Багдадского халифата и разорения Багдада хан Хулагу именно его сделал столицей своей державы

По словам Генри Харта, это был «торговый центр, куда съезжались люди со всех концов света — здесь была цветущая купеческая колония генуэзцев»¹⁰⁰.

В книге Марко Поло сказано: «Выделываются тут очень дорогие золотые и шелковые ткани. Торис на хорошем месте; сюда свозят товары из Индии, из Бодака [Багдада], Мосула, Кремозора и из многих других мест; сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы. Покупаются тут также драгоценные камни, и много их здесь. Вот где большую прибыль наживают купцы»¹⁰¹.

Однако, восхищаясь торговой жизнью Тебриза, Марко Поло выражает явное недовольство его населением. Он, например, отмечает, что «сарацины из Ториса народ нехороший, злой»¹⁰².

Сава и Керман

Из Тебриза наши венецианцы попали в персидский город Сава, а затем в Керман (Крерман), прославленный персидскими коврами.

В книге Марко Поло говорится: «Крерман — древнее царство в самой Персии, им владели цари по наследству, но с тех пор, как его покорили татары, нет тут наследственных владетелей; татары, кого пожелают, того в цари и ставят»¹⁰³.

Дальше он описывает огромный скальный хребет, откуда по дороге «под гору едешь два дня». По его словам, «всяких плодов тут повсюду вдоволь. В старину были там поселки, а теперь их нет, и народ, что живет там, скот пасет»¹⁰⁴.

Между городом Керман и этим хребтом «зимою такой холод, еле спасаешься под одеялами и шубами»¹⁰⁵.

Отметим, что в Персии венецианцы вступили в достаточно опасные места, так как, «несмотря на монгольскую верховную власть, вооруженные банды продолжали тут грабить караваны»¹⁰⁶.

Главной проблемой для путешественников здесь было «множество разбойников, называемых караунасами»¹⁰⁷. Этот термин употреблялся монголами для обозначения племен, образовавшихся от смешения монголов с туземцами. Караунасы, о которых говорит Марко Поло, кочевали вдоль восточных границ Персии и держали всех в страхе. Они отлично знали местность, собирались в огромные банды, и «ничто, найденное ими без защиты, ни человек, ни скот, ни товары, не могло избежать пленения»¹⁰⁸.

Ормуз

А потом путешественники вышли к Персидскому заливу, к порту Ормуз. Этот богатый порт располагался в северной части пролива, разделяющего ныне Оманский и Персидский заливы, и «конку-

рировал с Константинополем, на который <...> во многом походил»¹⁰⁹. Там Поло собирались погрузиться на корабль, направляющийся в Индию, чтобы оттуда также по морю добраться до Китая.

Жан Пьер Дреж в своей книге «Марко Поло и Шелковый путь» выражает сомнение в том, что венецианцы добрались до Ормуза. Он пишет: «Спустились ли они или нет до Курмоса (Ормуза), остается под вопросом»¹¹⁰.

Другие авторы уверены, что они там точно были, и там, в Ормузе, рухнули их планы на продолжение путешествия по морю. Причину всего этого можно усмотреть в описании тех кораблей, на которых шла торговля с Китаем по Индийскому океану.

Марко Поло в своей книге удрученно рассказывает: «Суда у них плохие, и немало их погибает»¹¹¹.

Сообщает он и некоторые подробности о постройке этих судов: «Железа для выделки гвоздей у них нет, болты делают из дерева, суда сшивают веревками»¹¹². То есть получается, что суда в Ормузе были сколочены не железными гвоздями, как в Европе, а связаны веревками из коры индийских орехов.

«Кору эту, — рассказывает Марко Поло, — они бьют до тех пор, пока она не делается тонкой, как конский волос, и тогда вьют из нее веревки и ими сшивают суда; веревки эти прочны и от соленой воды не портятся»¹¹³.

На увиденных в Ормузе хлипких суденышках были всего одна мачта, один парус, одно весло. Палуб на них не было, а груз клали прямо на дно и покрывали сверху кожами. Такое устройство внушало тревогу: наши венецианцы предпочли бы для надежности два руля, две мачты и солидную палубу. Же-

лезных якорей на таких судах тоже не было, так что в непогоду их относило к берегу и разбивало. В книге Марко Поло так и сказано: «Бури в Индийском море часты, и много их (судов. — С. Н.) гибнет»¹¹⁴.

У биографа Марко Поло Генри Харта читаем: «Очевидно, венецианцы пришли к выводу, что длительное плавание на таких ненадежных судах да еще с лошадьми, обычно погружаемыми поверх накрытых кожей товаров, чересчур рискованно — они повернули на северо-восток, вглубь страны, по направлению к Памиру»¹¹⁵.

Снова Керман, затем Кобинан и Тонокаин

Никколо, Маттео и Марко Поло спешно покинули Ормуз и вернулись в Керман, где вновь принялись обдумывать способ добраться до двора Хубилай-хана. В конечном итоге они пошли «опасной дорогой через бесплодную пустыню, в которой попадаете лишь горькая стоячая вода»¹¹⁶.

Теперь, испугавшись ненадежных судов, они пустились в путь на верблюдах — по древним торговым дорогам, получившим название Великий шелковый путь.

П. И. Пашино, известный путешественник по Востоку и писатель, в своей книге «Туркестанский край в 1866 году» описывает езду на верблюдах так: «Верблюды <...> хуже лошадей, но уж так мать-природа устроила, что один верблюд мог тащить то, от чего отказывалась почтовая тройка. Беда вся заключалась в отсутствии корма. Содержатели лошадей сильно жаловались на это. <...> Верблюды же везде что-нибудь да найдут себе поесть и вы-

носливее лошади. <...> Мы были бы очень счастливы, если бы делали по пять верст в час; но, увы, мы двигались только со скоростью 25 верст в сутки. Это происходило не совсем оттого, чтобы нам мешали пески. <...> Голодные и упрямые донельзя верблюды — вот где было наше горе. <...> Во время запряжки возня с ними отнимает добрый час времени: то верблюд ляжет и не хочет подняться <...> то потянет возок с дороги <...> при этом все свои проказы сопровождает невыносимым ревом, фырканием и отрыжкой»¹¹⁷.

Двадцать пять верст в сутки — это около 27 километров. С другой стороны, крепкие бактрианы (двугорбые верблюды) за сутки могут преодолеть более 100 километров, развивая скорость до 10—12 километров в час. Их выносливость вошла в легенды. Ни одно животное не может сравниться с ними в пустыне. Но ими нужно уметь управлять. Или хорошо платить тем, кто умеет это делать.

Как бы то ни было, спустя семь дней на спинах верблюдов изможденные и измученные жаждой венецианцы достигли Кобинана (Кухбенана). Так назывался населенный пункт, находившийся к северо-западу от Кермана, на западном склоне хребта Кухбенан, пересекающего современный Иран с северо-запада на юго-восток. А из Кобинана они совершили многодневный переход через пустыню в северном направлении и прибыли в Тонокаин (ныне это иранская область, где находится город Фердоус). Эта область и ее жители Марко Поло весьма понравились: «...много всякого добра в городах и в замках, и нет тут ни большой жары, ни большого холода; всё в меру. Народ молится Мухаммеду. Мужчины очень красивы, но в особенности — женщины»¹¹⁸.

«Старец горы»

Помимо женщин Тонокаина, Марко Поло отметил в своей книге таинственного «Старца горы»*, а также его секту убийц-ассасинов.

Поясним, что под названием ассасины (или хашашины — «употребляющие гашиш») в Средние века получили широкую известность террористы-исмаилиты. По сути, это была секта, члены которой, одурманенные наркотиками, совершали многочисленные убийства на политической и религиозной почве. В результате к середине XIV века слово «ассасин» (*assassin*) приобрело во французском и ряде других европейских языков новое значение: профессиональный убийца.

В Персии было даже создано исмаилитское государство, историю которого прервали в 50-е годы XIII века завоевания хана Хулагу, внука Чингисхана.

Официально секта ассасинов прекратила свое существование в 1256 году, после того как пала крепость Аламут. Ассасины были вынуждены рассеяться по горам и уйти в подполье, и они так больше и не восстановили своего могущества.

В описываемые времена методы исмаилитов и образ их жизни были уже настолько хорошо известны на Ближнем Востоке, что информация Марко Поло, очевидно, отвечает действительности.

Аламут был личной резиденцией «Старца горы», а главным центром подготовки ассасинов считался замок Ламасар.

* По мнению Тима Северина, эта история была вставлена в рассказ Марко Поло «словно по заказу, чтобы поразить легковерную аудиторию»¹¹⁹.

«Старец горы» — это основатель секты Хасан ибн Саббах. По свидетельству Марко Поло, он развел «большой отличный сад в долине, между двух гор; такого и не видано было. Были там самые лучшие в свете плоды. Настроил он там самых лучших домов, самых красивых дворцов, таких и не видано было прежде; они были золоченые и самыми лучшими в свете вещами раскрашены. Провел он там каналы; в одних было вино, в других — молоко, в третьих — мед, а в иных — вода. Самые красивые в свете жены и девы были тут; умели они играть на всех инструментах, петь и плясать лучше других жен. Сад этот, толковал старец своим людям, есть рай. <...> Входил в него только тот, кто пожелал сделаться ассасином. При входе в сад стояла неприступная крепость; никто в свете не мог овладеть ею; а другого входа туда не было»¹²⁰.

В этом «раю» ассасины проходили «полный курс боевой подготовки, учась убивать кинжалом, мечом, удавкой и ядом, принимать в целях маскировки обличье купцов и нищих, музыкантов и священнослужителей»¹²¹.

О том, как Хасан ибн Саббах добивался от своих учеников полного подчинения, Абдель-Рахман Дамасский в своей книге «Искусство лжи» рассказывает так: «Предводитель ассасинов приказал вырыть в своем зале для аудиенций глубокую и узкую яму. По его выбору какой-нибудь из старших учеников забирался туда так, чтобы была видна одна голова. Вокруг его шеи размещали круглое медное блюдо из скрепленных между собой половинок с отверстием в центре. На блюдо наливали немного крови, так, что казалось, что на нем лежит свежесрубленная голова.

После этого в зал вводили ассасинов-новичков. Хасан обращался к голове с требованием рассказать собравшимся о том, что она видела в загробном мире. И “мертвая плоть” открывала глаза и на все лады принималась расписывать прелести рая. Когда рассказ заканчивался, “Старец горы” гордо сообщал обманутым, что только ради них он на время оживил мертвеца, дабы они узнали от него об уготованной им загробной жизни. А когда потрясенные новички удалялись из зала, несчастному обманщику тут же на самом деле отрубали голову и вешали ее на всеобщее обозрение, дабы никто не мог усомниться в могуществе и правдивости Хасана»¹²².

Хасан ибн Саббах требовал от своих людей абсолютного аскетизма и сам придерживался такого же образа жизни. Внутри секты были установлены жесткие и авторитарные порядки. В частности, по подозрению в нарушении установленных правил «Старец горы» даже приказал казнить одного из своих сыновей.

Надо полагать, что сам Марко Поло не стал кивался с ассасинами, и писал он о них так, словно они уже тогда отошли в прошлое. Он явно заблуждался. После того как в 1256 году хан Хулагу разрушил их крепость, они рассредоточились по окрестным горам и с тех пор жили, соблюдая всяческие предосторожности и неся смерть в окрестные земли.

В книге Марко Поло сказано: «Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих ассасинов; посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют;

кто останется цел, тот возвращается ко двору; случается, что после смертоубийства они попадают в плен и сами убиваются»¹²³.

А вот еще несколько слов венецианца о Хасане ибн Саббахе*: «Кого горный старец порешил убить, тому не спастись. Скажу вам по правде, много царей и баронов из страха платили старцу дань и были с ним в дружбе»¹²⁴.

Сапурган

Но вернемся к нашим героям. Много дней они ехали по знойным пустыням и плодородным равнинам, пока не оказались в городе Сапурган, где, к удовольствию Марко Поло, в изобилии водилась дичь и была превосходная охота.

В книге Марко Поло сказано о Сапургане: «Там всего вдоволь. Лучшие в свете, скажу вам, тут дыни, и много их. Сушат их вот как: нарежут тонкими ломтиками, выложат на солнце и сушат; и делаются они слаще меда. Ими торгуют, развозят во все окрестные страны. Много тут также всякой дичи, и зверей, и птиц»¹²⁵.

От себя добавим, что Сапурган Марко Поло — это город Шибирган в современном Афганистане, а это значит, что Никколо, Маттео и Марко Поло уже удалились от портового Армуза примерно на 1400 километров, а от родной Венеции — на 4300 километров. И это — если смотреть по карте, то есть по прямой. В действительности они преодолели гораздо большее расстояние.

* Хасан ибн Саббах умер в 1124 году, а его государство просуществовало потом еще 132 года.

Балх (Бактрия)

Далее наши путешественники повернули на восток и с опаской двинулись через территорию современного Афганистана. Проследить точный путь венецианцев практически невозможно: «...главное затруднение — чрезвычайная неопределенность отчета, который Поло дает о своих передвижениях на этом отрезке пути»¹²⁶.

Тим Северин, также побывавший в этих местах, следуя по описаниям Марко Поло, недоумевает: «Марко Поло должен был пройти в нескольких милях от Александрии, известной всему миру. Однако он ни разу не упоминает о ее существовании. Причиной этого странного умолчания следует считать ужасающее опустошение, следствие нашествия Чингисидов»¹²⁷.

В данном случае современный искатель приключений имеет в виду афганский город Герат, на месте которого в древности находился персидский город Александрия, один из главных центров несторианства, который в 1221 году был взят монголами и полностью разрушен.

Что же касается наших венецианцев, то из Сапургана они направились к Балху, городу в северном Афганистане.

Балх (Балк или Бактрия) — это один из старейших городов Азии, некогда столица Бактрианы (так в древности называлась местность, лежавшая между западной частью Гиндукуша и рекой Аму (или Хигон), отделявшей ее от лежащей севернее Согдианы).

Первоначальная история Бактрианы покрыта мраком преданий, и она считается местом деятельности великого пророка Зороастра (Заратустры).

А еще именно в этом городе Александр Македонский якобы женился на Роксане, дочери персидского царя Дария.

В 1221 году город пал перед монгольским завоевателем Чингисханом. И здесь «мнения историков расходятся: Ибн аль-Асир пишет, что Балх сдался и Чингисхан его пощадил; Джунейни утверждает, что хан изменил своему слову»¹²⁸. То есть он продал в рабство всю молодежь Балха, а остальное население перебил со страшной жестокостью. Фактически Балх был стерт с лица земли, и наши венецианцы могли увидеть лишь его печальные руины, хранившие образы былого величия.

В книге Марко Поло так и сказано: «Балх — большой, знатный город, а прежде он был и больше, и еще лучше. Татары и другие народы грабили его и разрушали; в старину, скажу вам, тут было много красивых дворцов, много прекрасных мраморных домов; все они разорены, разрушены»¹²⁹.

Тайкан

Из Балха путь Поло лежал на восток — в Тайкан (ныне это город Талукан на северо-востоке Афганистана). По свидетельству Тима Северина, «в этих местах Афганистана путника, путешествующего по древним дорогам, не может не посетить мысль, что здесь история как бы остановилась»¹³⁰. В те давние времена, как и теперь, этот город был известен своими соляными промыслами.

В книге Марко Поло сказано: «Славная страна; к югу высокие горы, и во всех есть соль; отовсюду, за тридцать миль вокруг, приходят за этою самою лучшею в свете солью. Соль твердая, ломают ее

большими железными заступами; и так ее много, что хватит на весь свет до скончания мира»¹³¹.

Отметим, что в те времена соль ценилась очень высоко и «была своеобразной валютой (с римскими солдатами расплачивались солью), соль была средством консервации, соль была двигателем античной и средневековой экономики»¹³².

Год в Бадахшане

После Тайкана венецианцы прибыли в Бадахшан (Балашан или Баласиан) — припамирскую область на границе нынешних Таджикистана и Афганистана. Эта отдаленная область находилась в районе истока реки Окс (нынешней Амударьи).

Надо сказать, что Поло с большим облегчением достигли Бадахшана, цари которого произошли «от царя Александра и дочери царя Дария, великого властителя Персии»¹³³.

Бадахшан в те времена был цветущим оазисом посреди пустыни, а измученным путникам после долгих недель, проведенных на пыльных извилистых дорогах, так нужен был покой и отдых.

В книге Марко Поло говорится, что этот город был обязан своим богатством и славой рубинам: «в той области водятся драгоценные камни балаши; красивые и дорогие камни»¹³⁴.

Местный царь, если верить Марко Поло, сам искал драгоценные камни в пещерах горы Шигхинан, оставляя самые дорогие себе и казня любого, кто осмелится добывать их без его специального разрешения.

В книге Марко Поло говорится: «Посылает их царь со своими людьми другим царям, князьям и

знатным людям, одним как дань, другим по дружбе; продает он их также на золото и серебро, и делает так царь потому, что балаши очень дороги и ценны. Позволь он всем вырывать их и разносить по свету, добывалось бы их много, подешевели бы они и не были бы так ценны, поэтому-то царь и смотрит за тем, чтобы никто их не добывал без позволения»¹³⁵.

Аналогичный принцип распространялся и на сапфиры, добывавшиеся в этих горах, а также на золото, серебро, медь и свинец.

А еще во времена Марко Поло Бадахшан был крупнейшим производителем опиумного мака на территории нынешнего Афганистана, а Афганистан всегда был и сейчас остается его первым в мире производителем. Но тогда венецианцы не увидели зла в этих цветах. Возможно, они использовали их в качестве лекарства, а потом перешли к курению. А вот подполковник группы «Вымпел» КГБ СССР Эркебек Абдуллаев вообще пишет так: «Подозреваю, что и Марко Поло грешил контрабандой опиума»¹³⁶.

Доказать или опровергнуть это невозможно, но в любом случае именно это может служить объяснением длительной задержки венецианцев в Бадахшане.

У биографа Марко Поло Оливье Жермен-Тома читаем: «Марко Поло заболел; его болезнь длилась примерно год, пока ему не порекомендовали подняться в высокие горы Памира, где качество воздуха помогло восстановить здоровье»¹³⁷. То есть, скорее всего, наш герой так пристрастился в Бадахшане к курению опиума, что вынужден был делать детоксикацию — проходить длительный и достаточно мучительный процесс очищения организма.

Как бы то ни было, Бадахшан задержал семейство Поло на целый год. А тем временем настал 1273 год, и они уже два года находились в пути, но путешествие их, по сути, только начиналось.

Вахан (Вокан)

Через некоторое время после выхода из Бадахшана караван венецианцев добрался до небольшой провинции, которую Марко Поло называет Вахан (Вокан). Так сейчас называется узкий северо-восточный «отросток» Афганистана, протянувшийся с запада на восток между территориями Таджикистана, Пакистана и Китая.

Народ Вахана — «мусульмане, говорит своим языком, в битвах храбр <...> подчинен он бадахшанскому царю»¹³⁸.

Авторы относятся к рассказу Марко Поло по-разному. Например, П. Н. Лукницкий в своей книге «Путешествия по Памиру» пишет: «Три горных ханства — Горан, Ишкашим, Вахан — в верховьях Пянджа, по обеим сторонам реки, издавна входили в состав Бадахшана. Именно эти три ханства и пересекли Марко Поло, его отец и дядя на своем пути»¹³⁹.

Не сомневается в этом и известный геоботаник О. Е. Агаханянц: «Крупные луговые массивы Марко Поло мог встретить только по верхнему Пянджу (в Вахане), по Аличуру и в верховьях Оксу*»¹⁴⁰.

А вот историк Б. И. Искандаров в этом не очень уверен: «Марко Поло, путешествовавший по этим местам во второй половине XIII века, называет жителей Вахана мусульманами. Напомним, что отдельные авторы сомневались в действительном пребывании Марко Поло в этих местах»¹⁴¹.

* Окс (Охс или Оксус) — это Амударья.

Памир

Еще больше сомнений вызывает официальная версия, гласящая, что после короткого привала Поло вновь двинулись круто вверх, в горы — к перевалу Терак на Памире, традиционной разделительной черте между Востоком и Западом. Это очень высокая горная система на территории нынешних Таджикистана, Афганистана и Китая. Общепринятой этимологии названия «Памир» нет. Есть лишь различные толкования: например, «Крыша мира», «Подножие смерти» и т. д. Наивысшая точка (пик Конгур) находится на территории нынешнего Китая, и ее высота составляет 7719 метров. В разреженной горной атмосфере тяжело дышится и чрезвычайно трудно варить пищу.

Марко Поло не мог вычислить высоту Памирских гор, но обратил внимание на то, что там совсем нет птиц — «оттого, что высоко и холодно»¹⁴².

Вопрос о том, был ли Марко Поло на Памире, разделил историков на два лагеря. Одни считают, что он там был и всё видел своими глазами. Другие это отрицают. Например, русский путешественник и военный географ М. И. Венюков пишет: «Этот великий человек мог переходить через Памир. <...> Но у Марко Поло не узнаешь, был ли он там. Судя по его рассказу о процессе горения на Памире, в котором он употребляет выражение “уверяют”, можно думать, что венецианец не был сам в этой местности. Он целый год провел за болезнью в Бадахшане; но оттуда в Кашгар легко мог пройти через Болор более южным путем»¹⁴³.

Карл Риттер в своей книге «Землеведение» также отмечает: «Марко Поло <...> описывает в “Книге” своей не только те страны и владения, которые

были им лично посещены, но и те, в сторону от его пути, о которых он слышал лишь от других лиц. Это надо постоянно иметь в виду, читая Марко Поло, иначе сочинишь ему, как и сочиняли, маршрут совершенно невозможный»¹⁴⁴.

Он же пишет: «Известия о тех странах находим у Марко Поло, но из его рассказа никак нельзя заключать, чтобы он лично посетил их; сверх того, рассказ этот крайне неточен и слишком короток; да и мало держится в нем Марко Поло настоящего направления своего пути»¹⁴⁵.

С другой стороны, известный историк Жак Херс в своей книге о Марко Поло дает следующую формулировку: «Сомневаемся мы в подлинности некоторых его пассажей или нет, кажется очевидным, что Марко ведет нас по дороге, отличной от той, что использовали миссионеры, а потом и торговцы задолго до них, то есть от дороги, проходившей к северу от Каспийского моря. Венецианец описывает более южный переход. <...> Он не доходит до Туркестана, но проходит еще южнее, оставаясь на левом берегу Аму-Дарьи, и поднимается к северу лишь через Памир. Это особый выбор, связанный с большими трудностями, где переходы замедляются суровостью климата и бедностью ресурсов. И нигде не приведены объяснения причин этого...»¹⁴⁶

Переход через Памир требовал мужества, выдержки и терпения — венецианцы шли через места, куда даже не залетали птицы. Но не они первые испытывали свои силы в борьбе с этими горами. Например, кочевники веками ходили по этим суровым местам, и сам Чингисхан однажды провел здесь свои победоносные войска. Дойдя до высочайших горных пиков, последний оставил там тех своих «соратников, которые не способны были более к походам»¹⁴⁷.

Шангри-Ла

Если Никколо, Маттео и Марко Поло действительно были на «Крыше мира», то они должны были видеть поразительное Шангри-Ла.

На самом деле название этого места — Чжундянь, а термин «Шангри-Ла» обозначает вымышленную страну, описанную в 1933 году писателем-фантастом Джеймсом Хилтоном в новелле «Потерянный горизонт». Ныне это китайский уезд, и он в 2001 году был переименован в Шангри-Ла с целью привлечения туристов.

Но суть не в этом. Суть в том, что восторженное описание Марко Поло остается достаточно точным и по сей день. В его книге, в частности, сказано: «Отсюда три дня идешь на северо-восток, всё по горам, и поднимаешься в самое высокое, говорят, место на свете. На том высоком месте между двух гор находится равнина, по которой течет славная речка. Лучшие в свете пастбища тут; самая худая скотина разжиреет здесь в десять дней. Диких зверей тут многое множество. Много тут больших диких баранов; рога у них в шесть ладоней и поменьше, по четыре или по три. Из рогов тех пастухи выделывают чаши, из них и едят; и еще из тех же рогов пастухи строят загоны, где и держат скот.

Двенадцать дней едешь по той равнине, называется она Памиром; и во всё время нет ни жилья, ни травы; еду нужно нести с собою»¹⁴⁸.

Почти две недели путешественники шли через эти сказочные места. При этом они страдали от холода и разреженного воздуха. Костры, которые они пытались развести, задыхаясь без кислорода, горели плохо, и около них невозможно было согреться.

У Лоуренса Бергринна читаем: «В целом точное описание дороги через Памир дало Западу первое представление об этой отдаленной местности, связующей Восток и Запад. Хотя на Памире и сходились несколько ответвлений Шелкового пути, для европейцев этот регион оставался неизвестным»¹⁴⁹.

Удивительно, но со времен Марко Поло ни один европеец с Запада долгое время не проникал в эти места, и лишь в 1838 году туда попал английский лейтенант Джон Вуд (*John Wood*). Некоторые исследователи уверены, что Марко Поло говорит о Памире «более по сведениям, собранным им в Китае, нежели по личным своим наблюдениям»¹⁵⁰. А вот лейтенанта Вуда считают более авторитетным источником информации. По его данным, «поверхность Памира образует род степи около 1000 географических миль протяжения, от которой, по преувеличенным выражениям азиатцев, видимо, понижаются все прочие снежные вершины Тибета»¹⁵¹. Кстати, именно лейтенант Вуд открыл тут источник Амударьи и Сырдарьи. А ощущение страшного холода каждую ночь пробуждало в нем воспоминания о словах Марко Поло. При этом Джону Вуду удавалось разводить и поддерживать бивачный огонь и согреть себя «океанами чая».

Конечно, после Марко Поло были на Памире и другие просвещенные люди. Например, сведения о Памире и припамирских областях встречаются в записках русского унтер-офицера Филиппа Ефремова, много лет прожившего пленником в Бухаре и бежавшего оттуда в Тибет. Свое невольное путешествие в 1771—1780 годах он потом описал в книге «Девятилетнее странствование российского унтер-офицера Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете, Индии и возвращение его

оттуда через Англию в Россию». Эта книга была впервые издана в 1786 году, а потом она многократно переиздавалась.

Но что удивительно — даже к началу XIX века представления европейцев о Памире лишь немногим отличались от тех, которые сложились после путешествия Марко Поло.

Кашгар, Хотан и Пейн

Если верить книге Марко Поло, наши путешественники спустились с Памира и вышли в широкие равнины. По сути, «Марко Поло пересек цветущую долину Кашемира и, перейдя с большим трудом горные страны, после сорокадневного путешествия достиг провинции Кашгар»¹⁵².

Жюль Верн в своей «Истории великих путешествий» уточняет: «Если бы Марко Поло держался прежнего направления, он приехал бы в Индию. Но он поднялся отсюда на север и через двенадцать дней прибыл в землю Ваханскую, орошаемую верхним течением Аму-Дарьи и изобилующую прекрасными пастбищами, на которых пасутся громадные стада диких баранов. Затем, через гористые пустыни Памира, после сорокадневного мучительного перехода, путешественники достигли провинции Кашгар»¹⁵³.

Кашгар (Каши) — это уже нынешний Китай*. Считается, что название это обозначает богатство

* Кстати сказать, слово «Китай» произошло от названия кочевого племени кидании (китаи), кланы которого правили в Северном Китае, когда произошли первые контакты европейской и китайской цивилизаций. А в западноевропейские языки это слово первоначально пришло как «Катай» (*Catai*) — это название Китаю дал Марко Поло, но им он обозначал только Северный Китай.

и изобилие, а слово «каш» на местном языке — это «место». В древних китайских летописях династии Хань это место упоминалось под названием «Сулэ» или «Цзю-ша», и это место еще до Рождества Христова славилось своими ярмарками и проходившей через него военной дорогой.

Трудности перехода через Памир закончились, и караван венецианцев в конечном итоге достиг цветущего оазиса с городом Хотан — важного перевалочного пункта на Великом шелковом пути, который находился на самом краю пустыни Такла-Макан в западной части нынешнего Китая. Этот район отличался особой труднопроходимостью, недаром же название «Такла-Макан» означает «покинутое обиталище».

Такла-Макан — одна из крупнейших песчаных пустынь мира. Длина ее с запада на восток превышает тысячу километров, а площадь песков составляет около 300 тысяч квадратных километров.

Хотан в XIII веке, как пишет В. В. Бартольд, «находился под властью императора Китая», хотя «позже Хотан, по-видимому, всегда разделял политические судьбы Кашгара и других городов этой области»¹⁵⁴. А вот по мнению Лоуренса Бергринга, Хотан уже во времена Марко Поло «номинально подчинялся Хубилай-хану»¹⁵⁵.

Хотан был удален от морских путей как ни одно другое место в мире. Тем не менее после лишений, испытанных при переходе через горы, венецианцы смогли оценить роскошь, которую он предлагал путникам, ведь там, как сказано в книге Марко Поло, было «всего вдоволь: хлопка родится много, у жителей есть виноградники и много садов; народ смиренный, занимается торговлей и ремеслами»¹⁵⁶.

Пополнив в Хотане запасы воды и провизии, Марко и его спутники постарались наверстать время, потерянное в Бадахшане, и немедленно двинулись дальше, к легендарному двору великого хана Хубилая.

Через пять дней после отправления из Хотана они вступили в провинцию Пейн.

О ней в книге Марко Поло сказано: «Народ почитает Мухаммеда и подвластен великому хану. Городов, городков тут много. Пейн — самый знатный город и столица царства. Есть здесь река, где водятся яшма и халцедон. Всего тут вдоволь; хлопка много. Народ торговый и занимается ремеслами»¹⁵⁷.

Пустыня Лоп (Лоб)

А потом караван Поло много дней пробивался через пустыню, останавливаясь в оазисах, пока не достиг Лопы.

Генри Харт пишет: «В Лопе (современный Чарклык) путешественники стояли целую неделю, чтобы набраться сил для преодоления пустыни Гоби»¹⁵⁸.

Пустыня эта* (Марко Поло называет ее пустыней Лоб) раскинулась на северо-западной окраине современного Китая. Она всегда считалась очень опасной, так как могла сбить с пути даже самых осторожных и опытных путников.

В книге Марко Поло говорится: «Лоб — большой город в начале пустыни. Там, где в нее входят, называется она пустыней Лоб и тянется на восток и северо-восток. Лоб принадлежит великому хану.

* Гоби по-монгольски значит «пустыня».

Жители — мусульмане. Кому дорога через пустыню, тот останавливается тут на неделю — самому отдохнуть, да и скоту дать набраться сил, а через неделю, набрав харчей на целый месяц к себе, и для скота, выходят из города в пустыню»¹⁵⁹.

Перейти пустыню было крайне трудно, а в длину — просто невозможно. Марко Поло в связи с этим рассказывает: «Пустыня та, скажу вам, великая; в целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь сутки, так найдешь довольно пресной воды; человек на пятьдесят или на сто хватит ее; так по всей пустыне: пройдешь сутки и найдешь воду. В трех-четыре местах вода дурная, горькая, а в других хорошая, всего двадцать восемь источников. Ни птиц, ни зверей тут нет, потому что нечего им там есть»¹⁶⁰.

Устрашающее описание пустыни, приведенное Марко Поло, достаточно точно. Эта угрюмая и неприветливая пустыня простирается с юго-запада на северо-восток на 1600 километров и имеет площадь почти в полтора миллиона квадратных километров. Недаром китайцы называют ее Шамо, что в переводе означает «Пустыня смерти».

Карл Ритгер описывает ее так: «Далее на восток начинаются горы подвижного песка, в которых нет ни одной тропинки; люди и животные, особенно во время знойных ветров, сбиваются там с пути и нередко гибнут в большом числе. Слышатся беспрестанно сильный свист, шум и стук, неизвестно откуда происходящие; страх и тоска обнимают душу. Иначе и быть не может: злые демоны живут здесь»¹⁶¹.

Тангут

Из пустыни караван венецианцев вышел в отдаленную провинцию Тангут, известную как Западное царство (или Западное Ся). В 982 году этот регион поднял восстание, что вынудило китайских императоров к 1006 году фактически признать независимость тангутов. Теперь же они хранили верность далекому Хубилай-хану. Тем не менее «в течение всего XIII века, несмотря на уничтожение тангутского государства, входившие в него ранее области продолжали рассматриваться как единое целое»¹⁶².

Удивительно, но Марко Поло даже в Тангуте, который он проехал с запада на восток, нашел следы несторианского христианства, но преобладал там явно буддизм, официальная религия тангутов.

В книге Марко Поло сказано: «Много у них аббатств и много монастырей, и во всех множество разных идолов; народ приносит им большие жертвы и всячески их чествует»¹⁶³.

Описывая Тангут, Марко Поло уделяет внимание буддийским «идолам», и видно, что он остался под впечатлением от того, какого они размера — «деревянные, глиняные, каменные, все вызолоченные и хорошо сработанные»¹⁶⁴.

Но еще больше его поразил местный ритуал сожжения умерших.

В книге Марко Поло говорится: «Тела мертвых идолопоклонников всюду сжигают; скажу вам еще, когда мертвого несут из дома туда, где его станут сжигать, по дороге родные его строят деревянный дом, покрывают тот дом шелковыми и золотыми тканями, перед ним, когда проходят, останавливаются и вдоволь преподносят тут вина и пищи мертвецу; а делают это, говорят, для того, чтобы и

на том свете мертвецу был такой же почет; а когда принесут его туда, где сжигают, вырезают родичи из бумаги людей, коней, верблюдов и монеты в безан; всё это тут же сжигается, и говорят, что на том свете у покойника рабов, скота, овец будет столько же, сколько они сожгли бумажных. Скажу вам еще, когда несут сжигать покойника, перед ним играют на всевозможных инструментах»¹⁶⁵.

Этот обычай, недоступный пониманию европейцев, продемонстрировал Марко Поло, до какой степени его приверженцы верят в существование души и жизнь после смерти.

Камул

Далее караван прибыл в Камул (уйгурский город в Западном Китае), и Марко Поло рассказывает об этой местности так: «Камул теперь область, а в старину был царством. Городов и замков тут много, а главный город зовется Камулом. Страна эта между двух степей; с одной стороны — большая, с другой — поменьше, в три дня пути. Жители — идолопоклонники и говорят особенным языком; живут земледелием; еды и питья у них обилие; хлеб продают прохожим странникам. Народ веселый, то и дело что играют на инструментах, поют, пляшут да ублажают свою плоть»¹⁶⁶.

Кстати сказать, переход от Камула через «малую пустыню» познакомил Марко Поло с асбестом, который, подобно многим другим чудесам Китая, был тогда неизвестен на Западе.

Сейчас всем известно, что асбест — это собирательное название группы тонковолокнистых минералов из класса силикатов. Асбест применяется в са-

мых различных областях — в строительстве, автомобильной промышленности и т. д. А во времена Марко Поло ткани из асбеста ценились на вес золота.

Сам Марко называет это вещество «саламандра», по названию маленького, похожего на ящерицу животного, считавшегося неуязвимым для огня. «Исидор Севильский считал саламандру самым смертоносным из ядовитых существ. Марко Поло пояснял, что саламандра не животное, а субстанция; однако ткани из асбеста по-прежнему выдавали за саламандровую кожу»¹⁶⁷.

В книге Марко Поло сказано: «Есть там жила, откуда добывают саламандру. Саламандра, знайте, не зверь, как говорят, а вот это что: сказать по правде, никакой зверь, никакое животное по природе своей не может жить в огне. <...> Люди не знали наверное, что такое саламандра, и стали говорить, что саламандра животное, и теперь говорят то же. Это неправда и вот почему. <...> Приятель мой рассказал мне то дело, и я сам его видел. Когда в горе докоплются до той жилы, о которой вы слышали, наломают [из нее кусков], разотрут их, и они разметливаются как бы в шерстяные нитки; потом их сушат, потом толкут в большой медной ступе, моют, и остаются те нитки, о которых я говорил, а землю выбрасывают как ненужную. Нитки словно шерстяные; их прядут и ткут из них полотно; а полотно, скажу вам, как соткут его, вовсе не бело; кладут его потом в огонь, и по малом времени становится оно бело, как снег; а покажется на полотне пятнышко или оно как-нибудь запачкается, так кладут его в огонь, подержат немного, и становится оно опять бело, как снег»¹⁶⁸.

По сути, Марко Поло сделал для европейцев большое открытие, но тем не менее заблуждение о животном происхождении асбеста существовало еще весьма долго.

Канпичион

Как видим, Марко Поло едва ли не в первый раз употребляет формулировку «и я сам его видел». Тем не менее его биограф Генри Харт пишет: «Весьма сомнительно, побывал ли Марко в Камуле (Хами)»¹⁶⁹.

А вот если верить рассказу Марко Поло, то затем караван прибыл в город Канпичион*.

«Канпичион — большой, величественный город <...> самый главный и важный город в целой области. Народ — идолопоклонники, есть и мусульмане; есть здесь и христиане: у них в этом городе три большие прекрасные церкви; а у идолопоклонников, по их обычаю, много монастырей и аббатств; идолов у них многое множество, есть и десяти шагов в вышину; есть деревянные, глиняные и каменные, все вызолочены и хорошо сработаны. Кругом большого идола-великана много маленьких, и они как бы ему поклоняются и молятся»¹⁷⁰.

В Канпичионе, городе на Великом шелковом пути, наши венецианцы вновь остановились на отдых. Обычно многословный Марко Поло отпускает по поводу этой длительной остановки лишь одно загадочное замечание: оно заключается в том, что Никколо, Маттео и Марко Поло «прожили целый год в этом городе по делу, о котором не стоит говорить»¹⁷¹.

Как видим, Марко Поло совершенно не был настроен разъяснять нам причину затянувшейся остановки в этом городе. Но вот Оливье Жермен-Тома берется рассуждать на эту тему и говорит, что там

* Ныне это город Чжанье (Ганьчжоу) в центральной части китайской провинции Ганьсу, а тогда это была столица тангутов, государство которых пало в 1227 году под ударами войск Чингисхана.

«Марко пал жертвой непреодолимой любви к молодой и хорошо танцующей жительнице Ганьчжоу»¹⁷². Более того, он утверждает, что Марко Поло бросили в тюрьму (хорошо, что вообще не убили) и освободили лишь после того, как «отцу девушки был сделан дорогой подарок»¹⁷³. Естественно, потом венецианцы, оседлав своих верблюдов, бежали из этого города как можно быстрее.

Ланьчжоу

Из Канпичиона (Ганьчжоу) Поло прибыли в город, который ныне называется Ланьчжоу. Это уже был район Хуанхэ (Желтой реки), и здесь жили настоящие китайцы*.

Таким образом, венецианцы прошли почти всю территорию нынешнего Северного Китая (Катая) с запада на восток. Говоря об этом, биограф Марко Поло Генри Харт недоумевает: «Читая эти страницы книги Марко и не находя в ней, к своему удивлению, ни слова о Великой Китайской стене, которую он должен был видеть не раз, ученые пытаются отождествить ее с упоминаемыми у Марко “Тогом и Магогом”. Такой взгляд опирается на знаменитую Каталонскую карту 1375 года, где Гог и Магог помещены за стеной, построенной Александром Македонским, в северо-восточном углу мира»¹⁷⁵.

Чтобы было понятно: «...в преданиях дохристианского периода именами Гог и Магог обозначали

* Ныне Ланьчжоу — столица китайской провинции Ганьсу, и расположена она в верховьях Желтой реки. Академик В. В. Бартольд разъясняет: «Границу между Ганьсу и Шэньси образовывала Хуанхэ, так что нынешний главный город Ганьсу, Ланьчжоу, тогда относился к Шэньси»¹⁷⁴.

воинственные племена врагов существующего народа земли, избранного Богом. Предводителем варваров был Гог, а Магогом назывались страна и сами племена»¹⁷⁶.

Есть и иные трактовки. Одни, например, считают, что Гог и Магог (Яджудж и Маджудж) — это два народа, «великие сборища полчищ», другие отождествляют Магог со скифами или гуннами, третьи — называют эти два народа русскими и татаро-монголами.

Что касается «Каталонской карты 1375 года», то это Каталонский атлас (*El Atlas Catalán*), созданный на Майорке. Его составителями были картограф Авраам Крескес и его сын Иехуда Крескес, и сделали они эту работу по заказу принца Хуана Арагонского и его отца Педро IV Арагонского в качестве подарка будущему королю Франции Карлу VI. В настоящее время оригинал этого атласа хранится в Национальной библиотеке в Париже.

Так вот на этом атласе Гог и Магог помещены за стеной, якобы построенной Александром Македонским на территории современного Китая. В представлении средневековых мусульман так называемая Великая Китайская стена протяженностью в несколько дней пути была построена Александром Великим для защиты покоренных им народов от набегов варварских племен Яджудж и Маджудж (Гог и Магог).

Как Поло могли не заметить эту гигантскую стену — непонятно. Они и в самом деле должны были видеть ее не раз...

Как бы то ни было, долгое путешествие трех отважных венецианцев через равнины, горы и пустыни Азии практически подошло к концу. Оно заняло три с половиной года, и за это время Марко Поло немало повидал и многому научился.

Но это бесконечное путешествие, надо думать, очень утомило Поло, и можно себе представить их радость, когда они увидели приближающееся большое облако пыли, которое, как очень скоро выяснилось, было поднято конным отрядом, посланным Хубилаем, чтобы встретить дорогих гостей и сопроводить их к ханскому двору. Начальник отряда приветствовал измученных путников и сказал, что им надо сделать еще «сорок дневных переходов».

И остаток пути пролетел незаметно, ведь теперь на каждой остановке венецианцев ждал самый теплый прием и к их услугам было всё, что только требовалось.

Глава шестая

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ХУБИЛАЙ-ХАНОМ

Приезд в Чианду (Шанду)

На сороковой день на горизонте появился Чианду (Шанду) — летняя столица хана Хубилая. Это означало, что «осенью 1275 года Поло добрались до конечного пункта своего путешествия»¹⁷⁷. И вскоре измученный караван венецианцев вошел в высокие городские ворота.

Жюль Верн в своей «Истории великих путешествий» пишет: «Наконец, Марко Поло, его отец и дядя <...> приехали <...> в Чианду (Шанду) <...> и там путешественники были приняты великим ханом Хубилаем, жившим в своей летней резиденции, расположенной за “Великой стеной” к северу от Ханбалыка (Пекина)»¹⁷⁸.

На самом деле, город находился в 275 километрах к северу от нынешнего Пекина и в 28 километрах к северо-западу от современного города Долунь. Он состоял из квадратного в плане «внешнего города» площадью 2200 квадратных километров, «внутреннего города» площадью 1400 квадратных километров и летнего дворца Хубилай-хана площадью 500 квадратных километров.

Прием, оказанный путешественникам Хубилай-ханом, как это ни удивительно, Марко Поло, обычно не стеснявшийся в описаниях пышности ханских шествий и пиров, запечатлел всего в одной не самой длинной главе. Венецианцы по прибытии в Чианду (Шанду) отправились в главный дворец, где был великий хан. Там они опустились перед ханом на колени, но Хубилай милостиво велел им встать.

Ханский дворец

Потом, в течение своей многолетней службы у Хубилай-хана Марко Поло много раз бывал в Чианду (Шанду), и особенно запечатлелся в его памяти ханский дворец. Он его описывает так: «Залы и покои золочены; чудесные и прекрасно вызолочены; а вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везет леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках. Развлекается он так в свое удовольствие»¹⁷⁹.

Внешность великого хана и порядки в его покоях

Оставил нам Марко Поло и превосходное описание внешности Хубилай-хана (его он называет Кублаем): «Великий государь царей Кублай-хан с виду вот каков: роста хорошего, не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует»¹⁸⁰.

По мнению Лоуренса Бергринга, «это описание несколько идеализировано: портреты хана в зрелом возрасте изображают его весьма заметно тучным и важным, но при этом великодушным»¹⁸¹.

Описав внешность великого хана, Марко Поло затем подробно и со знанием дела рассказывает о том, как для него выбирали жен и наложниц, какие порядки были установлены в брачных покоях хана: «Законных жен у него четыре, и старший сын от них станет по смерти великого хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых, славных девок. Слуг у них много, евнухов и всяких других, и служанок; у каждой жены при дворе до десяти тысяч человек.

Всякий раз, как великий хан пожелает спать с какою женою, призывает ее в свой покой, а иной раз сам идет к ней.

Есть у него и другие подруги, и скажу вам что, нужно знать, что есть татарский род миграк, народ красивый; выбирают там самых красивых в роде сто девок и приводят их к великому хану; великий хан приказывает дворцовым женщинам смотреть за ними, а девкам спать с теми вместе на одних постелях, для того чтобы разведать, хорошо ли у девок дыхание, девственны ли они и совсем ли здоровы.

После этого начинают они прислуживать великому хану вот каким образом: три дня и три ночи по шести девок прислуживают великому хану и в покое, и в постели; всякую службу исправляют, а великий хан всё, что пожелает, то делает с ними. Через трое суток приходят другие шесть девок, и так во весь год, через каждые три дня и три ночи меняются шесть девок»¹⁸².

Зачисление Марко Поло в придворные

Но это всё он узнает о Хубилай-хане потом, и рассказ его можно было бы продолжать и продолжать, но, как совершенно верно замечает Генри Харт, «нет необходимости испытывать добрую волю читателей, пересказывая книгу путешественника»¹⁸³. Для нас тут важно другое — то, что Хубилай-хан охотно завязал с Никколо и Маттео Поло беседу, расспрашивая о их здоровье, жизни и о делах, которые они имели по его поручению с «главным понтификом». Он хотел во всех подробностях разузнать обо всех ихключениях, начиная с того дня, как они много лет назад отбыли с ханского двора. Затем венецианцы представили ему подарки и письма, доверенные им папой Григорием X, а также вручили сосуд с маслом, что было взято из лампы у Гроба Господня в Иерусалиме. Его они чудом сумели сохранить при всех злоключениях и опасностях долгого пути от берегов Средиземного моря.

Хубилай-хан, принимая сосуд с маслом, обрадовался, ибо «святое масло ценил он дорого»¹⁸⁴. Короче, он всем видом показал, что очень доволен, и такое сочетание благочестия и наивности, как ни странно, было весьма типично для воинственных

монголов. И в связи с этим хотелось бы отметить, что невозможно себе представить, чтобы римский папа или какой-то другой западный лидер так же принял бы какую-то монгольскую реликвию, сколь бы важной она ни была. Скорее она была бы воспринята как заморская диковина — не более того.

А потом в честь дорогих гостей из далекой земли при дворе было организовано великое веселье и большой пир, какого венетианцы не видели никогда в жизни.

Но для нас тут важно не это, а то, что Хубилайхан конечно же заметил двадцатилетнего Марко, стоявшего при первой встрече, как полагалось, в стороне и не вмешивавшегося в разговор старших.

И вот, наконец, последовал вопрос, что это за молодой человек, и Никколо Поло ответил:

— Государь, это мой сын, а тебе он слуга. Как самое дорогое мне на свете, с великими опасностями привез я его сюда издалека, чтобы отдать тебе в услужение.

Великий хан довольно кивнул головой и сказал: — Добро пожаловать, и пусть будет так.

После этого Марко Поло тотчас же был включен в число придворных.

Можно себе представить, как запыхались тогда щеки молодого венетианца, понимавшего, что его знакомят со столь важной персоной. От осознания значительности происходившего он едва не потерял сознание.

Благосклонность Хубилай-хана стала поворотным пунктом в жизни молодого Марко Поло. С этого момента он вышел из тени своего отца и дяди и стал самостоятельным действующим лицом.

Любознательность Марко и его пытливый характер идеально подошли Хубилай-хану. То есть, по

сути, император удивительным образом распознал, что за надежды подает наблюдательный пришелец с Запада, «избавил Марко от венецианских ограничений, и под влиянием хана тот начал превращаться в путешественника, оставившего след в истории. На протяжении семнадцати лет потом Марко Поло и Хубилай-хан образовали весьма необычное партнерство повелителя и слуги, ученика и учителя и даже отца и сына»¹⁸⁵.

А потом, как говорится в книге Марко Поло, молодой венецианец «присмотрелся к татарским обычаям и научился их языку и письменам», а Хубилай-хан, в свою очередь, неизменно «был к нему милостив»¹⁸⁶.

Книга писалась со слов самого Марко Поло (подробно об этом будет рассказано ниже), а посему подобные слова выглядят не слишком скромно. Но в данном случае это не беда. Это не недостаток ума, а то, что проистекает из преувеличенной гордости. И к тому же скромность — это не только украшение человека, но еще и кратчайший путь в неизвестность...

Ханбалык (Камбалу)

Интересным представляется вопрос: что же это за город, который Марко Поло называет «великим городом Камбалу»?

По официальной версии, до монгольского вторжения он назывался Чжунду. В 1215 году он был взят и сожжен монголами, однако в 1264 году великий хан Хубилай решил вновь отстроить его и превратить в собственную столицу. Строительством руководили архитекторы Лю Бинчжун и Амир-ад-Дин.

В тот же год началось возведение стен, а строительство ханского дворца велось с 1274 года.

В 1271 году, после основания династии Юань, Хубилай переименовал город в Даду («великую столицу»), а его предыдущая резиденция Шанду приобрела статус летней.

Как мы уже говорили, Ханбалык — это тюркское название, которое переводится как «обитель хана». Считается, что Ханбалык — это то, что теперь стало Пекином.

На разных языках Ханбалык назывался по-разному: Камбалук, Канбалук, Кабалут, Ганбалу, Канбалу, Камбалу и т. д. В течение нескольких столетий историки искали этот город и в Тибете, и в Монголии, и даже на территории нынешней России.

По одной из версий, например, некий Камбалык был показан на старинных картах в верховьях Оби. Некоторые даже с уверенностью говорят о том, что географические координаты города, снимаемые со средневековых карт, до градуса совпадают с координатами города Томска.

Большинство историков сходятся во мнении, что Марко Поло прожил много лет именно в Ханбалыке. Но при этом известно, что Ханбалык в 1215 году был уничтожен монголами. А вот в книге Марко Поло написано, что Камбалу никем не разрушался и представлял собой цветущий город: «Домов и народу в этом городе, и внутри, и вне, превеликое множество. Что ни ворота, то предместье; двенадцать, значит, больших предместий, а народу в них не сосчитать; в предместьях жителей более, нежели в городе, там пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради великого хана; и купцы, и другие люди приходят сюда по своим делам, потому что город торговый»¹⁸⁷.

По идее, вновь отстроенный Ханбалык должен был бы быть молодым городом с соответствующими не самыми крупными размерами. Но по информации Марко Поло, это был «большой и знатный старый город», «а величиною этот город вот какой: он квадратный, в округе двадцать четыре мили; все четыре стороны равны; обнесен он земляным валом <...> стена зубчатая, белая; в ней двенадцать ворот, и у каждых ворот по большому и красивому дворцу; на каждой стороне по трое ворот и по пяти дворцов, потому что тут в каждом углу еще по дворцу»¹⁸⁸.

Для сравнения: тысячелетний Константинополь во времена Марко Поло имел периметр в 18 миль (почти 30 километров).

А может быть, это все-таки разные города, расположенные в совершенно разных местностях, имеющие совершенно разный возраст и историю?

Глава седьмая

ИМПЕРИЯ ХУБИЛАЙ-ХАНА

От Чингисхана до Мункэ

В своей книге Марко Поло утверждает, что титул Хубилая звучал как «великий хан», то есть «великий государь» или «владыка владык». На самом деле это не совсем верно. «У монголов державы Чингисхана верховные властители звались кааны. <...> Марко Поло ошибочно перевел этот титул как “великий хан”, чем сбил европейцев с толку. Что касается титула “хан”, то он не менее древний. <...>

Титул “хан” был позднее принят у половцев, в Золотой Орде и у крымских татар»¹⁸⁹.

Как известно, ключевая роль в объединении монголов принадлежала полководцу Темучину (или Темучжину), впоследствии прозванному Чингисханом. То есть именно он стал основателем единого Монгольского государства, а Чингисхан — это не имя, а титул. И означает он — «всемирный правитель» или «владыка-океан». Соответственно, слово «чингис» происходит от тюркского «тенгиз», что означает «море» или «океан».

Военные успехи Чингисхана были связаны с тем, что он сумел собрать огромную по тем временам армию*. То есть он провел всеобщую мобилизацию. Гийом де Рубрук, в частности, отмечает, что «Чингис издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не настолько стар, что не может никоим образом работать»¹⁹⁰. И армия его была сильна не только своей численностью, но и вооружением, обученностью воинов, а также жесточайшей дисциплиной.

В своей «Истории монгалов» Джованни дель Плано Карпини пишет: «Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска на-

* В период правления Чингисхана максимальная численность монгольской армии составляла 230 тысяч человек, а минимальная — 130 тысяч¹⁹¹.

ходятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются»¹⁹².

Понятное дело, у Чингисхана было много детей, и одним из них был Толуй. А он, в свою очередь, был отцом Хубилая. Матерью же его была замечательная женщина по имени Сорхахтани — христианка несторианского толка, старшая и самая влиятельная жена Толуя, любимого сына Чингисхана.

В свое время Чингисхан разделил свою империю на улусы*, которыми должны были управлять его сыновья. Юстас Докри Филлипс, автор книги «Монголы. Основатели империи Великих ханов», уточняет: «Джучи получил земли к западу от Иртыша и Аральского моря, простирающиеся до Руси; но его сыну Бату (Батыю) еще только предстояло покорить большую их часть. Земли вокруг Амударьи до Монголии и Китая отошли лично Угедю, за исключением области к востоку от реки Или. Толуй получил во владение собственно Монголию»¹⁹³.

В 1232 году Толуй внезапно заболел и умер. Согласно некоторым версиям, он был отравлен ки-

* Термин «улус» означает орду, военную дружину, страну, удел или область империи Чингисхана. Наибольшую известность получили среднеазиатский улус сына Чингисхана Чагатая (Чагатайский улус) и улус Джучи, более известный как Золотая Орда.

тайскими монахами, по другим данным — он добровольно принял некое шаманское зелье. После смерти Толуя его брат Угедей стал вторым великим ханом (кааном) Монгольской империи. А вот Сорхахтани «проявила независимость духа»¹⁹⁴. Она отвергла брачное предложение Угедея и сама стала растить своих детей, вызывая восхищение у всех, кто ее знал.

В свою очередь, Угедей умер в 1241 году, подорвав свое здоровье «чрезмерным употреблением вина (что, впрочем, было обычно для всех монгольских ханов, за исключением Чингисхана)»¹⁹⁵. После этого третьим великим ханом (кааном) Монгольской империи стал его сын Гуюк.

Весной 1248 года Гуюк двинулся с большим войском на запад. Сорхахтани заподозрила, что он решил выступить против своего давнего недруга Бату (Батыя), еще одного внука Чингисхана, и тайно предупредила Бату (Батыя). Тот выступил со своим войском навстречу Гуюку. Но первая гражданская война Чингисидов не состоялась, так как Гуюк неожиданно умер (возможно, от отравы).

Гуюк умер в 1248 году, а Бату (Батый) отказался от предложенного ему титула: он не захотел возвращаться в Монголию и назвал четвертым великим ханом (кааном) Монгольской империи своего верного друга Мункэ — брата Хубилая, Хулагу и Ариг-Буги. Соответственно, все противники этого решения из семейства Угедея были осуждены и казнены.

Сама Сорхахтани, мать Хубилая, умерла в 1252 году. Как мы уже говорили, она исповедовала несторианское христианство. И детей своих воспитала в духе уважения к христианской религии. Во всяком случае, Хубилай, как пишет Лоуренс Бергрин, «относился к христианству значительно благосклоннее, чем могли ожидать поносившие его европейцы»¹⁹⁶.

После успешной борьбы за власть Мункэ начал завоевания в Азии. В частности, в 1254 году монголы захватили южнокитайскую провинцию Юньнань и вторглись в Индокитай, в то время как брат Мункэ Хулагу расширил пределы империи аж до Египта. Дружеские отношения с Бату (Батьем) при этом помогли сохранять целостность монгольского владычества.

Отметим, что китайская кампания, начавшаяся в 1253 году, успешно развивалась под командованием Хубилая, «наиболее способного из всех братьев»¹⁹⁷. Военные действия он вел настолько успешно, что к 1257 году отдельные его подразделения дошли до Тонкина (Северного Вьетнама).

«Успех и растущая популярность Хубилая породили подозрения при дворе Мункэ. В 1257 году Мункэ вызвал Хубилая в Каракорум и послал генерального инспектора в Южный Китай для расследования предполагаемых нарушений, совершенных администрацией Хубилая. Разрыв между двумя братьями казался неизбежным»¹⁹⁸.

Однако Хубилай тогда поступил мудро: он подчинился своему брату Мункэ и не стал обострять ситуацию. Мункэ же лично принял верховное командование, и его дела поначалу также развивались весьма успешно. Однако при завоевании Сычуани разразилась страшная эпидемия дизентерии, и она нанесла его армии большие потери. Среди ее жертв оказался и сам Мункэ (он умер 11 августа 1259 года во время осады китайского города Хэчжоу).

А Бату (Батый), еще один внук Чингисхана, умер в 1255 году, и Мункэ утвердил его наследником Сартака, который немедленно поссорился со своим дядей Берке, заявив ему: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня несчастье»¹⁹⁹.

Неудивительно, что через несколько дней после этого опрометчивого заявления Сартак был отправлен. Золотоордынским* ханом стал его малолетний сын Улагчи, за которого правила его бабушка Баракчин-хатун, вдова Бату (Батыя). Однако Улагчи-хан также вскоре умер при неизвестных обстоятельствах, а Баракчин-хатун была схвачена и казнена.

В результате ханом стал Берке, брат Бату (Батыя), который принял ислам и разгромил приверженцев несторианства в Золотой Орде, учинив в 1257 году их резню в Самарканде.

Борьба за власть с братом Ариг-Бугой

А тем временем Хубилаю исполнилось 40 лет, и он тоже включился в борьбу за трон своего отца Толюя.

Отношения Бату (Батыя) с Мункэ были «довольно дружелюбными», а посему «следовало ожидать, что Берке останется лоялен по отношению к дому Толюя»²⁰⁰.

Считалось, что трон в Монгольской империи твердо обеспечен потомкам Толюя. А это значило, что Хубилай, как старший из оставшихся в живых его сыновей, станет естественным кандидатом на императорский трон. Однако совершенно неожиданно объявился и другой кандидат — самый младший из братьев Хубилая по имени Ариг-Буга, ко-

* Золотая Орда (улус Джучи) — средневековое государство в Евразии. В период с 1224 по 1266 год находилось в составе Монгольской империи. В 1266 году обрело полную самостоятельность, сохранив только формальную зависимость от имперского центра.

торый жил в Каракоруме. Ариг-Буга после смерти Мункэ, не дожидаясь прибытия своих братьев Хубилая и Хулагу, решил сам завладеть троном.

В свою очередь, Хубилай, получив известие о смерти Мункэ, заключил временное перемирие с китайцами и поспешил со своей армией в Чианду (Шанду). Надо сказать, что сил у него было достаточно. «Монголы в армии Хубилая составляли абсолютное меньшинство, но порядки были монгольские, и верность хану гарантировалась тем, что дезертировать в Китае было равносильно мучительному самоубийству. Благодаря такому стечению обстоятельств Хубилай стал самым сильным из всех монгольских принцев»²⁰¹.

В конечном итоге Хубилай был провозглашен своим курултаем (всенародным съездом) великим ханом, а две недели спустя другой курултай «осенью 1260 года провозгласил ханом Ариг-Бугу»²⁰².

Стэнли Лэн-Пуль уточняет: «Арик-Буга, брат Мункэ и Хубилая, был выставлен кандидатом на родине монголов. Хубилай был провозглашен каном в Китае начальниками войска; Арик-бука был избран на другом сейме, в Каракоруме; Хайду получил тот же титул и такую же присягу на западе, в уделах Угедея и Джагатая. Потомки Джучи в Кипчаке не делали попыток овладеть верховной властью, но оказывали поддержку дому Тулуя»²⁰³.

Короче говоря, начался период двоевластия, который в те времена мог закончиться исключительно кровопролитием.

В книге Рустана Рахманалиева «Империя тюрок» читаем: «Все попытки Хубилая достичь компромисса потерпели фиаско, и между двумя братьями разразилась война. Последователи Ариг-Буги попытались перетянуть армии в Шечван и Ганьсу

на его сторону, но были разбиты полководцами Хубилая. В следующем году армия Хубилая вторглась в Монголию. Вслед за этим Ариг-Буга отправился в Джунгарию и вступил в союз с Алугу, внуком Чагатая, которого Ариг-Буга признал ханом Мавераннахра»²⁰⁴.

Чтобы было понятно: Алугу (Алгуй) — это сын Байдара, еще одного внука Чингисхана. Он был «основателем самостоятельного Монгольского государства в Средней Азии»²⁰⁵.

Но он не помог Ариг-Буге, и тогда тот направился в Чианду (Шанду) к Хубилаю.

Л. Н. Гумилёв по этому поводу пишет: «Ариг-Буга послал сказать Хубилаю, что он считает свой поступок безумием, раскаивается в нем и слагает оружие. Я не вижу причин не верить его искренности, потому что Хубилай, хорошо знавший своего брата, поверил ему»²⁰⁶.

При этом Хубилай не тронул брата, но казнил десять важнейших его приспешников. Что же касается Ариг-Буги, то Хубилай не захотел брать на себя ответственность за единоличное решение его судьбы и созвал курултай: для суда над Ариг-Бугой и для подтверждения собственного избрания великим ханом (кааном) Монгольской империи. Однако в тот момент Берке и Хулагу вели ожесточенную междоусобную войну и не могли покинуть свои уделы, а Алугу (Алгуй) сам еще не был утвержден на престоле. Более того, как пишет Рустан Рахманалиев, «Хубилай использовал дипломатию вместо войны и преуспел, отколов Алугу от Ариг-Буги. Последний в итоге сдался»²⁰⁷.

Л. Н. Гумилёв в книге «В поисках вымышленного царства» уточняет: «Здесь Ариг-Бугу подстерега-

ла новая беда. Ему изменил и передался Хубилаю чагатаид Алгуй. Авангард войск Ариг-Буги, двинутый против изменника, в 1262 году был разбит. Алгуй, упоенный победой, вернулся в свою ставку и распустил часть войск. Ариг-Буга воспользовался его беспечностью и занял Алмалык, а затем заставил Алгую бежать в Самарканд. Но тут опять проявилась “сила вещей”. Ожесточившиеся сторонники Ариг-Буги стали так жестоко расправляться с населением захваченной ими области и особенно с монгольскими воинами Алгую, не успевшими своевременно отойти в Тянь-Шань, что вызвали негодование среди другой части войск Ариг-Буги, и те передались на сторону Хубилая.

Тем временем Алгуй наладил в Самарканде и Бухаре контакт с мусульманским населением, получил от него большие суммы на переформирование армии и позволил своему пасынку и наследнику перейти в ислам. В 1263 году Алгуй разбил сторонника Ариг-Буги — внука Угедея, Хайду, и совместно с войсками Хубилая взял Ариг-Бугу и его ослабевшую деморализованную армию в клещи.

В 1264 году Ариг-Буга с остатком своих приверженцев сдался на милость Хубилая»²⁰⁸.

А потом один за другим умерли три хана: Хулагу и Алугу (Алгуй) — в 1265 году, Берке — в 1266 году. В конечном итоге судьба Ариг-Буги оказалась в руках одного Хубилая. Однако Ариг-Буга вдруг тяжело заболел и умер в том же 1266 году, избавив Хубилая от затруднений, связанных с необходимостью доводить до конца суд над родным братом.

Так Хубилай окончательно и бесповоротно стал пятым великим ханом (кааном) Монгольской империи.

Жены и дети Хубилай-хана

У Хубилая было четыре ставки, каждой из которых управляла старшая жена — ей подчинялись младшие жены и наложницы.

Его первую старшую жену звали Тегулун, и она умерла до 1260 года.

Вторую старшую жену звали Чаби. Родив Хубилаю четверых сыновей и еще большее количество дочерей, Чаби умерла в 1281 году. А одного из ее сыновей звали Чинким (по-китайски Чжэнь-цзинь), и он стал отцом Тэмура — будущего шестого великого хана (каана) Монгольской империи.

Еще двух жен Хубилая звали Тарахан и Баягуджин, и о них практически ничего не известно. А с 1281 года старшей женой Хубилая была еще и Намби, родственница Чаби, и она родила императору сына.

Кроме того, от прочих жен Хубилай-хан имел еще семерых сыновей.

Считается, что Чаби затмевала остальных жен «как популярностью среди подданных, так и влиянием, которое она оказывала на своего мужа. Они поженились в 1239 году, когда Хубилаю было 24 года. Чаби исповедовала тибетский буддизм, она жертвовала свои драгоценности буддийским монастырям и скоро вдохновила обратиться к буддизму и Хубилая»²⁰⁹.

Особенности правления Хубилай-хана

Историк Оливье Жермен-Тома отмечает: «Мункэ умер в 1259 году. Его младший брат Хубилай в свою очередь стал великим ханом. Родившись в

1215 году, он правил с 1260 по 1294 год, с сорока пяти до семидесяти девяти лет, то есть почти всё время пребывания Поло»²¹⁰.

Став императором, Хубилай немедленно приступил к нововведениям в своих владениях. Как уже говорилось, он перенес в 1260 году столицу Монгольской империи из Каракорума в местность рядом с бывшей столицей чжурчжэней Чжунду («Центральная столица»). Ее называли Даду («Главная столица»), или Ханбалык (позже этот город был переименован в Пекин). Таким образом, покоренный Китай стал центром Монгольского государства, Ханбалык стал его зимней столицей, а Чианду (Шанду)* — летней резиденцией.

С того же 1260 года Хубилай-хан занялся упорядочением денежной системы в стране: он приказал китайцам отказаться от монет из золота, серебра и меди в пользу бумажных денег. При этом он заменил китайскую бумажную валюту монгольской (были выпущены бумажные деньги достоинством в 10, 20, 100 и 1000 денежных единиц).

Хубилай-хан проявлял интерес к любым новшествам и радушно принимал при своем дворе мастеров, ремесленников, купцов и торговцев. И, кстати сказать, его казна получала от этой коммерческой деятельности огромную выгоду.

А еще в правление Хубилая были прорыты новые каналы и приведен в хорошее состояние Великий канал, соединявший реки Байхэ, Хуанхэ и Янцзы (его протяженность превышала две тысячи километров, и по нему везли на север страны рис и другую сельскохозяйственную продукцию). При Хубилае

* Этот город был основан в 1256 году как Кайпин, а потом переименован в Шанду (в традиционном англоязычном написании — Ксаналу).

изготовили первую «пушку»*. При нем получили развитие пути сообщения, было уделено большое внимание безопасности и улучшению дорог. Ко всему прочему, Хубилай-хан отказался от мысли превратить возделанные земли китайцев в пастбища для монгольских табунов.

Как отмечает Рустан Рахманалиев, «Хубилай дал своей династии новое имя — Юань. Он рассматривал Китай как наиболее ценную часть своих владений и постепенно оказался под влиянием китайской культуры, приняв буддизм как собственное вероисповедание»²¹¹.

Он прекрасно знал грамоту и военное дело, но при этом уважал и первое время искренне верил приближенным к нему китайским ученым, с большим вниманием выслушивал всё, чему они его учили. Он познакомился с учением Конфуция, однако сам, вместе со всеми членами своей семьи, обратился в буддизм, став защитником тибетских монахов.

Утверждение буддизма в качестве главной религии империи, «с одной стороны, объяснялось опасением растворения монголов в китайской этнической среде, с другой — диктовалось политикой, направленной на объединение для удобства управления с помощью одной религии разноязычных народов и племен империи неодинакового вероисповедания, стоящих на различных ступенях культурного развития»²¹².

* Считается, что некие подобия пушек стояли на кораблях Хубилая. И хотя самих орудий пока не нашли, однако форма ядер однозначно свидетельствует о том, что эти «снаряды» были выпущены именно из пушек — для баллист и катапульта использовались средства поражения совсем другого типа.

По признанию многих авторов, Хубилай-хан так наловчился лавировать между огнями, что поверил, будто может стать правителем вселенной. И он преуспел в этом: после нескольких столетий раскола Китая на Южный и Северный именно он вновь объединил их в единое государство. А его Хубилай разделил на 12 провинций. Кстати говоря, великий хан был так поглощен созданием собственной империи, что оставил идею покорения Европы. Он был настолько могущественным правителем, что большая часть Азии, равно как и восточная часть Европы, и так признали его. При этом монголы боялись порабощенного ими китайского народа и старались использовать на своей службе иноземцев. То есть Хубилай-хан, с одной стороны, принял китайскую систему государственного управления, а с другой — отстранил от руководства китайских «грандов». В результате постепенно он стал самым немонгольским из монгольских правителей. А его двор оказался до такой степени космополитичным, что сами монголы начали упрекать его в отходе от монгольских обычаев. И в этих упреках была доля истины, ибо Хубилай вербовал себе советников, невзирая на их происхождение.

Как мы уже говорили, он постигал законы Конфуция. Но при этом при его дворе стали появляться турки-уйгуры, мусульмане и христиане и каждый получал при нем место. По некоторым данным, Хубилай прислушивался к советам сорока советников самого разнообразного происхождения. К христианам же он питал особое уважение, и несторианская церковь имела полную свободу в его империи. Более того, он был готов допустить в свои владения и Римскую католическую церковь.

Со временем он разделил своих подданных на четыре основные части. Первая состояла из монголов, которым отдавались наиболее высокие посты. Вторую составляли так называемые «цветноглазые». Под ними подразумевались прежде всего персы и выходцы из Средней Азии. А еще во владениях Хубилая проживало много венгров, аланов, русских, грузин, армян и др. В основном это были талантливые ремесленники, строители, военные и ученые, но немало было и всевозможных астрологов и гадалек, которые находились полностью на содержании у великого хана. И лишь после монголов и «цветноглазых» следовали уроженцы Северного и Южного Китая.

Вот в такой самобытной и процветающей империи и оказались Марко Поло, его отец и дядя.

Считается, что это был самый блистательный период в истории Китая. Хубилай-хан, покорив многие страны и включив их в свою империю, провел серию внутренних реформ, поднявших государство до высочайшего уровня могущества и прогресса. Авторитет Хубилая был непререкаем.

Глава восьмая

МАРКО ПОЛО НА СЛУЖБЕ У ХУБИЛАЙ-ХАНА

Нужный человек

Биограф Марко Поло Генри Харт отмечает, что «юный венецианец очень скоро привлек к себе внимание Хубилая»²¹³. Это удивительно, ведь он был еще очень молод и неопытен. Чем же Марко мог привлечь внимание великого хана?

Сам Генри Харт отвечает на этот вопрос так: «Это произошло благодаря уму и сообразительности Марко, благодаря быстроте и легкости, с какой он превосходно ознакомился с положением дел при ханском дворе и во всей стране»²¹⁴.

А вот В. Б. Шкловский отмечает: «В Китае было много иностранцев. <...> Страной могли бы управлять китайские чиновники, но китайцам в Китае монголы не давали хода. Министром финансов был бухарец, придворным врачом — итальянец. Города осаждали арабы, персы и итальянцы. <...> Нашлось в этой пестрой толпе место и для венецианца Марко Поло. Он был нужен монголам, потому что был для этой страны чужим. Он был чужд ей, как чуждо лошади вложенное ей в рот железо удил»²¹⁵.

В «Книге чудес света» говорится, что Марко «как-то очень скоро присмотрелся к татарским обычаям и научился их языку и письменам»²¹⁶.

Относительно языка хотелось бы сказать следующее: в то время на территории, подвластной Хубилай-хану, использовалось множество языков и способов письма. Соответственно, Марко Поло быстро выучился четырем языкам и четырем азбукам. Это были татарский, персидский, арабский и уйгурский языки. Что же касается способов письма, то они, как отмечает историк Жак Хеерс, «не соответствовали самому языку и могли быть, помимо арабоперсидского и китайского, еще и уйгурским древнесирийского типа, внедренным в татарские земли, а затем в Китай несторианцами, а также и другими алфавитами, изобретенными для облегчения написания»²¹⁷.

В качестве примера скажем, что название Ханбалык — это тюркское (монгольское) прочтение названия нынешнего города Пекина. В переводе это озна-

чает «обитель хана». С другой стороны, старинное китайское название этого города — Даду, что значит «Великая столица» (в современном китайском языке это Бэйцзин, что значит «Северная столица»). А Марко Поло называл этот город Камбалу или Камбулук.

Получается, юный Марко Поло, ко всему прочему, оказался еще и очень восприимчивым к языкам, причем не к самым простым, сильно отличающимся от его родного.

В «Книге чудес света» читаем: «Был он умен и сметлив. За всё хорошее в нем да за способность великий хан был к нему милостив. Как увидел великий хан, что Марко человек умный, послал он его гонцом в такую страну, куда шесть месяцев ходу»²¹⁸.

Поездка в Каражан

В данном случае речь идет об отдаленной местности Каражан (так выглядит тюркское название современной провинции Юньнань, находящейся на самом юге Китая). Эта территория действительно очень далеко от Ханбалыка, и правил там сын Хубилая, которого Марко Поло именуется Когачином.

Зачем конкретно Марко Поло был послан в Каражан — неизвестно. Удивительно, но он вообще «нигде не раскрывает читателю, по каким именно делам направляли его в качестве доверенного лица хана Хубилая в течение тех семнадцати лет, которые он провел в Китае»²¹⁹.

Согласно утверждению самого Марко Поло, Хубилай-хан решил испытать его в качестве посла. А для безопасности поездки он дал молодому венецианцу золотую пайцзу. Она имела 30 сантиметров

в длину и 7 сантиметров в ширину, и на этом ханском «пропуске» была выбита надпись: «Властью вечного Неба, будь свято имя хана. Да будет убит тот, кто не почитает его»²²⁰. Обладание подобным предметом, как объясняет Лоуренс Бергрин, «означало, что Марко считался в Монгольской империи весьма важной особой и мог в полной мере пользоваться разветвленной сетью ханских гостиниц, а также его лошадьми и дорогами»²²¹.

По всей видимости, Марко Поло сразу заметил, как жадно воспринимал Хубилай-хан различные сведения о подвластных ему землях. Он видел также, что великий хан терпеть не может, когда его посол возвращается в Ханбалык без какой-либо дополнительной информации, добытой помимо данных ему инструкций. И, скорее всего, он просто воспользовался этим и начал собирать эту самую информацию о любом месте, в которое попадал, а потом делиться своими наблюдениями с Хубилаем. И конечно же эти наблюдения стали потом основой для рассказов, которые, в свою очередь, превратились в базу для его книги. Но до этого было еще очень далеко. А пока же, как отмечает Генри Харт, «юноша справился с задачей блестяще и доставил своему владыке множество весьма интересных сведений»²²².

Короче говоря, в «командировке» в далекий Каражан Марко Поло «дело сделал хорошо и толково»²²³.

В «Книге чудес света» читаем: «Пришел Марко из посольства, явился к великому хану и доложил ему обо всём, зачем ходил и толково выполнил, а потом стал рассказывать о всех новостях и обо всём, что видел по той дороге; рассказывал с толком, умно. Дивился и великий хан, и все, кто слушал его; молодец, говорили они между собой, востер не по

летам; беспременно быть ему и мудрецом, и человеком важным»²²⁴.

Что же такого диковинного увидел Марко Поло по дороге в Каражан? Ответ на этот вопрос дает нам, например, привезенное из этой поездки следующее описание: «Водятся тут большие ужи и превеликие змеи. Всякий, глядя на них, дивится, и претротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные: иной поистине в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лапы нет, а есть только когти, как у сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза побольше булки. Пасть такая большая, сразу человека может проглотить. Зубы у них большие, и так они велики да крепки, нет ни человека, ни зверя, чтобы их не боялся»²²⁵. Чудовища эти были конечно же не змеями, а крокодилами.

А еще Марко Поло подробно описал процесс охоты на крокодилов, особо подчеркивая, что их мясо почитается у местных жителей деликатесом: «Мясо этого змея, скажу вам, продается дорого; оно вкусно, и едят его охотно»²²⁶.

Неожиданный талант Марко Поло

Итак, Каражан находился в шести месяцах пути от Ханбалыка.

Молодой Марко Поло в этой поездке не жалел усилий, ибо ему очень хотелось показать себя и выделиться среди других служащих Хубилай-хана. А те, как очень скоро выяснилось, возвращаясь из дальних командировок, не могли рассказать владыке ничего о тех землях, где они побывали. Хубилайхан при этом сильно сердился и называл своих посланников невеждами.

Как мы уже говорили, быстро поняв суть ситуации, Марко Поло стал записывать всё, что ему удавалось увидеть и услышать, а по возвращении в деталях пересказывал это великому хану. «Так, — пишет Лоуренс Бергрин, — родился Марко Поло — путешественник и рассказчик, удалец и бахвал, которого итальянцы с восхищением и издевкой нарекли “Il Milione” — Миллионом»²²⁷.

Сам же он считал себя добросовестным исполнителем порученного и беспристрастным хроникером. К сожалению, его путевые заметки не сохранились или сохранились в ограниченном количестве. Но многие подробности его поездок по стране настолько врезались ему в память, что он не забыл о них и через много лет.

В молодом Марко вдруг проснулся талант: он не просто многое примечал, но и оказался способен пересказать — красочно, в деталях, вызывая в воображении слушателя (а потом и читателя) представление о далеких неизведанных мирах, о «диковинах», как он сам потом выражался, представляя всё простым и понятным. Хубилай-хан был очень доволен.

Уверовав в собственные таланты, Марко Поло потом не жалел похвальных слов в свой адрес. В его книге (напомним, что в ней о нем говорится в третьем лице) он назван и умным, и сметливым, и вострым не по летам, и молодчиком, который дело делал хорошо и толково...

Короче говоря, уже после первой командировки стало ясно, что быстрая и успешная карьера при дворе Хубилай-хана ему гарантирована. А вот других подчиненных Хубилай-хана Марко стал раздражать. Для них он, естественно, был чужаком, неизвестно как добившимся фавора у их владыки.

И это, как мы понимаем, была отнюдь не белая зависть...

Естественно, для продвижения по служебной лестнице Марко Поло необходимо было быстро выучить язык. А это уже было проблемой, ибо монголы, не смотря на выдающиеся успехи в завоеваниях, не имели общего языка и единой письменности для управления своей огромной империей. Историки не зря отмечают, что при монгольском дворе наблюдалось настоящее «вавилонское смешение языков». Писцы вели дела и на монгольском, и на персидском, уйгурском, тангутском, китайском, тибетском и прочих языках. И это — не считая многочисленных наречий.

Марко Поло, как верный слуга Хубилай-хана, пользовался монгольским — языком завоевателей или персидским — языком иноземцев при монгольском дворе. Именно поэтому, кстати, все названия в его книге приводятся в основном в тюркском написании. А вовсе не потому, что он якобы всё списал из каких-то персидских источников, как утверждают некоторые, а потому, что он просто следовал общепринятой в Монгольской империи практике.

Безусловно, понимая всю сложность и важность своей миссии «правителя вселенной», Хубилай-хан пытался ввести единый письменный язык для всех народов империи. Для этого он даже поручил Пагба-ламе (он же Пагва, Пагпа и др.), мудрому тибетскому монаху и своему духовному наставнику, создать совершенно новую систему письменности: алфавит, способный передавать и объединять все известные языки. К сожалению, у того ничего не получилось, и «тюрко-монголы не слились с китайцами и не образовали единого народа»²²⁸.

Точнее, в 1268 году Пагба-лама исполнил поручение, представив Хубилай-хану слоговой алфа-

вит. Для этого он модифицировал тибетский шрифт и создал так называемое монгольское квадратное письмо (по форме знаков). Писали на нем по вертикали сверху вниз, и строки шли слева направо. Вскоре Хубилай-хан даже торжественно провозгласил это лингвистическое новшество официальным письмом империи. Но этот язык просуществовал в Китае недолго и своей главной функцией не выполнил.

Как отмечает Лоуренс Бергрин, изобретенный Пагба-ламой шрифт «остался на бумажных деньгах, на фарфоре, в официальных эдиктах империи Юань, однако ученые и писари, привыкшие к китайскому, персидскому или другим прежним языкам, отказались принять его»²²⁹.

В. Б. Шкловский в связи с этим констатирует: «Конфуцианское чиновничество было враждебно монгольской династии. Ученость этого чиновничества основывалась на знании трудной китайской письменности. Монголы изобрели и ввели новый, очень сложный слоговой алфавит — так называемый квадратный. Этим они оттеснили из области административной и деловой китайских ученых. Административные должности при дворе были заняты пришельцами со всего мира. Среди них был и Марко Поло»²³⁰.

С другой стороны, сам Марко Поло нигде не указывает своего знакомства с новым монгольским письмом.

Что же касается Пагба-ламы, то он в 1274 году удалился в свой тибетский монастырь Сакья и скончался там примерно через шесть лет. Таким образом, его лингвистический общеимперский эксперимент так и остался ценной, но неудачной попыткой в области искусственной разработки языков.

Поездка в Тибет

После успешного выполнения первого задания Хубилай-хана «ставки» молодого венецианца при дворе резко повысились. «С того самого посольства стали его звать молодым господином Марко Поло»²³¹. Точнее, его стали звать «мессир Марко». Так в те годы обращались к именитым гражданам в Италии и во Франции — к рыцарям, к судьям, к церковным иерархам и т. д.

После этого Хубилай-хан особо приблизил к себе мессира Марко, и тот все 17 лет, что прожил при нем, регулярно «хаживал в посольствах»²³².

В «Книге чудес света» читаем: «Как увидел великий хан, что Марко отовсюду несет ему вестей, за чем посылается, то делает хорошо, все важные поручения в далекие страны стал он давать Марко; а Марко исполнял поручения отменно хорошо и умел рассказывать много новостей да о многих диковинах. Нравилась великому хану деловитость Марко; полюбил он его, оказывал ему почет, к себе приблизил, и начали тому завидовать другие князья. Вот поэтому-то Марко знал о делах той страны более, нежели кто-либо, и о диковинах разведывал более всякого, и только и думал, как бы что разузнать»²³³.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что Марко Поло стал не просто послом Хубилай-хана, но и его доверенным лицом, а если называть вещи своими именами — он стал его специальным агентом или даже шпионом, который должен был всё подмечать и обо всем рассказывать своему господину.

И вторым заданием для него стала поездка в Тибет. Это достаточно удаленная от Ханбалыка местность, сильно разоренная войнами.

Оливье Жермен-Тома уточняет: «Регион, который он называет Тибетом, находился на территории нынешней провинции Сычуань»²³⁴. То есть это не Тибет в прямом смысле этого слова (не Тибетский автономный район нынешнего Китая, граничащий с Индией и Непалом), а местность, находившаяся значительно восточнее.

Что конкретно венецианец там делал, опять же неизвестно, но зато эта поездка дала потом европейцам описание бамбука. В книге Марко Поло написано: «Растет тут удивительно толстый и высокий бамбук; в толщину он вот какой: добрых три пяди, в высоту бывает до пятнадцати шагов. От одного узла до другого добрых три пяди. Купцы и другие путешественники, когда идут по той стране, несут с собою таких бамбуков и ночью ими разводят огонь; горят они с таким шумом и треском, что львы, медведи и другие хищники со страху бегут прочь и ни за что не подойдут к огню. Так-то здешние люди разводят огонь»²³⁵.

Треск горящего бамбука, слышный ночью за много километров, неизбежно пугал всех новичков в этих местах, но потом Марко Поло понял, для чего местным жителям нужна такая предосторожность: «чтобы уберечь свою скотину от диких хищников, а их тут много»²³⁶.

А еще во время поездки в Тибет, в месте под названием Гаинду (Гаиндир), Марко Поло увидел и описал удивительный кустарник, который он сначала принял за гвоздику. И есть версия, что это и был тот самый крупнолистовой чай, за отсутствие описания которого венецианца так упрекают исследователи-скептики.

С одной стороны, Тибет очаровал Марко Поло. С другой — он его многим и отталкивал. Например,

его насторожили бытовавшие в тех местах суеверия. И это притом что сам он не смог не испытать восхищения могуществом астрологов-чародеев.

Вот его рассказ: «Скажу вам еще, здесь самые ловкие колдуны и самые лучшие их звездочеты; есть они также и в соседних областях. С вражьей помощью колдуют они и творят неслыханные и невиданные чудеса. Но не нужно об этом говорить здесь, да и люди станут дивиться»²³⁷.

Следует отметить, что в книге Марко Поло во многих местах в устрашающих подробностях описываются «фокусы», которыми чародеи пытались изгонять злых духов из больных.

Кстати сказать, значительное внимание уделил этому вопросу и Гийом де Рубрук. В своей книге он написал, что всевозможные астрологи и прорицатели являются у татаро-монголов «жрецами, и всё, что они предписывают делать, совершается без замедления»²³⁸.

Он же рассказывает: «Прорицателей много, и у них всегда имеется глава, как бы папа (*pontifex*). <...> Под охраной этого жреца <...> находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в местах им назначенных; к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство. Некоторые из них, и в особенности первенствующий, знают нечто из астрономии и предсказывают им затмение солнца и луны. И когда это должно случиться, весь народ приготавливает им пищу, так что им не должно выходить за двери своего дома. И когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик. По окончании же затмения они предаются попойкам и пиршествам, обнаруживая великую радость. Они указывают наперед дни

счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова. <...> Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно когда кто-нибудь умирает, всё, принадлежавшее ему, отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока всё не будет очищено огнем»²³⁹.

Безусловно, подобные рассказы были особенно интересны для неподготовленных европейских читателей, а посему все древние авторы уделяли им повышенное внимание.

Вот Гийом де Рубрук и пишет: «Некоторые из прорицателей также призывают демонов и созывают тех, кто хочет иметь ответы от демонов, ночью к своему дому, полагая посередине дома вареное мясо; и тот хан, который призывает, начинает проносить свои заклинания и, держа барабан, ударяет им с силой о землю. Наконец, он начинает бесноваться, и его начинают вязать. Тогда демон является во мраке, и хан дает ему есть мясо, а тот дает ответы. Однажды <...> один венгерец спрятался с ними и демон, появившись над домом, кричал, что ему нельзя войти, так как с ними находится какой-то христианин. Слыша это, тот убежал с поспешностью, так как они стали разыскивать его...»²⁴⁰

Не отстает от него и Марко Поло: «Во всех этих странах <...> врачей нет, а когда у них кто заболит, призывают своих знахарей; то чертовы колдуньи и идолослужители; сойдутся эти знахари, и, как скажет им больной, что у него болит, начинают они играть на инструментах, стонать и плясать, и до тех пор пляшут, пока не упадет кто на землю или на пол замертво, с пеною у рта; бес, значит, к нему в тело вошел, и лежит он словно мертвый; другие колду-

ны — соберется их тут много, — как увидят, что упал один из них, начинают его вопрошать, чем хворает больной, а он отвечает: такой-то бес тронул его, потому что прогневал его. А колдуны ему на это говорят: “Молим тебя, прости ему, бери что хочешь, вылечи только его кровь”. И когда колдуны много раз так-то помолются, бес, что в упавшем колдуне, коль больному умереть, отвечает так: “Много провинился больной перед таким-то бесом, злой он человек, бес ни за что в свете не хочет прощать его”. Больному, значит, помирать. Если же больному выздороветь, бес, что в колдуне, говорит вот как: “Выздоровеет больной, коль зарежет двух-трех баранов да наварит десять [чаш] самого дорогого питья и напьется”. А баран, говорит бес, должен быть с черною головою или с другою какою приметой...»²⁴¹

Как говорил Марк Твен, «ничто не поражает так, как чудо, — разве только наивность, с которой его принимают на веру»²⁴².

Возвращаясь же к описанию Тибета, отметим, что людей, практиковавших черную магию, Марко Поло, естественно, считал особами «греховного поведения». И вывод его не заставляет себя долго ждать: «Нехороший тут народ»²⁴³.

А еще в своем рассказе Марко Поло, как обычно, описывает множество диковинных вещей. В частности, он отмечает, что у местных жителей имеются «большие собаки с осла, и ловки они диких зверей ловить; и другие разные охотничьи собаки есть у них»²⁴⁴.

По всей видимости, здесь венецианец имеет в виду огромных тибетских мастифов, эту древнюю породу собак с сильно развитым охранным инстинктом. До наших дней эта порода дошла практически в первозданном виде, что стало возможным благо-

даря естественной изоляции Тибета. Рост тибетского мастифа в холке составляет около 70 сантиметров, а вес превышает 60 килограммов.

А может быть, говоря о «больших собаках с осла», Марко подразумевал вообще не собак, а кабанов-бородавочников, похожих на огромных собак с острыми клыками? Но про них вряд ли можно сказать, что они «ловки диких зверей ловить»...

А еще в Тибете Марко Поло столкнулся с негативной стороной монгольской экспансии в Азии. И надо отдать ему должное, он без прикрас описывает опустошения, причиненные здешним местам Мункэ, братом Хубилая. Марко Поло пишет про «сильно разоренную войной область», а также про города, замки и деревни, что «все разрушены войной»²⁴⁵.

По сути, венецианцы увидели в Тибете всю «прелесть» первобытной монгольской культуры: кочевой, суровой, хищнической...

Марко Поло с ужасом описывает эти разоренные места: «Добрых двадцать дней идешь по той стране, и нет тут ни постоянных дворов и никакого продовольствия; на все двадцать дней нужно запастись едой для себя и кормом для скотины; хищные звери, смелые и злые, попадают часто; остерегаться их нужно, они опасны»²⁴⁶. И опасность, надо думать, по мере углубления в Тибет только возрастала.

Поездка в Ханчжоу (Кинсаи)

Помимо Каражана и Тибета, историк Жак Хеерс выделяет еще несколько крупных миссий, которые выполнял Марко Поло. Прежде всего это поездка в город Ханчжоу, который Марко Поло называет Кинсаи. Затем были трехлетняя «командировка» в

Янчжоу и посольство в Индию. К сожалению, описывая всё это, сам Марко Поло «никогда не называет точных дат. Да так, что всё отходит в область хрупких догадок и небылиц. На этом можно строить романы...»²⁴⁷

Итак — Ханчжоу (он же Кинсаи), «самый большой, богатый и знаменитый из городов Китая»²⁴⁸. В книге Марко Поло этому городу посвящено много страниц. Ханчжоу легко найти на карте современного Китая в 180 километрах к юго-западу от Шанхая, а в те времена Кинсаи представлял собой типичный китайский пейзаж с горами, вздымавшимися над гладью вод, ярко-синих из-за отражавшегося в них неба. Кинсаи был традиционной столицей династии Сун и относительно недавно был завоеван Баяном, лучшим военачальником Хубилай-хана. То есть по сути население там было еще враждебно настроено по отношению к монголам, и Марко Поло был отправлен туда Хубилаем для надзора за обстановкой.

В книге Марко Поло этот город описывается так: «Пришли мы вот сюда и расскажем вам всё о величии этого города; поговорить о нем следует, без спору это самый лучший, самый величавый город в свете»^{*249}.

Кинсаи уже в те времена был связан с Ханбалыком Великим каналом — одним из самых значительных общественных сооружений во всем Китае. Этот канал был главной артерией китайского (а с некоторых пор и монгольского) судоходства и торговли. Его строительство еще не было закончено, но ко

* Кстати сказать, недавно в Ханчжоу установили памятник Марко Поло, и именно эти слова («это самый лучший, самый величавый город в свете») высечены на его постаменте.

времени приезда Марко Поло близилось к завершению. Сам он не дает нам подробного описания Великого канала, но, скорее всего, прибыл он в Кинсаи именно по нему.

Выехав из Ханбалыка, Марко Поло увидел «прекрасный каменный мост» через большую реку. Без сомнения, это была нынешняя река Юндинхэ. По его оценке, мост имел «в длину триста шагов, а в ширину восемь»²⁵⁰. То есть по нему рядом могли проехать десять всадников.

В книге Марко Поло говорится об этом мосте: «Стоит он на двадцати четырех сводах и на стольких же водяных мельницах; выстроен из серого прекрасного мрамора; сработан хорошо и прочно; по обе стороны моста — стены из мраморных досок и столбы; расставлены они вот как: в начале моста мраморный столб, под ним мраморный лев, а другой на столбе; оба красивые, большие и сработаны хорошо. От этого столба через полтора шага — другой совершенно такой же, с двумя львами; между столбами — доски из серого мрамора, чтобы люди не падали в воду, и так из конца в конец моста. Любо на это посмотреть»²⁵¹.

Отметим, что это сооружение, известное ныне как «мост Марко Поло», сохранилось и до наших дней. Законченный в 1129 году, этот мост назывался также «мост Гуангли». Он находится на реке Юндинхэ на юго-западной окраине городской зоны современного Пекина. Длина моста составляет 266,5 метра, ширина — 9,3 метра, но вот пролетов в нем всего десять, а не двадцать четыре. Что же касается изваяний львов, то они сохранились: в настоящее время их осталось 482 (по другим подсчетам — 496).

Продолжает свой рассказ о Кинсаи (Ханчжоу) Марко Поло так: «Было там двенадцать ремесел и

для каждого ремесла было двенадцать тысяч домов; в каждом доме было, по меньшей мере, десять человек, а в ином пятнадцать, а то тридцать или сорок, не все, конечно, мастера, но и работники, что по указанию мастера работают; и всем было дело, потому что отсюда снабжаются многие другие города в области.

Много здесь богатых купцов, и шибко они торгуют; и никто об этом истинной правды не знает, так тут много купцов. <...>

К югу есть озеро добрых тридцать миль в округе; по берегам много прекрасных дворцов и красивых домов; выстроены они на славу; богаче и лучше их и придумать нельзя, и то дома знатных и именитых людей. Много тут еще аббатств и языческих монастырей; идолов там многое множество»²⁵².

Как видим, Марко Поло оказался в Кинсаи в самом апогее грандиозной китайской цивилизации. «Он впервые столкнулся с величием Китая в его наивысшем развитии, не оскверненном монголами. Кинсаи предстал перед ним как захватывающее будущее, столь же нереальное, каким показалась бы нынешнему путешественнику научно-фантастическая утопия, но в то же самое время осязаемое и живое. Впервые он увидел себя не просто путешественником, но исследователем, и поставил перед собой задачу изучить это чудо градостроения»²⁵³.

Город пленил Марко Поло в самом прямом смысле этого слова, ведь Кинсаи был в то время самым крупным портом Китая и одним из самых больших из существовавших где-либо в мире городов. И еще — именно в тот период его по праву считали образцом градостроительства. По информации венецианца, в Кинсаи было «добрых четыре тысячи бань <...> бани эти самые красивые, самые лучшие и самые про-

сторные в свете; они так просторны, что зараз тут могут мыться сто мужчин или сто женщин»²⁵⁴.

В книге Марко Поло говорится: «Богатства тут много, и доход великого хана большой; коль порассказать о нем, так и веры не дадут. Боятся еще великий хан, что город взбунтуется, а потому и велит большому войску крепко сторожить его»²⁵⁵.

А потом автор «с головой» погружается в яркое и весьма подробное описание Кинсаи, отдавая должное царившей в городе атмосфере процветания: «В этом городе — дворец прежнего царя Манги (Манзи. — С. Н.), самый красивый и знатный в свете. Вот он каков: в округе около десяти миль, обнесен высокими зубчатыми стенами; а за стенами много славных садов со всякими, какие только можно придумать, вкусными плодами. Много тут фонтанов и озер с хорошею рыбою, а посередине большой и славный дворец; а в нем большая и красивая зала; множество народу может пообедать там за одним столом. Расписан покой золотом; нарисованы тут столбы, звери и птицы, рыцари и дамы и всякие чудеса. С виду зала прекрасная; по стенам и по потолку только и видишь, что живопись золотом»²⁵⁶.

А еще в книге Марко Поло сказано: «Город в округе около ста миль и двенадцать тысяч каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить, а под сводами иных — суда поменьше. Не удивляйтесь, что мостов тут много; город, скажу вам, весь в воде, и кругом вода; нужно тут много мостов, чтобы всюду пройти»²⁵⁷.

Отметим, что тут Марко Поло явно ошибается. По данным Лоуренса Бергринна, «в действительности в Кинсаи насчитывалось 347 мостов, а не 12 тысяч, как утверждает Марко»²⁵⁸. Эту неточность по-

том взяли на вооружение многие критики Марко Поло, утверждавшие, что он не был во многих местах, описываемых в его книге. Однако, как пишет Лоуренс Бергрин, ее «не следует понимать слишком буквально. Марко просто хочет внушить читателю, что мостов в Кинсаи больше, чем он может сосчитать, даже больше, чем в Венеции»²⁵⁹.

Кстати, Марко Поло потом еще раз испытает доверчивость читателя, описывая масштабы Кинсаи: «Знайте, по истинной правде, в этом городе сто шестьдесят туманов огнищ, значит, сто шестьдесят туманов домов; туман равняется десяти тысячам; всех домов, значит, миллион шестьсот тысяч; много тут богатых дворцов. Есть здесь христианская церковь несториан»²⁶⁰.

Миллион шестьсот тысяч домов! Эта информация Марко Поло тоже нуждается в критическом анализе. Прежде всего это противоречит его же информации о том, что в Кинсаи (Ханчжоу) было «двенадцать ремесел и для каждого ремесла было двенадцать тысяч домов». Это же всего 144 тысячи домов, то есть на порядок меньше...

В каждом доме якобы жило, «по меньшей мере, десять человек, а в ином пятнадцать, а то тридцать или сорок». Это значит, что население Кинсаи, по данным Марко Поло, превышало полтора миллиона человек*.

Биограф Марко Поло Оливье Жермен-Тома, говоря о количестве домов, названном Марко Поло, подчеркивает, что оно «конечно же преувеличено»²⁶¹.

К сожалению, Марко Поло нигде не уточняет, какие обязанности он выполнял в Кинсаи. Скорее всего, он производил подсчет и сбор налогов в городе.

* А сегодня Ханчжоу — это более чем пятимиллионный мегаполис.

Во всяком случае, доходы города он описал потом весьма подробно: «Хочу вам рассказать о больших доходах великого хана с этого города Кинсаи и с подвластных ему земель, что составляет девятую долю области Манги (Манзи. — С. Н.). Сперва расскажу вам о соли; доход с нее большой. Дохода с соли круглым числом — восемьдесят туманов* золота; а каждый туман равняется семидесяти тысячам золотых *saies*, всего, значит, пять миллионов шестьсот тысяч золотых *saies*, а каждый *saie* побольше золотого флорина или золотого дуката. Просто удивительно, сколько денег»²⁶².

Помимо соли, Марко Поло выделяет в Кинсаи производство сахара и пряностей, а также доходы с рисового вина и шелка. Он констатирует: «Я, Марко Поло, много раз слышал, как высчитывали доход со всех этих вещей, и, выключая соляной доход, равнялся он двумстам десяти туманам золота, значит, пятнадцати миллионам семистам тысячам *saies*. И не слышано, и не рассказывалось о таком необычайном доходе, и это только с девятой части всей области»²⁶³.

Следовательно, Кинсаи давал Хубилай-хану девятую часть доходов всей провинции Манзи, то есть всего Южного Китая, который был поделен на девять уделов. А всего в Манзи было, как утверждает Марко Поло, «более тысячи двухсот городов»²⁶⁴ и в каждом городе стояла стража великого хана.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что венецианец, скорее всего, выступал в Кинсаи в качестве независимого эксперта и он регулярно отсылал Хубилай-хану свои отчеты. Мы не знаем, на каком языке были составлены эти отчеты. Воз-

* Аббас и — персидская серебряная монета. Один золотой туман равнялся 50 аббаси. По данным В. В. Бартольда, один туман был равен 7500 рублей по курсу 1911 года.

можно, они были выполнены на одном из наречий монголов, с которыми он был знаком. Не знаем мы и того, откуда Марко Поло черпал свою информацию.

В связи с этим Оливье Жермен-Тома пишет: «Принято считать, что Марко Поло не говорил по-китайски. Это очень даже возможно, хотя мы не имеем никаких указаний на эту тему. Я склоняюсь к тому, что он знал разговорный китайский, практиковавшийся на юге <...> но он не умел читать иероглифы»²⁶⁵.

Как бы то ни было, пребывание Марко Поло в Кинсаи (Ханчжоу) окончилось внезапно и необъяснимо, и он не приводит ни причин своего отъезда, ни даже даты этого события. Лоуренс Бергрин в связи с этим делает предположение: «Возможно, его полномочия чиновника монгольского правительства прекратились по неловкой для передачи причине: в связи с обвинением в коррупции или повышением соперника. В любом случае он оказался изгнанным из Кинсаи с его бесконечными удовольствиями и из сборщика налогов вновь превратился в путешественника»²⁶⁶.

Зато он, наконец, вновь воссоединился с отцом и дядей.

Правитель Янчжоу

Надо сказать, что Марко Поло сделал себе отличную придворную карьеру. Прошло какое-то время, и «в награду за преданность и в знак признания его административных способностей и знания страны Хубилай назначил его правителем города Янчжоу, в провинции Цзянсу, на Великом канале, близ его соединения с Янцзы»²⁶⁷.

Многие биографы Марко Поло отмечают этот факт. Например, И. А. Муромов в книге «Сто великих путешественников» пишет: «Хубилай назначил Марко правителем города Янчжоу, в провинции Цзянсу, на Великом канале»²⁶⁸.

Жюль Верн в своей «Истории великих путешествий» идет еще дальше: «Марко Поло был назначен правителем города Янгуй (Янчжоу) и еще двадцати семи городов, входивших в эту область»²⁶⁹.

Но вот Генри Харт не может скрыть своего недоумения: «Учтя торговое значение Янчжоу и то обстоятельство, что Марко жил в нем долгий срок, нельзя не удивляться, что путешественник посвятил ему одну коротенькую главу»²⁷⁰.

В самом деле, Марко Поло управлял этим городом три года (примерно с 1284-го по 1287-й), но пишет о нем весьма скупое, замечая лишь, что «народ тут торговый и промышленный»²⁷¹.

В Янчжоу действительно делали оружие, сбрую для конных воинов и доспехи. Но Марко Поло, по сути и не начав, сворачивает свой рассказ: «Больше не о чем говорить»²⁷².

И нет в его книге детального описания этого огромного по тем временам города, население которого составляло свыше 250 тысяч человек. Безусловно, этот факт представляет собой загадку и один из больших пробелов книги Марко Поло, ведь Янчжоу и его окрестности он должен был знать великолепно.

Объяснение этому пытается дать В. Б. Шкловский: «Марко Поло скучал. Он был путешественник, и чиновничья жизнь не пришлась ему по вкусу»²⁷³.

А вот Оливье Жермен-Тома, например, уверен, что Марко Поло не был правителем города Янчжоу, а «занимался административной работой на добыче соли в этом регионе, самом богатом солью во всей

империи»²⁷⁴. Он пишет: «Марко на месте выучился правилам производства и продаж соли. Также вполне возможно, что ему было поручено проверить счета города»²⁷⁵.

Поездка в Индию

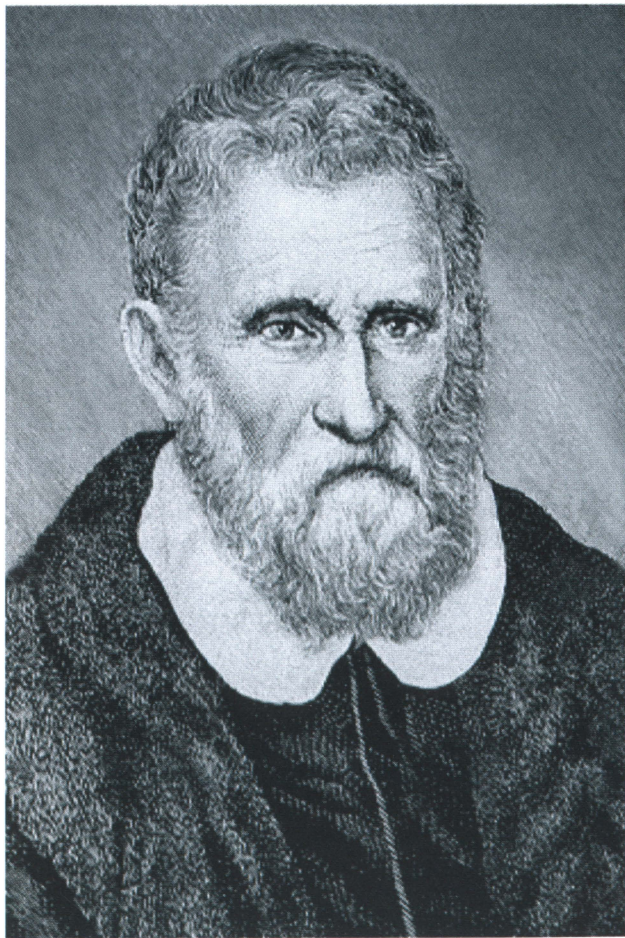
«Командировка» в Индию была последней из больших миссий Марко Поло. Об этом в его книге сказано так: «Вернулся Марко из Индии, из-за многих морей, и много нового рассказал о той стране»²⁷⁶.

А началось всё с того, что он, ощутив ненасытное желание узнать мир лучше всех своих предшественников, поддался чарам рассказов о далекой Индии и получил дозволение Хубилай-хана посетить ее.

Но тут вот что интересно. Оказывается, в ту далекую эпоху понятие «Индия» у разных путешественников было разным, а по сути, довольно смутным. «Термин “Индия” никогда не привязывался к конкретной стране, а “кочевал” по всему известному тогда миру. “Индий” было несколько! В XIII веке их насчитывалось целых три. “Средняя Индия”, или “Абасиям” — это территория современных Судана и Эфиопии. “Великая Индия” — это и есть Индия нынешняя. “Малая Индия” — это Индокитай»²⁷⁷.

Как отмечает Лоуренс Бергрин, «каждый автор или путешественник подгонял границы “Индии” к своим целям или предубеждениям, и Марко не был исключением»²⁷⁸.

А, например, Оливье Жермен-Тома уверен, что Марко Поло был не в Индии в нынешнем понимании этого слова, а в соседней Бирме: «...он отправился в путешествие к Бирме, спустившись по течению реки Иравади»²⁷⁹. Более того, этот биограф

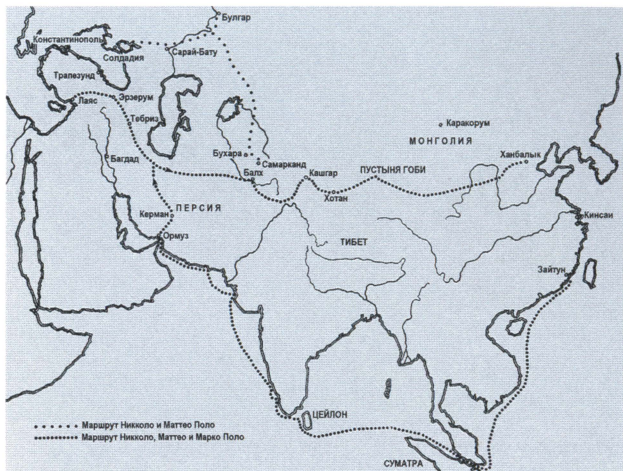
Портрет Марко Поло, выполненный в XVI веке для галереи Бадиа в Риме

Хубилай-хан

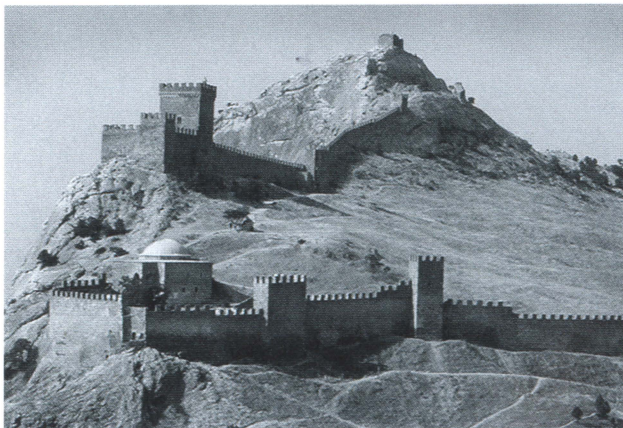

Монгольский
воин

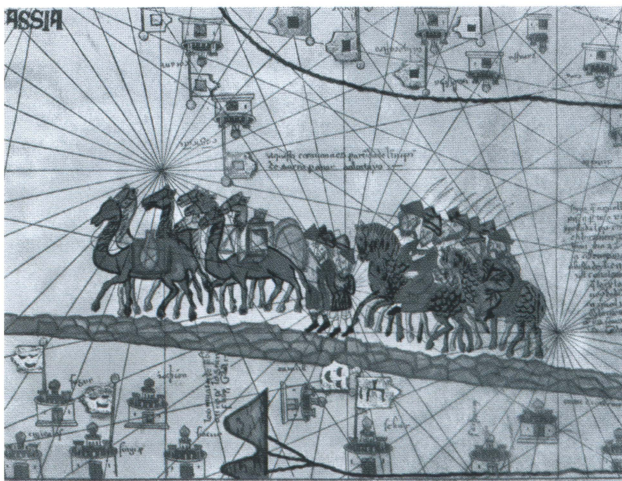

Маршруты путешествий Никколо, Маттео и Марко Поло
Генуэзская крепость в Судаке (Солдадии)

Никколо и Маттео Поло на приеме у папы Григория X
Караван Марко Поло

Марко Поло в татарской одежде.
Художник Джованни Гревенброк (XVIII в.)

Китайская монета в пять юаней с изображением Марко Поло
Мост Марко Поло в Пекине

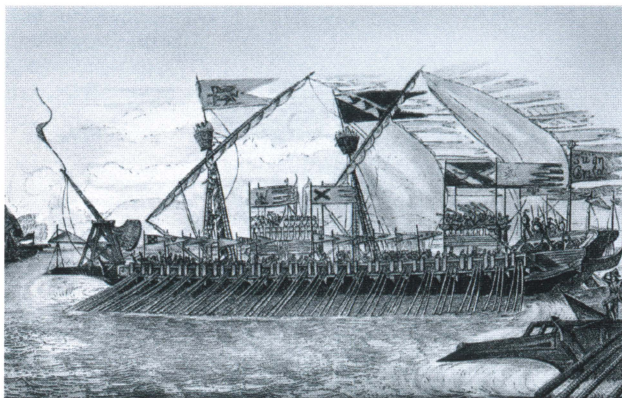
Марко Поло в Пекине.
Художник Джеймс Эдвин Макконнелл

Марко Поло.
*Итальянская
медаль XIX в.*

Чудеса Востока.
*Миниатюра
из французской
рукописи книги
Марко Поло
(XV в.)*

Венецианская галера в бою

Средневековая Генуя

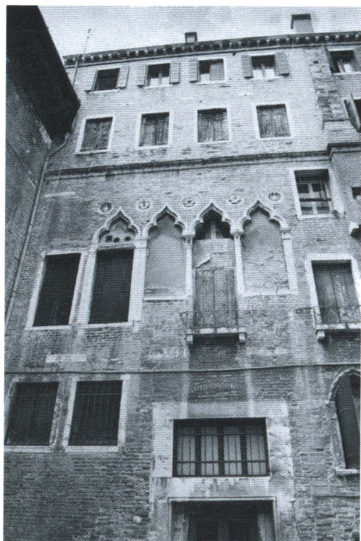

Венецианский дож
Пьетро Градениго

Венеция.
Дворец дожей

Место, где находился
дом Марко Поло
в венецианском
районе Каннареджо

Памятная доска
на месте дома
Марко Поло

Обложка первого издания книги Марко Поло (1299)

Миниатюра ► из первого издания книги Марко Поло (1299) изображает войну хана Хубилая с королем Миена (Мьянмы)

Церковь Сан-Лоренцо в Венеции

Et dit de la bataille qui fu entre loth et le marshall au grant hant et
le roy de mor.

E quant le dux d'auvergne loth as tatars lor certainement que
le roy lui tenoit saut a si grant gent a doubte pour ce que il
n'avoit que .viij. hommes a cheval. mais sans doute il estoit
moult millant homme d'armes et saiges et arrounchies et
dames et de bataille et moult bons d'armes loth et avoit .v.
mille hommes. Il ordonna moult et amonesta bien sa gent. et bien pourvint
pour defendre lui et sa gent car il avoit moult bonne gens d'armes avec soy.
Et pourquoy vous ferons lon compte. Sachies que loth les tatars sen vint
devent pour enlambie .viij. a cheval ou plain de terrain a leurs amonies et il leur
les amonies a bataille. Et ce fait il yu gaine sans ce que son dux d'auvergne
il avoit. car de moult et plain avoit un plain moult grant et moult
plein de tatars. en tale maniere attendirent les tatars tous amonies. Et lui
seus un peu a jure les tatars car bien y avoient moult prouvement. Et
puleons de leurs amonies. Et sachies que quant le roy mor fu fait d'armes
son dit. a se parer de d'armes ou il estoit et le marshall a sa voit et vint au
plein de terrain. la ou les tatars estoient sur appareille. Et quant il furent
venus en tel plain pas de leurs amonies a une mille. y fist appareiller le roy
les capitans a tous les chateaux et les hommes deus pour combatre. Et
puis ordonna les hommes a cheval et a pie moult saige et bien come
saiges roys que il estoit et quant il or ordonne et acquirir son affaire y
commença a aller contre les amonies a bataille. Et quant les tatars les

Памятник Марко Поло в Улан-Баторе

Памятник Марко Поло в Ханчжоу

Марко Поло пишет: «Он двигался на юг и прибыл в Паган, один из самых достойных восторгов городов Азии и столицу Бирманского королевства»²⁸⁰.

В книге Марко Поло есть упоминание о городе Мян. Считается, что Мян — это и есть Паган на реке Иравади. Соответственно, Мян Марко Поло — это Бирма.

В книге Марко Поло сказано, что город Мян — «большой, знатный, самый главный в царстве; люди тут идолопоклонники, говорят особенным, своим языком, подвластны великому хану»²⁸¹.

Стандартная характеристика: Марко Поло о многих местах пишет примерно такие же слова. Далее, например, Марко Поло описывает область Кангу (нынешний Северный Лаос), и вновь всё то же: «Здесь свой царь, жители — идолопоклонники, имеют свой собственный язык, они покорились великому хану и каждый год платят ему дань»²⁸².

Бумажные деньги

Генри Харт совершенно справедливо утверждает, говоря о Марко Поло, что «точно проследить его путешествия по Китаю мы не в состоянии»²⁸³. К сожалению, не в состоянии. Но зато есть масса интереснейших вещей, которые он видел во время своих «командировок» и которые он потом подробно описал. Типичный пример — бумажные деньги.

Известно, что китайцы впервые выпустили бумажные деньги примерно в 650 году. «Эти деньги многозначительно назывались фэй цянъ — летающие деньги»²⁸⁴. Но вскоре они вышли из употребления, и вплоть до X века о них нет никаких сведений.

Затем администрация китайской империи Сун, существовавшей с 960 по 1279 год, выдала несколь-

ким крупным торговым домам право на выпуск своего рода чеков на предъявителя. Это были подобиya современных сертификатов о вкладах, и они подлежали обмену на соответствующую сумму в монетах, причем не только самим вкладчиком, но и любым лицом, которому тот передавал свой сертификат.

То есть на первых порах в Китае государственных бумажных денег не было, но во многих городах крупные торговые дома выпускали свои бумажные деньги, которые были в ходу только в данном городе и ближайших окрестностях. Это было очень удобно, и купцы, постоянно находившиеся в разъездах, предпочитали бумажные деньги, избавившие их от необходимости возить с собой груды тяжелых монет.

С другой стороны, бумажные деньги шли на финансирование военных расходов. В результате новые банкноты стали выпускаться во всё больших объемах и право их погашения «металлом» было вскоре приостановлено.

К началу XII века империя Сун взяла выпуск бумажных денег на себя. Частные бумажные деньги были изъяты властями, а им на замену начали выпускаться государственные бумажные деньги, которые печатали на специализированных фабриках методом ксилографии (гравировки на деревянных дощечках).

А потом зловещий и легендарный Чингисхан завоевал большую часть Китая. А его внук Хубилай, став императором, начал обширную эмиссию бумажных денег, известную под названием «Первая монгольская эмиссия». Соответственно, в XIII веке монголы, завоевав Китай, распространили бумажные деньги на всю Среднюю Азию и Ближний Восток. «Монетный двор великого хана находился в Ханбалыке, и здесь Марко видел, как печатаются и распространяются по стране бумажные деньги»²⁸⁵.

В своей книге он описал всё это так: «Про великого хана сказать можно — алхимию он знает вполне, и вот почему. Приказывает он изготовлять вот какие деньги: заставит он набрать коры от тутовых деревьев, листья которых едят шелковичные черви, да нежное дерево, что между корой и сердцевинкой, и из этого нежного дерева приказывает изготовить папку, словно как бумагу; а когда папка готова, приказывает он из нее нарезать вот как: сначала маленькие [кусочки], стоящие половину малого ливра*, или малый ливр, иные ценой в серебряных полгроша**, а другие в серебряный грош; есть и в два гроша, и в пять, и в десять, и в безант***, и в три и так далее до десяти безантов; и ко всем папкам приложена печать великого хана»²⁸⁶.

О преимуществах бумажных денег при Хубилае в книге Марко Поло сказано следующее: «Изготов-

*Ливр — денежная единица Франции, находившаяся в обращении до 1799 года. Король Людовик IX Святой установил золотое содержание ливра в 8,271 грамма.

**Грош — монета разных стран. Впервые грош был отчеканен в Италии в конце XII века: в 1172 году в Генуе была отчеканена серебряная монета весом в 1,46 грамма, и она называлась «гроссо» (*grosso*). Затем «гроссо» появились во Флоренции, Падуе, Венеции и Пизе. В 1266 году подобие «гроссо» появилось во Франции, и называлось оно «гро» (*gros*).

***Безант — так называлась золотая монета, выпущенная в начале IV века императором Константином. Она весила 4,55 грамма. Долгое время она оставалась основной монетой Римской империи, а затем Византии. Поэтому в Европе ее чаще называли «безант» или «бизантин». В VI—VII веках эти монеты распространились во Франции, в Германии и в других странах. А в IX—XII веках в Европе чеканку собственной золотой монеты почти прекратили и основным монетным металлом стало серебро. Появились солиды (*су*, *сольдо* и др.). Но если качество гроша некоторое время удалось поддерживать на достаточно высоком уровне, то качество европейского солида стало ухудшаться.

ляется по его приказу такое множество этих денег, что всё богатство в свете можно ими купить. Приготовят бумажки так, как я вам описал, и по приказу великого хана распространяют их по всем областям, царствам, землям, всюду, где он властвует, и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать. Все его подданные повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за всё они платят бумажками, за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро: на бумажки всё могут купить и за всё ими уплачивать; бумажка стоит десять безантов, а не весит ни одного»²⁸⁷.

И чуть ниже: «Скажу вам еще, много раз в году отдается приказ по городу, чтобы все, у кого есть драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро, сносили всё это на монетный двор великого хана; так и делают, сносят многое множество всего этого; и уплачивается всем бумажками. Так-то великий хан владеет всем золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями всех своих земель»²⁸⁸.

И еще чуть ниже: «Скажу вам еще о другом, о чем следует упомянуть: когда бумажка от употребления изорвется или попортится, несут ее на монетный двор и обменивают, правда, с потерей трех на сто, на новую и свежую. И другое еще следует рассказать в нашей книге: если кто пожелает купить золота или серебра для поделки какой-нибудь посуды, или пояса, или чего другого, то идет на монетный двор великого хана, несет с собой бумажки и ими уплачивает за золото и серебро, что покупает от управляющего двором»²⁸⁹.

Биограф Марко Поло Генри Харт отмечает: «Чтобы приучить население брать эти деньги, хан Хубилай даже запретил пользоваться металлической мо-

нетой. На первых порах бумажные деньги частично гарантировались запасами металла. Но когда запасы иссякли, деньги выпускались уже безо всякой гарантии металлом»²⁹⁰.

То есть по сути переизбыток бумажных денег неизбежно привел к инфляции. Она началась примерно в 1287 году. А потом была «Вторая монгольская эмиссия», и она продолжила начатое обесценение бумажных денег. А третья эмиссия, сменившая вторую, еще больше изменила ситуацию в худшую сторону: лучшие семьи в империи обанкротились, а сама империя превратилась в арену междоусобных войн и беспорядков.

Итак, «китайцы были первым народом, который ввел в употребление банкноты»²⁹¹. При этом Марко Поло был не первым путешественником Средневековья, описывавшим их. Например, Гийом де Рубрук, побывавший в Китае примерно на 25 лет раньше венецианцев Поло, писал: «Ходячей монетой в Катае служит бумажка из хлопка шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу*»²⁹².

Кстати говоря, он же рассказывал о китайских иероглифах так: «Пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово»²⁹³.

Удивительно, но рассказ Марко Поло о китайских бумажных деньгах был воспринят как одна из многих его сказок, а записки Гийома де Рубрука оказались на долгое время погребенными среди церковных отчетов. В результате никто не извлек для себя никаких уроков, и первые бумажные деньги на Западе появились лишь в 1660 году в Швеции,

* То есть как на печати хана Мункэ.

и «продержались» они тогда всего четыре года. Первые же устойчивые бумажные валюты сформировались на Западе только в конце XVII века.

Восточные женщины

Не менее интересен и рассказ Марко Поло о женщинах Востока. На его взгляд, женщины брачного возраста там были неполноценны из-за осквернения «абсурдным и отвратительным насилием», противным всем законам природы. В его книге сказано: «Сказать по правде, никто здесь ни за что в свете не женится на девственнице; девка, говорят они, коли не жила со многими мужчинами, ничего не стоит; поэтому-то и женятся они вот так: придут сюда, скажу вам, иноземцы и раскинут палатки для побывки; тотчас же старухи из деревень и замков приводят к ним дочерей, по двадцати, по сорока, и меньше, и больше, и отдают их странникам на волю, чтобы те жили с девками; а странники девок берут и живут с ними в свое удовольствие; держат при себе, пока там живут, но уводить с собою не смеют; а когда путешественник, пожив с девкой в свое удовольствие, захочет уходить, должен он ей подарить что-нибудь, какую-нибудь вещицу, чтобы девка могла, когда замуж выйдет, удостовериться, что был у нее любовник. Каждая девка так-то почитает нужным носить на шее более двадцати разных подарков: много, значит, у нее было любовников, со многими она жила, и чем больше у девки подарков, чем больше она может указать любовников, с которыми жила, тем милее она и тем охотнее на ней женятся: она, дескать, красивее других»²⁹⁴.

Самого Марко Поло явно раздражал подобный коммерческий подход к браку, но это не помешало ему во всех подробностях описать эту странную для европейца процедуру. С другой стороны, Марко Поло, говоря о восточных нравах, констатирует: «Раз женились, жену любят крепко, и чужую жену трогать почитается за большой грех, и того греха остерегаются»²⁹⁵.

Наверняка Марко Поло не был пуританином, но многие азиатские сексуальные обычаи оскорбляли его сентиментальность. А вот сами женщины Востока ему явно нравились. Особенно китайские девушки. Описывая их, он говорит: «Девушки в Китае не имеют равных себе в отношении добродетели и скромности. Они не предаются шумным и неприличным развлечениям; они не танцуют; они никому не докучают; девушка никогда не стоит у окна, чтобы разглядывать лица прохожих или выставлять напоказ свое собственное лицо. Они не прислушиваются привычным ухом к непристойным речам и не посещают празднеств или мест увеселений. Если случается, что они выходят из дому для какой-нибудь приличной прогулки, например, для посещения храмов своих идолов или каких-нибудь родственников и близких людей, то они идут в сопровождении матерей, не глядят бесстыдно людям в лицо и носят особые изящные шляпы, мешающие им смотреть вверх. Поэтому во время прогулки их взоры всегда обращены вниз. В присутствии старших они в высшей степени скромны, никогда не скажут лишнего слова, вообще не скажут ни слова иначе как в ответ на поставленный им вопрос. Они сидят в своей комнате, занимаясь своей работой, редко встречаются с отцом и с братьями или с кем-

либо из старших в доме. И они не прислушиваются к словам своих поклонников»²⁹⁶.

А вот говоря о женщинах Кинсаи (Ханчжоу), Марко Поло отмечает, что они гораздо смелее и чувственнее, чем их западные сестры. Да и вообще, по западным меркам, культура в этом городе была более экстравагантной и сексуальные правила там ставили во главу угла прежде всего удовольствие женщины.

Более того, в Кинсаи (Ханчжоу) имелись специальные сексуальные игрушки, практиковавшиеся для помощи женщинам в достижении оргазма. А еще здесь было много специальных женщин для увеселения. О них в книге Марко Поло написано так: «На озере есть лодки и барки в большом числе, большие и малые для увеселительных поездок; на них могут поместиться десять, пятнадцать, двадцать и больше человек, потому что их длина от пятнадцати до двадцати шагов, а дно широко и плоско, так что они плывут, не наклоняясь ни на ту, ни на другую сторону. Каждый, кто хочет совершить увеселительную поездку с женщинами или с товарищами, нанимает одну из тех барок, которые постоянно содержатся готовыми. <...>

На озере всегда есть несколько барок с людьми, совершающими увеселительную поездку, так как жители города ни к чему так не стремятся, как, закончив со своими делами или торговлей, употребить часть дня на подобные удовольствия, или с женщинами своего круга, или с публичными женщинами»²⁹⁷.

Тут же, пожалуй, следует отметить, что Марко Поло оставил нам удивительные сведения об интимной жизни самого Хубилай-хана. Дело в том, что высокое положение позволило венецианцу познакомиться с семьей правителя, и он рассказал нам о том, что у Хубилая было четыре законные жены.

В своей «Истории монгалов» Джованни дель Плано Карпини утверждал, что жен там «каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять»²⁹⁸. Конечно, это не значит, что Хубилай-хан был человеком небогатым. Да, у него было лишь четыре законные жены. Но, помимо них, у него было и множество жен незаконных, называемых наложницами. И каждый раз он сам выбирал, с кем ему спать.

И Марко Поло отмечает: «Есть у него и другие подруги»²⁹⁹.

Как видим, пользуясь близостью к Хубилай-хану, Марко Поло, похоже, даже дерзнул побывать в его спальне. Или же, как и во многих других случаях, просто пересказал то, что слышал от других.

В любом случае факт остается фактом: для Хубилай-хана, как мы уже знаем, отбирали самых лучших девушек. По сути, в своей книге Марко Поло дал нам первое описание древнего конкурса красоты, победительницы которого допускались до ложа верховного правителя.

При этом, как отмечает Марко Поло, Хубилай-хан всегда охотно делился избытком женщин со своими ближайшими подчиненными.

Для европейца все это было удивительно, и наш герой не раз задавался вопросом, неужели подданные Хубилай-хана, у которых забирали дочерей, не были обижены этим. Оказывается, не были, ибо для молодой женщины, вырванной из родных мест, чтобы обслуживать сексуальные потребности великого хана, это считалось вовсе не позором, а одной из форм императорского признания.

Сам же Хубилай-хан искренне полагал, что, плодя потомство, он лишь выполняет волю Небес. По самым скромным подсчетам, у него было около пя-

тисидетей от официальных жен и наложниц. И это только сыновей, ибо многочисленные дочери вообще не брались в расчет.

Шелк

Естественно, куда бы ни попадал Марко Поло, он везде находил шелк, который в те времена был великим новшеством для европейцев, не говоря уже о шелковичных деревьях и тутовых шелкопрядах. До Марко Поло Европа вообще практически ничего не знала об искусстве шелкопрядения, которое считалось в Китае одним из самых строго охраняемых секретов.

Согласно старинной китайской легенде, искусством изготовления шелка Китай обязан Кси Линг-Ши, жене Желтого императора, мифического основателя Китайского государства. Считается, что именно она научила свой народ разводить гусениц и ткать ткань. На самом деле самый древний кокон шелкопряда был найден при археологических раскопках в северной провинции Шаньси, и датируется он примерно 2200—1700 годами до н. э.

Более трех тысяч лет никому за пределами Китая не удавалось овладеть технологией производства шелка, так как за разглашение тайны полагался смертный приговор. И лишь в 559 году два персидских монаха-несторианца, рискуя жизнью, привезли византийскому императору Юстиниану I драгоценные яйца шелкопряда. Для этого они якобы спрятали их в пустотелом бамбуковом посохе.

В Венеции шелковая промышленность стала развиваться в XIII веке, в Генуе и Флоренции — еще позднее. И лишь в XVIII веке производство шелка получило распространение по всей Западной Европе.

Конечно же для Марко Поло китайский шелк оставался экзотической новинкой, драгоценным товаром, специфическим для Китая. Однако он постоянно упоминал о нем в своей книге, а порой и касался технологии производства. Типичный пример: «...туговых дерев по всей стране много; это те дерева, чьи листья едят шелковичные черви»³⁰⁰.

Янцзы и Хуанхэ

Рассказы Марко Поло его биограф Генри Харт называет «разрозненными записями о Китае»³⁰¹. И о многих местах, кстати, венецианец повествует очень красочно: в частности, о реке Янцзы (в переводе с китайского — «Голубая река»). Ее он называет Киан-суй.

Вот его слова: «Посреди большого города течет большая река; вода пресная, и много там рыбы. В ширину река добрых полмили и очень глубока; течет она далеко, до самого моря-океана, дней на восемьдесят или сто. <...> По той реке городов и замков многое множество. Кто своими глазами не видел, не поверит, сколько больших судов поднимается по той реке. Кто сам не видел, не поверит, какое множество товаров сплавляют купцы вниз и вверх по реке. Она так широка, словно как море»³⁰².

И правда, до открытия Америки никто из европейцев не видал рек большего размера (Янцзы имеет длину более шести тысяч километров, а ширина ее основного русла достигает двух и более километров). Естественно, Марко Поло был ошеломлен.

Не меньшее впечатление произвела на него и вторая по величине река Китая Хуанхэ (в переводе с китайского — «Желтая река»). Ее длина превышает пять тысяч километров.

Марко Поло называет эту реку по-монгольски — Караморан, что в переводе значит «Черная река». По его словам, «она велика так, что моста через нее нельзя перекинуть; река широкая, глубокая и впадает в море-океан. Много городов и замков по той реке; купцов тут много, и ведется тут большая торговля. Много имбиря и шелка в странах по той реке. Сколько тут дичи, так просто удивительно»³⁰³.

Система почтовых станций

Многие еще вещи описывает в своей книге Марко Поло. Например, то, как во владениях Хубилайхана были организованы азартные игры, его пиры, его охота и методы борьбы с противниками. А еще он подробно описывает, как была организована система почтовых станций.

Дело в том, что империя была огромной и по ней, из одной области в другую, шло множество дорог. Так вот у Хубилая на каждой дороге было написано, куда она идет. И по какой бы дороге ни выехал из Ханбалыка гонец великого хана, примерно через 40 километров он приезжал на специальную станцию.

В книге Марко Поло сказано: «На каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают. Богатые постели с роскошными шелковыми одеялами в этих постоялых дворах; всё, что нужно гонцу, там есть; и царю пристать тут хорошо.

На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть стан-

ции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана»³⁰⁴.

Далее Марко Поло отмечает: «В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоянных дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и всё нужное, как на других станциях, и коней, и сбрую»³⁰⁵.

Естественно, в этих местах расстояния между станциями были побольше — где-то 50 километров, а где-то и больше 60 километров. Но в любом случае гонцам великого хана всегда было где остановиться, отдохнуть и поменять лошадей.

Это была четко отлаженная система, позволявшая очень быстро доставлять информацию из одного конца империи в другой. Марко Поло сам пользовался этой системой и не мог скрыть своего восхищения: «Такого величия, такой роскоши не было ни у какого императора, ни у одного короля, да и ни у кого. На этих всех станциях, знайте по правде, более двухсот тысяч лошадей готовы для гонцов, а дворцов, скажу вам, более десяти тысяч, и во всех них, как я уже говорил, богатая сбруя. И такая тут изумительная роскошь, что еле под силу рассказывать или описывать это»³⁰⁶.

А еще у Хубилай-хана была целая армия пеших гонцов, и исполняли они свою службу так: у них были большие пояса с колокольчиками, чтобы издали было слышно, что они бегут. Каждому нужно было бежать около пяти километров, а потом его ждала смена. Издали было слышно, что гонец приближается, и к его смене заранее готовились. По словам Марко Поло, Хубилай таким вот образом в одни сутки получал вести из-за десяти дней пути,

и податей с гонцов он не брал; наоборот, он щедро одаривал их из своей казны.

По свидетельству венецианца, важные вести доставлялись с удивительной скоростью: на лошадях гонцы великого хана могли скакать по 300 километров в день, а иной раз и по 400. Европейцам в те времена система, налаженная монголами, могла казаться чем-то невероятным.

Так прошло семнадцать лет

Безусловно, заметки Марко Поло о китайских обычаях выглядят беспорядочно и неполно. За долгие годы он много где побывал. Например, некоторые его «командировки» длились по несколько месяцев, и он всегда внимательно приглядывался ко всему, что попадалось ему на глаза по дороге туда и обратно. Но увидеть всё, заметить всё и рассказать обо всём — это было просто невозможно. К тому же он не знал китайских иероглифов и не мог почерпнуть информацию из китайских источников.

Так в бесконечных поездках по стране он провёл на службе у великого хана 17 лет. К сожалению, по каким точно делам ездил Марко Поло и по каким точно маршрутам, мы не знаем. В его книге каждому рассказу о том или ином месте дан заголовок, в котором это место называется, но нигде нет ни слова о том, откуда взят материал для рассказа. Понятно, что у читателя возникает масса вопросов, но при этом не нужно забывать, что Марко Поло описывал лишь то, что ему казалось важным, и у него — сына XIII века — были свой взгляд на вещи и свои интересы.

В любом случае он оставил человечеству драгоценный материал об Азии и о народах, ее населяю-

ших. Как отмечает его биограф Генри Харт, «читая книгу Марко, мы постоянно дивимся зоркости его глаза, остроте его ума, точности его описаний — а ведь это был человек Средневековья, человек, не прошедший никакой специальной школы!»³⁰⁷.

Он рассказывает о древнем обычае пользоваться вместо денег раковинами моллюсков каури, о крокодилах и способах их ловли, о лошадях без хвостов, о странном обычае юньнанныхцев убивать своих гостей, чтобы их души поселились в доме и принесли в него счастье, о татуировках бирманцев и о многом-многом другом.

Тот факт, что Марко писал о Китае в основном по своим собственным наблюдениям, подтверждается его признанием, что из девяти провинций Манзи (то есть Южного Китая) он описал лишь три.

У Хубилай-хана была страсть к завоеваниям, а у Марко Поло — к путешествиям. Они нашли и прекрасно дополняли друг друга. Во всяком случае, рассказы венецианца были очень нужны великому хану для того, чтобы понимать, что творится в самых отдаленных уголках его империи. А Марко были очень нужны все эти «командировки», ведь он имел возможность утолять свою страсть за государственный счет.

Безусловно, Хубилай-хан привязался к молодому венецианцу. Впрочем, молодому ли? Ведь молодым он был, когда только приехал в Ханбалык. А теперь он повзрослел и сильно изменился. Постарел и великий хан, а старики во все времена и во всех странах не любят изменения.

Постарел и отец Марко Поло. Постарел и его дядя. Кстати, о том, что всё это время делали они, мы практически ничего не знаем. Наверное, они скучали на чужбине и очень хотели вернуться до-

мой. И, наверное, в этом их взгляды на происходящее существенно отличались от того, что думал Марко. Ведь последнего никто не ждал в Венеции, и был он там никем. И наверняка, будь его воля, он так и жил бы себе при дворе Хубилай-хана, наслаждаясь полным соответствием своих желаний и своих возможностей.

Опасения венецианцев

У Генри Харта читаем: «Разъезды Марко по стране, выполняемые им правительственные поручения, его странствования в связи со своими собственными делами — всё это происходило теперь с гораздо большим размахом, чем в те дни, когда Марко только начинал свою службу у хана»³⁰⁸.

Но годы шли, и двадцатилетний молодой человек давно уже превратился в крепкого мужчину — сильного физически, умного, уверенного в себе и многоопытного. «С тех пор как венецианцы приехали в Китай, минуло уже семнадцать лет, и они затосковали по родине. В конце концов, они были здесь все-таки чужеземцами, и при мысли, что им никогда больше не увидеть родной земли, в сердца их закрадывался страх. Всё чаще им снилась Венеция, и какие бы почести и богатства ни приносила им жизнь в Китае, Поло начали обдумывать планы возвращения в Италию»³⁰⁹.

Впрочем, были и другие причины, которые заставляли венецианцев думать об отъезде из Китая, и они были куда более серьезными. На самом деле ностальгия — это всего лишь попытка сравнить наилучшее из настоящего с наилучшим из прошлого. И это вполне можно пережить. А вот то, что они

пользовались покровительством и великими милостями Хубилай-хана и это просто не могло не вызывать по отношению к ним зависть и ненависть других приближенных Хубилая, это уже было гораздо важнее. И опаснее. Никколо и Маттео Поло прекрасно видели, как стареет и теряет силы великий Хубилай. Он родился в 1215 году, и теперь ему было «под восемьдесят». По тем временам это был весьма преклонный возраст, и венецианцы не могли не бояться того дня, когда великий объединитель Китая умрет. «Стоило их могущественному покровителю “вознестись вверх” на драконе, как они оказались бы перед лицом врагов безоружными, а их богатства почти неизбежно обрекли бы их на гибель»³¹⁰.

Подобные опасения были небезосновательны, ведь во все времена после смерти одного государя и до провозглашения нового начиналась междоусобная борьба за власть среди наследников. А как говорится, паны дерутся, а у холопов чубы трещат...

В случае с венецианцами это значило бы лишь одно: «...если бы Хубилай-хан умер, пайцзы — защита их жизни — перестали бы что-либо стоить»³¹¹. Таким образом, «своевременное увольнение со службы у хана было вопросом жизни и смерти»³¹². К сожалению, как совершенно справедливо отмечает Генри Харт, «покинуть китайский двор было гораздо труднее, чем приехать туда»³¹³.

Однажды Никколо Поло, заметив, что Хубилай пребывает в добром расположении духа, воспользовался случаем и попросил у него разрешения уехать. Он просил не только за себя, но и за своего сына с братом.

Оливье Жермен-Тома в связи с этим замечает: «Можно предположить, что желание уехать было

более сильным у отца и дяди. Можно даже дойти до представления о том, что просьба Никколо, адресованная императору, не разделялась Марко. <...> Он вполне мог кончить свои дни в Китае»³¹⁴.

В любом случае, услышав такую просьбу, Хубилай-хан поинтересовался, по какой причине венецианцы хотят пуститься в столь долгий и опасный путь, во время которого они все могут погибнуть. Он сказал:

— Почему вы хотите умереть в пути? Скажите мне. Если вам нужно золото, я дам его намного больше, чем вы получите дома. Впрочем, как и всего иного, о чем вы только попросите...

Никколо Поло бросился на колени и воскликнул:

— То, о чем я говорю, не ради золота, а потому, что в моей стране у меня есть жена и по христианскому закону я не могу ее бросить, пока она жива.

Довод этот, прямо скажем, звучит странно, ведь происходил он от человека, который в свое первое путешествие, погнавшись за барышом, ушел на много лет, а возвратившись в Венецию и взяв новую жену, всего через два года оставил ее. Естественно, главная причина заключалась в другом: думать о возвращении в Венецию он начал «по соображениям личной безопасности — только после семнадцати лет жизни в богатстве и почете»³¹⁵.

Но, как бы то ни было, Хубилай-хан ответил ему так:

— Ни за что на свете я не хотел бы отпускать вас из своей страны, но в ее пределах я позволяю вам ехать, куда вы пожелаете.

Как написано в книге Марко Поло, венецианцев он «любил сильно, при себе хотел держать и об отъезде и слышать не желал»³¹⁶.

Но и это не объяснение. Скорее всего, Хубилайхан прекрасно понимал, что окружающие увидят в их отъезде признак ослабления его власти, а этого он никак не мог допустить. А посему, сколько ни просили Поло его, великий хан каждый раз отвечал одно и то же. И наши венецианцы уже совсем было впали в отчаяние, но благосклонная судьба вдруг в очередной раз выручила их. И, надо сказать, в самый нужный момент.

По сути, это был счастливый случай...

Монгольская принцесса Кокачин

Этот счастливый для венецианцев случай заключался в следующем: у Аргуна (в некоторых источниках — Аргона), внучатого племянника Хубилая, умерла жена. Жену эту звали Болгана, и умерла она 7 апреля 1286 года.

Лоуренс Бергрин уточняет: «Аргон или Аргун, как его иногда называли, был “правителем Леванта”, западной державы, ненадежно присоединенной к империи монголов»³¹⁷.

Казалось бы, и в чем тут счастье, ведь умер человек? Но, как известно, величина всякого несчастья измеряется не его сутью, а тем, как оно отражается на конкретных людях. Так вот, для венецианцев счастье тут состояло в том, что «у персидских монголов существовал в то время странный обычай: хан, восходя на трон, брал в жены свою мать. Таким образом, покойная жена Аргуна хатун Болгана была в то же время ему и матерью»³¹⁸. А Хубилайхан, ради сохранения стабильности в своей империи, готов был обеспечить преемственность и в этом далеком царстве. Тем более что, как объясняет нам в своей

книге Марко Поло, царица на смертном ложе завещала, «чтобы наследницей ей и женою Аргона стала кто-либо из ее же рода»³¹⁹.

А раз так, то «выбрал Аргон трех своих князей Улятая [Улатая], Апуска [Апушка] да третьего Кожа [Коджа] и со многими провожатыми послал их великому хану за невестой из того же самого рода, как и его жена, что померла»³²⁰.

Трое послов преодолели длинный и опасный путь ко двору Хубилай-хана, и тот принял их «с почетом, с весельями да пирами»³²¹. Затем был произведен выбор невест, и выбрали монгольскую принцессу Кокачин (или Кокечин). Послы утвердили этот выбор, объявив, что невеста им очень нравится. Марко Поло уверяет, что Кокачин была «семнадцати лет, красавица, приятная»³²².

А потом послы увидели Никколо, Маттео и Марко, «латинян — людей умных, и задумали они, чтобы братья шли с ними вместе за море. Пошли князя к великому хану и стали у него просить как милости, чтобы отослал он их домой морем, да снарядил бы с ними и трех латинян»³²³.

Однако даже этот довод не сразу склонил Хубилай-хана отпустить венецианцев. Но в конце концов он согласился.

В тот момент всем было ясно, что Хубилай постарел и конец его близок. Нужно было торопиться. А посему Никколо, Маттео и Марко Поло сделали всё, чтобы уехать, не откладывая, на любых условиях. А хитрый Хубилай-хан обставил всё так, будто он отпускает своих приближенных не насовсем, а с очередным поручением.

Как бы то ни было, караван с невестой вышел из Ханбалыка и направился в Персию, «а там — из Китая казалось — и Венеция лежит совсем рядом...»³²⁴.

Принцессе Кокачин в сопровождение снарядили посольство из шестисот человек. А еще было решено, что гораздо безопаснее будет добираться до места назначения морем.

Отметим, что уже наступил 1292 год и Марко Поло к тому времени был уже зрелым человеком — ему исполнилось 38 лет.

Глава девятая

ПУТЬ НА РОДИНУ

Прощание с Хубилай-ханом

Перед самым отъездом венецианцев Хубилай-хан, продемонстрировав благородство, вручил им новые пайцзы, гарантировавшие путникам безопасность. Написано на них было, чтобы «всюду трех послов почитали и служили им, как самому владельцу, давали бы лошадей, продовольствие и провожатых»³²⁵.

На самом деле у Хубилай-хана имелись свои планы на венецианцев: он решил превратить их поездку в международную миссию большой важности. «Он доверил им многое от своего имени — по-видимому, письма и другие личные вещи, а также поручения к римскому папе, к королю Франции, к королю Англии, к королю Испании и к другим коронованным особам христианского мира»³²⁶.

Было снаряжено 14 судов. «На каждом судне было по четыре мачты, и зачастую они ходили под двенадцатью парусами»³²⁷. Китайские паруса тогда делались из бамбуковых дощечек. Они были по-

хожи на циновки и никогда не опускались. «На каждом корабле служили от двухсот до трехсот моряков»³²⁸.

На прощание Хубилай-хан устроил у себя во дворце пышную церемонию.

Лоуренс Бергрин пишет: «На этой церемонии они последний раз видели Хубилай-хана. После двадцати лет, проведенных в дальних странах, начался долгий путь к дому; главное приключение их жизни приближалось к концу»³²⁹.

Марко Поло рассказывает, что «пустились они в море, плыли три месяца и пристали к острову Ява, на юге. Много на том острове диковин. <...> От того острова туда, куда шли, плыли они по Индийскому океану осьмнадцать месяцев и много всяких диковин насмотрелись»³³⁰. Судя по всему, плавание через океан оказалось трудным испытанием.

Как мы уже говорили, было 600 человек провожатых, но во время морского путешествия «перемерло много; всего только восемнадцать человек осталось в живых»³³¹. Умерли и персидские послы Улатай и Апушка (Апуска). Только один из послов по имени Коджа (Кожа) продолжил путь. Вероятно, причинами всех этих бедствий стали болезни, кораблекрушения и пираты, однако Марко Поло по своему обыкновению не вдается в объяснения.

Япония (Чипингу)

По какому же маршруту они плыли? Через какие моря проходили на долгом пути от Китая до Персии? Какие встречали на пути острова и страны? И прежде всего откуда и когда они вышли?

Считается, что они начали свое обратное путешествие в начале 1292 года и вышли из крупного торгового порта Зейтун. Чтобы было понятно: Зейтуном арабские и персидские мореходы называли порт города Цюаньчжоу, что находится ныне на западном материковом берегу Тайваньского пролива.

В связи с этим выглядит довольно странным тот факт, что Марко Поло описывает заход в Японию, которую он называет островом Чипингу (Чипунгу или Чипанго).

В книге Марко Поло сказано: «Остров Чипунгу на востоке, в открытом море; до него от материка тысяча пятьсот миль. Остров очень велик: жители белы, красивы и учтивы; они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие: чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда: с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много»³³².

Далее Марко описывает диковинный дворец местного царя, крытый чистым золотом, рассказывает про обилие жемчуга и других драгоценных камней на острове. Но вот был ли он в Японии сам?

А. А. Бушков в одной из своих книг не скрывает иронии: «Это в Японии-то золотые рудники?! Впрочем, касаясь Японии Марко Поло не успел нагромоздить особенных баснословий. Разве что поведал очередную “правдивую” историю...»³³³ Ирония эта понятна, ведь рудник Садо Киндзан, долгое время бывший крупнейшим в Японии золотым прииском, начал работать лишь с начала XVII века, а другое крупное открытие золотых залежей (рудник Кономай) было сделано на Хоккайдо в 1915 году. Что же касается золотоносного месторождения близ Хисикари, считающегося сейчас одним из лучших

золотых рудников в мире, то оно было обнаружено вообще лишь в 1982 году.

Так что ответ на вопрос, был ли Марко Поло в Японии, однозначен. Конечно, не был. Как мы уже говорили, Зейтун находился точно напротив острова Тайвань. То есть до Японии от него — 1350 километров на северо-восток. А это значит, что плыть нужно было в противоположную от главной цели их путешествия сторону...

Да, наш герой знал о существовании богатого острова Чипингу (Чипунгу или Чипанго), но по рассказам других людей.

Лоуренс Бергрин отмечает: «Хотя Марко и стал первым, познакомившим недоверчивого читателя с населением этого острова, его отчет полон неточностей, потому что сам он никогда там не бывал»³³⁴.

Разделяя это мнение, Генри Харт констатирует: «Марко посвятил целую главу Японии. Сам он там не бывал, и его описание Японии, которую он называет Сипанго (или Чипингу), представляет собой смешение реальных фактов и вымысла — останавливаться на этом здесь нет нужды»³³⁵.

К сожалению, в очередной раз мы здесь сталкиваемся с ситуацией, когда Марко Поло описывает какую-то страну живо и уверенно, однако в своем повествовании он ни разу не утверждает: «Я лично видел это».

И все же даже такое «смешение реальных фактов и вымысла» сыграло в свое время огромную роль, и вот что в связи с этим пишет академик В. И. Вернадский: «Созданная капризом истории легенда о Зипангу есть одна из тех форм человеческого мечтания о силе, счастье и могуществе, которые сыграли и, может быть, играют в истории научных исканий крупную роль. Они заставляют напрягать волю,

подыматься мысль. Проходят поколения упорных стремлений, пока человек убеждается в призрачности сверкающей перед ним цели. Но попутно при этих исканиях делаются великие открытия, и под их влиянием, за их реальным содержанием более или менее быстро блекнет и теряется вызвавший эти открытия призрак.

Такую роль в астрономии играли гороскопы, в химии — искания философского камня и эликсира жизни, в физике — задания магии, в математике — задача квадратуры круга. Такую роль в открытиях географии играли различные причудливые легенды, одной из которых была легенда о Зипангу. Она получила в глазах европейцев нового времени большее значение, чем придавал ей Марко Поло, передававший преувеличенные рассказы о богатстве Японии, которые были распространены при дворе монгольских владык Китая, пытавшихся завоевать Зипангу.

За золотом Китая и Зипангу шел еще Колумб. За ним стремились все те испанские, английские, голландские, французские моряки и искатели приключений, которые подымались с юга в Тихий океан или пытались проникнуть в него с севера»³³⁶.

Кстати сказать, стареющий Хубилай-хан, стремясь доказать, что он всё еще остается великим и могучим, попытался покорить Японию, и Марко Поло стал для нас единственным по тем временам источником информации об этом военном конфликте с японцами — малоизвестной, но могущественной островной нацией.

Первая попытка завоевания имела место в 1274 году, а вторая — в 1281 году. По словам Марко Поло,

японцы были не менее свирепы, чем монголы, но при этом их защищало бурное море, которого монголы почти не знали.

Про первую попытку завоевания Японии Марко Поло пишет так: «Когда великому хану Кублаю <...> порассказали об этих богатствах, из-за них захотел он завладеть этим островом. Послал он сюда двух князей со множеством судов, с конным и пешим войском. Одного князя звали Абатан, а другого — Вонсаничин, были они и разумны, и храбры. Что же вам сказать?

Вышли они из Зайтона и Кинсяя, пустились в море, доплыли до острова и высадились на берег. Захватили они много равнин да деревень, а городов и замков не успели еще взять, как случилось с ними вот какое несчастье; зависть была промеж них, и один другому не хотел помогать; подул раз сильный ветер с севера, и стала тут говорить рать, что следует уходить, не то все суда разобьются; сели на суда и вышли в море; не проплыли и четырех миль, как прибило их к небольшому острову; кто успел высадиться, спасся, а другие погибли тут же.

Высадилось на остров около тридцати тысяч человек, да и те думали, что погибли, и очень тосковали; сами уйти не могут, а уцелевшие суда уходят на родину»³³⁷.

В действительности при первом нападении монголы разбили японские отряды на островах Цусима и Ики, а после этого они подошли к острову Кюсю и начали атаку, но тут начался сокрушительный шторм, и завоеватели вынуждены были отступить.

Что же касается тех воинов, что остались на острове, то они находились в полном отчаянии, ведь они прекрасно понимали, что им уже не вернуться на родину.

А о том, что было дальше, Марко Поло рассказывает так: «И так-то они поживали на том острове. Услышали царь большого острова и его подданные, что войско рассеяно и разбито, а кто спасся — на маленьком острове; услышали они это и обрадовались; как только море успокоилось, сели они на свои суда и прямо поплыли к маленькому острову; высадились на берег, с тем чтобы захватить всех, кто там. А те тридцать тысяч воинов увидели, что враг высадился на берег и сторожить суда никто не остался; как умные люди, пока враг шел захватывать их, прошли другою стороною, добрались до судов, да и забрали их. А так как суда никто не сторожил, то и нетрудно им было это сделать.

Что же вам еще сказать? Сели они на суда и от этого острова поплыли на другой. Высадились на берег со знаменами и значками тамошнего царя, да так и пошли к столице; народ видит свои знамена, по истинной правде, думает, что царское войско идет, и впускает врага в город. В городе оставались одни старики. Взял враг город, всех повыгнал, оставил себе только красивых жен. Вот так-то, как вы слышали, рать великого хана захватила этот город.

Узнал царь со своим народом, что город взят и дела пошли так, и жизнь стала ему не мила. Вернулся он на других судах к себе на остров, обложил город со всех сторон, и никому нельзя было ни взойти в город, ни выйти оттуда. Что же вам сказать? Семь месяцев держалась рать великого хана в том городе, днем и ночью ухищрялись воины известить великого хана о своем деле и ничего не могли поделаться. Видят воины, что делать им нечего, и заключили мир с осаждавшими: спасая свою жизнь, сдались все»³³⁸.

После этого Хубилай-хан отправил в Японию послов с требованием сдаться без боя и платить ему

дань. Но японцы казнили всех послов, а затем, готовясь к худшему, послали на Кюсю самурайское войско. И самураи начали возводить на острове каменные стены на случай вторжения монголов.

В 1281 году новое войско Хубилай-хана, насчитывавшее около ста тысяч человек, вновь было посажено на корабли и отправлено на Кюсю. Оно находилось под командованием «трех военачальников: монгола Хинду, китайца Фан Вэнь-ху и корейца Хонг Тагу»³³⁹.

Войско было разделено на две части, которые должны были позднее соединиться в одну армию. Но согласовать действия не удалось, и китайский флот опоздал к месту намеченной высадки десанта. Ждать было нельзя, и монголы с корейцами начали атаку.

Японцы мужественно отбивали их атаки, не пуская противника вглубь своей страны. Кровопролитная битва длилась целый день. А потом всё повторилось, как в первый раз: налетел страшный ураган и уничтожил около тысячи судов из невиданной по тем временам армады Хубилай-хана. Отметим, что этот ужасный шторм, вызванный тайфуном (разновидностью тропического циклона) и спасший Японию от завоевания, вошел в историю: японцы дали ему название «камикадзе», что значит «божественный ветер».

Эти две попытки Хубилай-хана ввести Японию в состав Монгольской империи оказались, пожалуй, самыми жестокими неудачами его царствования. Во все времена правители в подобных ситуациях начинали искать «козлов отпущения». Не стал исключением и великий Хубилай. И, разумеется, он их быстро нашел. Узнав о раздорах между своими военачальниками, он немедленно велел одному из

них отрубить голову, а другого сослал на пустынный остров, оставив там умирать.

В 1283 году, вопреки мнению советников, Хубилай-хан начал готовить третье вторжение в Японию, но всеобщая оппозиция этому оказалась настолько сильной, что ему пришлось отказаться от своей затеи.

В целом же можно сказать, что поражения в Японии сильно ослабили авторитет Хубилай-хана. А от этого пострадала и вся его империя. По сути, «неудачные походы в Японию развеяли в Восточной Азии миф о непобедимости монголов»³⁴⁰.

Вдоль берегов Индокитая

Но вернемся к Марко Поло и его спутникам. На самом деле корабли с монгольской принцессой Кокачин не были в Японии, а поплыли вдоль побережья Китая на юго-запад. Соответственно, первая страна, которую Марко Поло реально описывает после рассказа об отплытии из Китая, — это царство Чианба (Чамбо). Судя по всему, это место находилось где-то на юго-восточной окраине современного Вьетнама. О нем в книге Марко Поло сказано не так много: «Страна большая, богатая. Здесь и свой царь, и свой особенный язык. Живут там идолопоклонники; великому хану каждый год платят они дань слонами; кроме слонов, другого не дают»³⁴¹.

В те времена правитель Чианбы считался вассалом Монгольской империи, и дань он действительно платил только живыми слонами, которые издавна использовались в Китае в качестве «боевых машин».

Острова Ява и Суматра

Далее у Марко Поло следует описание острова Ява: «То самый большой на свете остров, в округе более трех тысяч миль; владеет им большой царь; живут здесь идолопоклонники и никому в свете дани не платят»³⁴².

Затем Марко Поло говорит об островах Сондур и Кондур, что якобы лежат они «на юге и юго-востоке от Явы, через семьсот миль»³⁴³. Один из них якобы «побольше, другой поменьше»³⁴⁴.

Если допустить, что Марко Поло реально был на Яве, то на юге и юго-востоке от нее лежат острова Сумбава, Сумба и Тимор, а дальше уже идет Австралия. Но это явно не то. Значит, Марко Поло не был на Яве, а подразумевал под «Явой» что-то другое.

Некоторые историки уверены, что Кондур Марко Поло — это нынешний остров Пуло-Кондор (*Poolo-Condor*). Точнее, это группа вулканических островов в Южно-Китайском море. По-малайски он называется Пулау-Кундур, что означает «Остров тыкв». А вот отождествить Сондур Марко Поло с каким-либо реальным островом представляется затруднительным.

Венецианец утверждает, что в 500 милях от Сондура и Кондура лежит «большая и богатая область Лошак; владеет ею великий царь, а живут тут идолопоклонники, язык у них свой собственный»³⁴⁵. Как видим, опять стандартные слова о великом царе, идолопоклонниках и необычном языке. Так можно было написать практически о любом месте в Азии... Скорее всего, Лошак — это какой-то район нынешнего Таиланда, но определить это точно не представляется возможным.

Итак, на Яве Марко Поло не был. Из нынешнего Южно-Китайского моря он направился через Ма-

лаккский пролив к Суматре, а потом к Цейлону, то есть он описал Яву по сведениям, которые ему удалось собрать в других местах.

Генри Харт в связи с этим пишет так: «Нет необходимости задерживаться на том, что пишет Марко о Яве и других островах и землях, которые он видел на пути к Суматре. На этом острове — Марко называет его “Малой Явой” — суда, которыми он плыл, подолгу стояли в различных портах. Суматре у Марко посвящено несколько страниц, Марко пишет, что он побывал в шести царствах из восьми, составлявших весь остров»³⁴⁶.

Далее Марко Поло переходит к описанию царства Суматра, но это название ко всему острову в те времена не применялось. У Марко Поло Суматра — это Малая Ява. С другой стороны, очевидно, что Суматра по размеру больше, чем Ява: площадь Суматры составляет около 435 тысяч квадратных километров (это шестой по площади остров в мире), а площадь Явы — всего 132 тысячи квадратных километров.

Суматра в те времена была разделена на несколько мелких княжеств, которые номинально числились в зависимости от Монгольской империи. И Марко Поло утверждает, что в шести из них он побывал.

Наверное, самым первобытным из них было царство Басман (Басма). О нем в книге Марко Поло рассказывается так: «Язык тут особенный; люди, точно звери, никакого закона у них нет»³⁴⁷.

А еще Марко Поло говорит о виданных там «единорогах». Оказывается, это азиатские носороги, что становится ясно из следующего описания: «Шерсть у них как у буйвола, а ноги слона, посреди лба толстый и черный рог; кусают они, скажу вам,

языком; на языке у них длинные колючки, языком они и кусают. Голова как у дикого кабана и всегда глядит в землю; любит жить в топях да по болотам. С виду зверь безобразный»³⁴⁸.

Но еще больше Марко Поло поразили «обезьяны» Басмана (Басмы): «Водятся тут очень маленькие обезьяны с человеческим лицом; наловят их да выщипывают им волосы; на бороде да на груди оставляют только волоса. А потом их высушивают, набивают да вымазывают шафраном и кое-чем другим, и делаются они точно люди. И это большой обман; делают их вот так, как вы слышали. Таких маленьких людей, как эти, ни в Индии, ни в какой самой дикой стране не видано было»³⁴⁹.

Лоуренс Бергрин в связи с этим рассуждает так: «Марко имеет в виду не обезьян, а пигмеев — низкорослых людей ростом менее шестидесяти дюймов. Их обычно связывают с Африкой, однако общины пигмеев или их остатки можно было найти в Индонезии и по всей Юго-Восточной Азии. Азиатских пигмеев называли “negritos”, в отличие от африканских “negrillos”, но в последнее время оба названия вышли из употребления»³⁵⁰.

Кстати сказать, племя очень маленьких пигмеев и сейчас вроде бы живет на юго-востоке принадлежащего ныне Индонезии острова Суматра. Во всяком случае, в джунглях у подножия горы Нило на территории национального парка Керинчи Себлат в провинции Джамби были обнаружены отпечатки их ног. Рост этих пигмеев, судя по всему, достигает 70—75 сантиметров (это самые низкорослые люди на Земле), но проблема заключается в том, что до последнего времени исследователям не удавалось найти этих людей, ибо племя ведет кочевой образ жизни в совершенно нетронутых цивилизацией лесных районах.

Что же касается Марко Поло, то ему в данном случае можно верить, ибо корабли Хубилай-хана простояли на Суматре несколько месяцев, ожидая попутного ветра.

В связи с этим Марко Поло весьма подробно описывает отвратительные обычаи людоедов в царстве Даграиан, затем рассказывает о «хвостатых людях» в царстве Лабрин (Ланбри). Чтобы было понятно, Даграиан — это область в центре Суматры, а Ланбри — это мусульманское государство на северо-западе Суматры. Что же касается «хвостатых людей», то, возможно, в данном случае Марко Поло имел в виду крупных орангутангов. В связи с тем, что легенды о хвостатых людях существовали у всех народов от Китая до Европы, разбирать этот вопрос подробно здесь вряд ли стоит.

Андаманские острова

От острова Суматра корабли вполне логично пошли в нынешнее Андаманское море и достигли Андаманских островов. Эти острова находятся на востоке Индийского океана и сейчас принадлежат Индии. А во времена Марко Поло царя там не было. Более того, по словам путешественника, у местных жителей были собачьи головы и лица («у всех здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи; у всех них головы, как у большой собаки»³⁵¹), и там повсюду процветало людоедство («иноземцев, коль поймают, поедают»³⁵²).

Странно, но в книге Марко Поло это место называется Ангаман и речь идет не о группе островов, а как бы об одном острове. На самом же деле все Андаманские острова расположены очень

близко друг от друга и разделены мелководными проливами. Что же касается людей с собачьими головами, то рассказы о народе так называемых «псоглавцев» встречались и до Марко Поло: например, у античных писателей Геродота, Мегасфена, Плиния Старшего и других. До венецианца и после него встречаются упоминания о них и у индийских, персидских, египетских, китайских и прочих авторов. А из византийских источников «псоглавцы» перешли и в древнерусские сказания. Кстати сказать, области, отмеченные как «населенные псоглавцами», присутствовали на многих средневековых картах.

Скорее всего, все эти «псоглавцы», «киноцефалы» и прочее — всего лишь облаченные в легенды отражения собакоголовых обезьян, к числу которых относят павианов, бабуинов и гамадрилов. В любом случае в XIII веке подобные описания не могли не привлекать внимание читателей.

Цейлон и Индия

От Андаманских островов, следуя либо вдоль берега, либо строго на запад, корабли дошли до Цейлона (нынешней Шри-Ланки). Там Марко Поло увидел «самый красивый в свете рубин». В его книге он описывается так: «Самый красивый в свете рубин у здешнего царя; такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиной в человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен, как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить»³⁵³.

В своей книге Марко Поло уверяет, что видел этот рубин своими глазами и даже держал его в руках. Что касается последнего, то тут, возможно, венецианец всё же несколько преувеличивает.

Биограф Марко Поло Генри Харт утверждает: «От Цейлона корабли поплыли к Индии, впервые причалив к индийской земле у Малабарского (юго-западного) берега. Здесь Марко видел и подробно описал лов жемчуга»³⁵⁴.

Это место сам Марко Поло называет Маабаром или Великой Индией. По сути, это так и есть, ибо Маабаром арабы называли восточный берег полуострова Индостан (в буквальном переводе Маабар — «Место переправы»).

Некоторые авторы называют это место Малабаром, но это неверно. В действительности Малабарский берег — это длинное и узкое побережье на юго-западе Индостана, расположенное к югу от Гоа. Корабли же с нашими путешественниками от Цейлона пришли к восточному берегу Индии, то есть к Маабару. Потом они обогнули южную оконечность полуострова Индостан и вышли в Аравийское море.

Из главных впечатлений Марко Поло об Индии можно отметить процесс добычи жемчуга, который описывается у него так, словно он видел всё своими глазами: «Нанятые купцами люди садятся в маленькие лодки и оттуда ныряют под воду, иной уйдет вглубь на четыре шага, а то на пять, и так до двенадцати, и сколько вытерпят, столько времени и остаются там; на дне морском они подбирают раковины, что называются морскими устрицами. В этих устрицах находится жемчуг всех родов, крупный и мелкий; жемчужины в мясе этих раковин. Вот так они ловят жемчуг; и не пересказать, какое его тут множество. Здешний жемчуг расходуется по всему свету. Собирает с него здешний царь большой налог и великое богатство. А с половины мая, скажу вам по правде, больших раковин с жемчугом уже более нет; подалее, в трехстах милях, они есть, и ловят их там с сентября до половины октября»³⁵⁵.

А вот еще одно весьма любопытное наблюдение венецианца: «Во всей стране Маабар никто не умеет кроить и шить; круглый год люди ходят тут нагишом. Погода тут всегда славная, и не холодно, и не жарко, поэтому-то и ходят они голыми; одни срамные части закрывают лоскутом полотна. Как другие, так и царь ходит, но есть на нем вот еще что; ходит он голым, только свои срамные части хорошим полотном прикрывает, да на шее у него ожерелье из драгоценных камней; тут и рубины, и сапфиры, и изумруды, и другие дорогие камни. Стоит это ожерелье дорого»³⁵⁶.

И правда, климат этого региона таков, что средняя температура воздуха там колеблется от 25 °С до 28 °С, а осадки выпадают в основном в конце лета. Но в той же главе книги Марко Поло почему-то сказано: «И такая тут жара, просто диво! Поэтому-то народ и ходит нагишом»³⁵⁷. Согласимся, это как-то не очень вяжется с заявлением, что «погода тут всегда славная, и не холодно, и не жарко».

Возвращаясь еще раз к описанию острова Цейлон, Марко Поло довольно подробно рассказывает о жизни Будды, которого именует Сергамоном Борканом, что означает «Святой Сергамон» (вторая часть этого имени явно произведена от монгольского слова «бурхан», означающего «бог», «божественный» или «святой»).

«Сергамон, — объясняет Марко Поло, — был первый человек, ему первому сделали идола»³⁵⁸. За время пребывания на Востоке Марко Поло видел множество изображений Будды — деревянных, каменных и нарисованных. И он всех их называет идолами.

Буддизм, как известно, дошел до Хубилай-хана, и тот принял эту веру наряду с другими религиями

своей империи. Так вот в Индии Марко Поло познакомился с более древней формой буддизма и был очарован ею. Как пишет Лоуренс Бергрин, «подобно хамелеону, он вновь сменил окраску: Маркомонгол трансформировался в Марко-буддиста»³⁵⁹.

А после этого он попытался передать людям Запада значение Будды, которого он называет столь необычным именем — Сергамон (или Сергамум) Боркан. По мнению Лоуренса Бергринна, «первая часть этого имени — это транскрипция слова “Шакьямуни”. Этот термин из санскрита означает: “святой из царского рода Шакья”»³⁶⁰.

Марко рассказывает: «Был он сыном богатого и сильного царя; жизнь вел прекрасную, ни о чем мирском слышать не хотел и царствовать не желал. Узнал отец, что сын царствовать не желает и ни о чем мирском слышать не хочет; стало ему досадно, и чего только он не предлагал сыну; говорил, что венчает его на царство и полновластным государем сделает; отдавал ему царский венец и одно только требовал, чтобы сын стал царем. А сын в ответ говорил, что ничего не желает.

Увидел царь, что не хочет сын царствовать, разгневался и с горя чуть не помер; да и не диво, другого сына у него не было, и некому было оставить царство. Задумал тогда царь такое: решил он про себя, что заставит сына полюбить всё мирское и возьмет царевич и венец и царство. Поселил он его в прекрасном дворце, а в услужение приставил тридцать тысяч красивых да милых девиц; мужчин там не было, одни девы; они укладывали его в постель, служили ему за столом, по целым дням были с ним, пели ему, плясали перед ним и, как умели, потешали его по царскому приказу; но и они не могли сделать царевича сластолюбивым; остался он целомудренным

и жил строже прежнего. Жил он, по-ихнему, свято; был юноша строгий; из дворца никогда не выходил, мертвых не видывал и никого, кроме здоровых; не пускал к нему отец людей старых и расслабленных.

Случилось раз, что ехал этот юноша по дороге и увидел мертвеца; ничего такого он не видел, а потому и испугался.

— Что это такое? — спросил он тех, кто был с ним.

— Мертвец, — отвечали ему.

— Как, — сказал царевич, — разве люди умирают?

— Да, воистину умирают, — отвечали ему.

Ничего не сказал юноша, задумался и поехал вперед. Проехал он немного и повстречал старика; еле он двигался, ни единого зуба не было у него во рту, растерял он их от старости.

— Что это такое? — спросил опять царевич. — Отчего не может он ходить?

Отвечали ему те, кто был с ним:

— От старости не может он ходить, от старости зубы растерял.

Услышал царевич о старости и смерти и поехал назад во дворец. Решил он про себя, что не будет жить в этом злом мире, а пойдет искать того, кто не умирает и кто его сотворил. Ушел он из дворца и от отца в высокие и пустынные горы и прожил там всю жизнь честно и целомудренно, в великом воздержании; будь он христианин, то стал бы великим святым у Господа нашего Иисуса Христа. Как умер царевич, принесли его к отцу, и, нечего спрашивать, увидел тот сына, которого он любил больше самого себя, мертвым и сильно огорчился. Много он его оплакивал, а потом приказал сделать образ и подобие сына из золота с драгоценными камнями, и велел он всем в своей стране почитать его за бога и молиться ему.

Рассказывают, что умирал царевич восемьдесят четыре раза; в первый раз по смерти, говорят, сделался он быком; умер еще раз и стал конем; и умирал он так восемьдесят четыре раза, и всякий раз делался или собакою, или чем другим, а умер в восемьдесят четвертый раз и стал богом. За лучшего и за самого большого бога из всех своих почитают его язычники. Был он, знайте, первым идолом у язычников; другие идолы от него произошли. Случилось это на острове Цейлоне в Индии. Так произошли идолы»³⁶¹.

Рассказывая о Малабаре (Мелибаре), Марко Поло предупреждает европейцев об опасности — о местных «морских разбойниках». Кстати, он очень подробно описывает их образ действий. Очевидно, по собственному неприятному опыту: «Из области Мелибар, да еще из другой, что подле и зовется Гурзуратом, каждый год более ста судов выходят другие суда захватывать да купцов грабить. Большие они разбойники на море; и жен, и детей берут с собою; все лето в плавании; купцам они много убытков делают. Иные из этих судов отделяются от других, плавают и там и сям, выжидают да подсматривают купеческие суда и всякие гадости чинят. Соберутся словно отряд; один от другого станет милях в пяти; и так расставится судов до двадцати, миль на сто займут море, и как завидят судно с товарами, зажигают огни и подают друг другу знаки; и оттого ни одному судну тут не пройти, всякое перехватят.

Купцы знают разбойнические обычаи, знают, что должны их повстречать; снаряжаются и изготавливаются хорошо и не боятся повстречать разбойников; защищаются храбро и разбойникам вред наносят, а всё-таки и те кое-какие суда захватывают»³⁶².

А вот еще одна весьма любопытная деталь о методах пиратов: «Здесь морские разбойники са-

мые злые в свете. Делают они вот какую мерзость: как захватят купцов, так начинают поить их морскою водою с тамариндами*, с чего купцов сильно слабит и совсем опорожняет живот; а разбойники соберут испражнения да разглядывают, нет ли там жемчужин или каких дорогих камней. Они рассказывают, что когда купцы попадают в плен, то глотают жемчужины и дорогие камни, чтобы разбойники не отыскиали их, и вот поэтому-то злодеи и поят купцов тем питьем, с чего у купцов делается эта хворость»³⁶³.

Сокотра (Скотра)

Как подчеркивает Жак Хеерс, рассказ Марко Поло о Цейлоне и Индии является «одним из самых богатых, самых живописных моментов его книги. Так как нам не удастся найти ни одной причины этого, можем предположить, что эти красивые куски были потом составлены на базе сведений, собранных там и здесь либо вообще взятых из других трактатов»³⁶⁴.

А вот дальше логика рассказа Марко Поло совершенно нарушается и он начинает описывать остров Сокотра, который находится в западной части нынешнего Аравийского моря у входа в Аденский залив.

Если посмотреть на карту, то двигаться корабли Хубилай-хана должны были вдоль побережья ны-

* Тамаринд индийский (*Tamarindus indica*) – растение семейства бобовых. Это вечнозеленое тропическое дерево, родиной которого является Восточная Африка. Листья и кора этого дерева и сейчас применяются для изготовления настоев для лечения болезней пищеварительного тракта. По сути, это сильное слабительное.

нешних Индии и Пакистана на северо-запад. Сокотра же находится на западе, уже у берегов Африки.

Сокотра (Марко Поло называет этот остров Скотрой) в те времена была населена христианами, и у них даже был свой архиепископ, который, впрочем, подчинялся не римскому папе, а архиепископу из Багдада.

«Мужской» и «Женский» острова

Параллельно Марко Поло начинает описывать острова «Мужской» и «Женский». В его книге сказано: «В пятистах милях на юге от Кесмукарана в море — Мужской остров»³⁶⁵.

Но Кесмукаран (Кесмакоран) — это нынешний Макран, то есть северное побережье Оманского залива и Аравийского моря. Если в 500 милях к югу, то Мужским и Женским островам вполне могут быть острова Куриа-Муриа в Аравийском море, что расположены у южного побережья Аравийского полуострова и составляют ныне, как и Сокотра, часть территории Народной Демократической Республики Йемен.

Очевидно, что логика морского путешествия здесь нарушается. Зачем кораблям было идти на юг, в сторону Африки? Зачем было делать огромный крюк?

Об этих странных островах Марко Поло рассказывает так: «Жители — крещенные христиане, в вере крепки; живут по обычаям Ветхого Завета: когда жена беременна, пока она не родит, муж не живет с нею и потом еще сорок дней не трогает ее, а спустя сорок дней, коль пожелает, живет с ней.

На этом острове ни жены и никакие другие женщины не живут; живут они на другом острове, и

зовется он Женским. Мужья уходят с этого острова на Женский и живут там три месяца: март, апрель, май. На эти три месяца ходят мужья на тот остров жить с женами, и все три месяца они наслаждаются, а через три месяца идут к себе, на остров, и девять месяцев занимаются делом»³⁶⁶.

На вопрос, почему так происходит, венецианец отвечает следующим образом: «От этого острова до того, где жены живут, около тридцати миль. Не живут там мужья потому, что коли стали бы круглый год с женами жить, так и жить бы нечем было. Сыновей кормят матери на своем острове, а минет сыну четырнадцать лет, мать отправляет его к отцу, на тот остров. Вот таковы, как вы слышали, нравы и обычаи на этих двух островах. Жены, по правде, только детей выкармливают да плоды собирают на своем острове»³⁶⁷.

По всей видимости, история эта получена Марко Поло «из вторых рук», ибо это — один из вариантов древнего мифа об амазонках, но у разных авторов страна (или остров) женщин-амазонок показывалась в различных точках земного шара.

Мадагаскар, Занзибар и прочие места, где Марко Поло не был

Биограф Марко Поло Генри Харт пишет: «В повести о странствиях трех венецианцев по пути на родину известный интерес представляет собой и рассказ о том крупнейшем острове, на котором они не бывали, — о Мадагаскаре. Хотя Марко, что следует отметить особо, упомянул и описал этот остров первым из всех путешественников, рассказ его полон ошибок: они порождены, надо думать, теми

слухами о Мадагаскаре, которыми он пользовался при составлении своих записок»³⁶⁸.

У Марко Поло Мадагаскар назван Мадейгаскаром, а остров Занзибар — Зангиборой (Кангибаром), и о последнем Генри Харт говорит как об «острове, на котором он (Марко Поло. — С. Н.), по всей видимости, не бывал»³⁶⁹.

Чтобы было понятно: Занзибар — это остров в тысяче километров от Мадагаскара, ныне принадлежащий Танзании. То есть к Индии это не имеет никакого отношения. И тем удивительнее выглядит следующее заявление Марко Поло: «Рассказывали мы, по правде, о самых прекрасных странах, царствах и островах; но всей правды об островах Индии никто в свете не расскажет»³⁷⁰.

Генри Харт в связи с этим отмечает: «После Занзибара Марко описывает Абиссинию, которая названа у него частью “Средней Индии”». Такая путаница при описании Северо-Восточной Африки является обычной, начиная со времен классической древности вплоть до тех пор, пока эти страны не были, наконец, исследованы и нанесены на карту»³⁷¹.

Эту страну Марко Поло называет Абасия (Абиссиния, от арабского слова «хабеш» — черный). То есть Абасия — это территория современных Судана и Эфиопии, но, согласно книге Марко Поло, Абасия — это большая область в Средней Индии (что, видимо, не нужно путать с так называемой «Великой Индией», то есть Индией нынешней).

Что касается Занзибара, то Лоуренс Бергрин пишет: «Часто говорят, что первым европейцем, посетившим Занзибар, был Васко да Гама в 1499 году, однако Марко, если верить его рассказу, побывал на этом острове за 205 лет до португальского мореплавателя. Если это правда, Марко Поло был первым

европейцем, ступившим на берег Занзибара — или, по крайней мере, написавшим о нем»³⁷².

А вот биограф Марко Поло Жак Хеерс уверен, что «Марко никогда не доходил до Мадагаскара, которому он тем не менее посвящает длинную главу, полную описаний животных и растений»³⁷³.

К сожалению, в этом своем рассказе Марко Поло вновь позволяет себе «смешение реальных фактов и вымысла». Вот, например, такое «свидетельство»: «Есть там птица гриф, появляется в известное время года, и во всём гриф не таков, как у нас думают и как его изображают; у нас рассказывают, что гриф наполовину птица, а наполовину лев; и это неправда. Те, кто его видел, рассказывают, что он совсем как орел, но только, говорят, чрезвычайно большой. Кто его видел, описывают его, как я слышал, так: рассказывают, что гриф очень силен и очень велик; схватит слона и высоко-высоко унесет его вверх, на воздух, а потом бросит его на землю, и слон разобьется; гриф тут клюет его, жрет и упитывается им. Кто видел грифа, рассказывают еще, что если он расправит крылья, так в них тридцать шагов, а перья в крыльях двенадцати шагов; по длине и толщина их»³⁷⁴.

А еще удивительно, что Марко Поло вдруг начинает весьма подробно описывать малоизвестные войны татар. По мнению Генри Харта, эти страницы не делают его книгу «интереснее и никак не освещают ни личность Марко, ни виденные им страны»³⁷⁵.

Но еще невероятнее то, что дальше у Марко Поло вдруг идет описание России и Сибири.

Биограф Марко Поло Лоуренс Бергрин в связи с этим недоумевает: «В заключительных главах своей хроники Марко в ненасытной любознательности занимается столь малоизвестной страной, как Рос-

сия. В действительности маршрут обратного пути не пролегал ни мимо России, ни мимо других северных стран, неожиданно возбудивших его интерес»³⁷⁶.

Генри Харт также отмечает: «Хотя нет буквально никаких данных о том, что Марко был в России, глава, посвященная этой стране, полна подробностей, частью верных, частью совершенно ошибочных»³⁷⁷.

Соответственно, и нам нет никакого смысла останавливаться на этом.

Ормуз

Как бы то ни было, корабли Хубилай-хана всё-таки пришли туда, куда требовалось, то есть в нынешний Оманский залив. В месте его перехода в Персидский залив находится остров Кешм. Это самое узкое место между двумя проливами.

Это значило, что наши венецианцы завершили, наконец, свое «кругосветное плавание» и добрались до города-порта Ормуза, лежащего в восьми километрах от Кешма.

И тут опять невольно возникает вопрос. От Цейлона до Ормуза — 3325 километров по прямой на северо-запад. Зачем же Поло нужно было делать огромный «крюк» к Мадагаскару, Занзибару и Абассии? Ведь это же почти девять тысяч километров, что удлиняет путь домой на пять с половиной тысяч километров!

Ответ на этот вопрос прост: скорее всего, они этот «крюк» и не делали. Именно по этой причине, кстати, Жак Хеерс называет их обратный путь «вымышленным кругосветным плаванием (*périple imaginaire*)»³⁷⁸. Вероятно, они просто проплыли

вдоль западного побережья Индии и повернули в Оманский залив, не выходя за пределы Аравийского моря.

С другой стороны, В. Б. Шкловский в своей книге о Марко Поло пишет: «Корабли заблудились. Компас не помогал: капитан давно умер»³⁷⁹. И добавляет: «Я смотрел на карту морских течений и, кажется, понял, почему попал Марко Поло на занзибарский берег. Корабль, идущий почти без экипажа, увлечен был экваториальным течением»³⁸⁰.

Наверное, в XIII веке можно было заблудиться и так. Но как-то сомнительно, ведь корабли Хубилайхана не были приспособлены для океанских переходов, и экспедиция явно должна была двигаться вдоль побережья.

Итак, корабли оказались в Ормузе. Как уже говорилось, путешествие по морю продолжалось 18 месяцев, и из шестисот человек, сопровождавших принцессу Кокачин, в живых остались немногие. В том числе только один из персидских послов по имени Коджа (Кожа), а также Никколо, Маттео и Марко Поло и монгольская принцесса.

Биограф Марко Поло Генри Харт отмечает: «Высадка в Ормузе ничем не напоминала те дни, когда венецианцы, стремясь добраться до Китая, по каким-то неведомым причинам отказались от мысли плыть из Ормуза на корабле. Теперь, когда Поло приехали в качестве послов великого хана, они взирали на город гораздо радостнее. Они любовались множеством кораблей, которые нагружались и разгружались у причалов Ормуза — тут были китайские джонки, персидские корабли всех типов и размеров, быстрые суда арабов — арабы постепенно захватывали в свои руки все морские торговые перевозки между Красным морем и китайскими берегами»³⁸¹.

От себя добавим, что торговля с Индией и Китаем до открытия португальцами морского пути вокруг Африки осуществлялась исключительно через Ормуз, который в те далекие времена был ключом к Персидскому заливу.

«Главным предметом вывоза из Ормуза <...> и других пунктов в Индию, в обмен на индийские товары, были лошади»³⁸².

Здесь было много европейцев: генуэзцев, пизанцев и венецианцев. Здесь звучали практически все языки мира: персидский, арабский, индийский, китайский... Все причалы в Ормузе были буквально завалены товарами: пряностями, финиками, изюмом, мускатным орехом, сандаловым деревом, всевозможными тканями, розовым маслом, сахаром, рисом и т. д.

В Ормузе путешественники узнали, что правитель Аргон к тому времени уже умер (возможно, он был отравлен врагами, и произошло это 10 марта 1291 года).

Как рассказывает сам Марко Поло, «Аргон умер, и невеста была выдана за Казана, его сына»³⁸³. Точнее, за Газана, который правил потом с 1295 по 1304 год (он был воспитан в буддизме, но впоследствии принял ислам и имя Махмуд).

Теперь венецианцы были уверены, что дело сделано и они могут, наконец, считать себя свободными от службы Хубилай-хану. Но их ждало жестокое разочарование: отпускать их никто не собирался. Более того, юная принцесса Кокачин стала кричать, что не останется одна в незнакомой и опасной стране, а раз она была принцессой — ее слово было равносильно закону. И сколько венецианцы ни умоляли, сколько ни обещали вернуться — всё было бесполезно...

Так наступил новый, 1294 год. А через несколько месяцев венецианцы узнали, что Хубилай-хан умер в своем роскошном дворце. Произошло это 18 февраля 1294 года, и ему было в тот момент 78 лет.

Когда точно Поло получили весть о смерти Хубилая — об этом можно только строить предположения. Как бы то ни было, они явно испытали чувство горя, но одновременно «они и радовались и поздравляли себя с тем, что избежали гибели, которая грозила бы им, останься они при дворе великого хана дольше. Благосклонная судьба не отвернулась от них и на этот раз, она умудрилась вновь спасти им жизнь и имущество в тот момент, когда они уже оставили всякую надежду добраться до родных краев»³⁸⁴.

В самом деле, теперь наши путешественники были свободны. Когда они прощались, принцесса Кокачин «на расставании горько плакала»³⁸⁵.

Кстати говоря, ее дальнейшая судьба достойна сожалений. Как отмечает Лоуренс Бергрин, «несчастливая Кокачин, рискнувшая всем ради путешествия в далекую страну, умерла очень скоро, в июне 1296 года. Наиболее вероятное объяснение ее безвременной кончины — отравление противниками Хубилай-хана»³⁸⁶.

Перед отъездом венецианцев Гайхату (в некоторых источниках — Киакату или Квиакату), брат Аргона, правивший до самой своей трагической смерти 24 марта 1295 года*, подобно Хубилай-хану, щедро одарил их, благословил и снабдил пропусками-пайцзами.

* Он был взят в плен мятежниками и задушен. А затем его убийца Байду был схвачен и убит Махмудом Газаном, сыном Аргона.

Охранные дощечки, как водится, были выполнены из золота: две из них украшали изображения кречетов, на одной был выгравирован лев, а четвертая была гладкая. На них было написано, чтобы их подателей всюду «почитали и служили им, как самому владельцу, давали бы лошадей, продовольствие и провожатых»³⁸⁷.

Тебриз

Генри Харт пишет: «Гайхату, вероятно, был тогда в Тебризе. Тебриз находился как раз на пути к дому, и уставшие после долгого плавания венецианцы были рады отдохнуть в этом сравнительно благоустроенном и спокойном городе»³⁸⁸.

Они «провели девять месяцев у Гайхату, и мы не знаем причины этого»³⁸⁹. «Может быть, — предполагает Генри Харт, — их по каким-то соображениям государственного порядка не отпускал Гайхату. Возможно, что они поджидали какие-либо отставшие суда, где были их товары или слуги. Не исключено, что из-за каких-нибудь военных действий караванный путь оказался закрытым и ехать было нельзя. Может быть, путешественники ждали писем из Венеции или других мест или болели. А может быть, все трое задерживались здесь по торговым соображениям: или представился случай округлить капиталы, чем пренебречь было невозможно, или требовалось обратить громоздкий товар во что-то такое, что было легче перевезти и укрыть от грабителей. Чтобы объяснить задержку венецианцев в Тебризе, можно брать любую из этих причин, ибо истинной причины мы не знаем и едва ли когда-нибудь будем знать»³⁹⁰.

От Ормуза до Тебриза — полторы тысячи километров, если двигаться на северо-запад. Ныне Тебриз — это четвертый по величине город Ирана, центр провинции Восточный Азербайджан. А в XIII веке это был большой торгово-транзитный центр, игравший важную роль в международной торговле.

Трапезунд

Казалось бы, от Тебриза до Средиземного моря — рукой подать. Но двигаться надо было на юго-запад. Однако наши герои пришли на северо-запад. Почему?

Генри Харт отвечает на этот вопрос так: «К сирийскому побережью, где венецианцы предполагали сесть на корабль и плыть в Италию, караванной дорогой ехать было нельзя из-за постоянных военных раздоров между Персией и Египтом. Пробираться к портам Сирии напрямик было бы безумием: ими владел в тот момент египетский султан. Поло избрали хорошо объезженный караванный путь, идущий гораздо севернее. В результате Марко заехал в совершенно новые для него земли, описание которых составило в его книге несколько интересных глав. Караван медленно двигался к Понту Эвксинскому (Черному морю. — *С. Н.*) <...> Здесь, вблизи Понта Эвксинского, с тех пор как человек появился на земле <...> Восток вечно вступал в соприкосновение с Западом, и они почти незаметно переходили друг в друга»³⁹¹.

Так наши герои оказались в Трапезунде (нынешнем Трабзоне), городе на южном берегу Черного моря. Теперь это были просто «два старика да Марко Поло, которого здесь никто не называл гос-

подином. У города Трапезунда долго торговались и плакали, сговариваясь с капитаном о месте на палубе»³⁹².

Почему плакали? Да потому, что на берегу Черного моря наших венецианцев постигла беда — их обворовали. Действие «пропусков», выданных им Гайхату (не говоря уже о «пропусках» Хубилай-хана), здесь закончилось. Точнее, здесь они никого не волновали вообще, а посему местные власти конфисковали у них многое из того, что у них было. Вернее, у них банально отобрали то, что венецианцы не смогли надежно спрятать. Как пишет Лоренс Бергрин, «их лишили значительной части состояния, ради которого они рисковали жизнями и потратили два десятилетия»³⁹³.

Константинополь и Негропонте

В результате из Трапезунда путешественники кое-как добрались морем до Константинополя, из Константинополя — до Негропонте, то есть до острова Эвбея в Эгейском море. Ныне это территория Греции, а тогда это была венецианская колония. Точнее, в 1204 году, после падения Константинополя, этот остров был отторгнут от Византийской империи крестоносцами, а потом на нем при непосредственном участии западноевропейских рыцарей и Венеции возникла так называемая сеньория Негропонте (*Signoria di Negroponte*)*.

Из Негропонте они благополучно прибыли в родную Венецию, и было это в 1295 году от Рождества

* Название *Negroponte* в переводе с итальянского значит «Черный мост».

Христова. Так закончилась 24-летняя экспедиция Никколо, Маттео и Марко Поло. За это время они много раз оказывались на волосок от смерти, занимались торговлей и выполняли важные дипломатические миссии в разных странах. Они сильно изменились и их практически невозможно было узнать, ибо и одеждой, и манерами они больше походили на монголов, чем на венецианцев, да к тому же почти забыли родной язык.

Короче говоря, Марко Поло, его отец и дядя, сумевшие много лет быть своими в далекой империи Хубилай-хана, вернувшись в Венецию, обнаружили, что стали совсем чужими у себя на родине.

Глава десятая

СНОВА В ВЕНЕЦИИ

Не ждали...

После почти 25-летнего отсутствия сорокалетний Марко Поло подошел к своему дому и постучал в дверь. Ее открыл незнакомый человек, равнодушно взглянул на него и спросил, что ему нужно.

Так гласит текст, опубликованный в 1557 году ученым-географом Джованни Баттиста Рамузио. Он, кстати, первым сравнил судьбу Никколо, Маттео и Марко Поло с судьбой Одиссея, вернувшегося на родную Итаку в обличье старика и увидевшего, что никто его не узнает. По словам Рамузио, все родственники были уверены, что Марко вместе с отцом и дядей давным-давно пропал на чужбине. Он же рассказал «о возвращении Поло в Венецию,

одетых в лохмотья, но с драгоценностями, вшитыми в швы их татарских одежд»³⁹⁴.

Первым среди усомнившихся в личности прибывших был Маттео (Маффео) Поло, сводный брат Марко (сын его отца от Фьордализы Тревизан).

Возможно, они никогда не видели друг друга. Может быть, Марко видел брата лишь грудным младенцем. В любом случае, теперь они предстали совершенно чужими друг для друга людьми, ибо Марко отсутствовал слишком долго. Конечно, Маттео знал о существовании Марко, но он, как и многие, был уверен, что тот давно умер.

Кстати сказать, на случай внезапного возвращения путешественников в Венецию были предприняты определенные юридические меры. В частности, 27 августа 1280 года дядя Марко, носивший то же имя, написал завещание, назначив лицом, на которое возлагалось исполнение его воли по завещанию, Фьордализу Тревизан («...пока мои братья Никколо и Маттео не вернутся в Венецию, и только после этого они станут моими душеприказчиками»³⁹⁵).

Наверняка, диктуя эти слова, Марко Поло (старший) не мог быть уверен в том, что это когда-нибудь пригодится. Но в любом случае условия, предусмотренные в завещании, обеспечили и самому Марко, и его отцу Никколо, и дяде Маттео столь необходимое им законное положение в семье и в ассоциации венецианских купцов.

Легенды о пришельцах с Востока

Согласно одной из легенд, Маттео Поло (дядя Марко Поло), вернувшись домой, сразу же вступил в конфликт со своей женой, которая хотя и призна-

ла его, но не пожелала терпеть на нем его изрядно поношенных монгольских одеяний. Тот же никак не хотел с ними расстаться. Так вот, чтобы «не позориться» и избавить постаревшего мужа от его «лохмотьев», добрая женщина самовольно отдала их прохожему бродяге. Естественно, обнаружив пропажу, Маттео спросил, куда подевался его монгольский наряд, ведь в нем, под подкладкой... были зашиты драгоценные камни, привезенные с Востока.

Когда жена, прижатая к стенке, призналась, куда девала старую одежду, он принялся рвать на себе волосы от отчаяния, пытаясь придумать, как найти безвестного бродягу, завладевшего его состоянием. К счастью, Венеция была маленьким городом. На следующее утро он вышел к мосту Риальто, в самый центр венецианской торговли, и стал ждать. Рассказывают, что он принес с собой прялку и крутил ее весь день, повторяя одни и те же слова: «Он придет, даст Бог, придет!»

Конечно же появление в людном месте подобного «безумца» возбудило всеобщее любопытство. Но бродяга, завладевший драгоценностями, так и не появился. На следующий день Маттео Поло повторил свое «выступление» и на другой день тоже. И вот оно счастье — появился «тот самый» бродяга в поношенном монгольском кафтане! Увидев это, старик Маттео бросился на него, отобрал одежду и... с облегчением нащупал надежно спрятанные в швах камни. Его богатство было спасено, а злосчастный бродяга был отправлен пинками восвояси.

Джованни Баттиста Рамузио оставил нам еще одну легенду, которую он слышал, по его словам, «из уст Гаспаро Малипиеро, который жил напротив дворца Поло»³⁹⁶. Рассказ «великолепного мессира Гаспаро Малипиеро, старого господина, отличав-

шегося особой добротой и честностью»³⁹⁷, начинался с того, что венецианцы, имевшие отношение к семейству Поло, с недоверием отнеслись к личностям своих так долго отсутствовавших родственников. И, чтобы снять затянувшееся напряжение, Марко Поло, его отец и дядя решили пригласить всю родню на роскошный пир.

В результате все гости оказались на самом удивительном маскараде. Едва они расселись по выделенным им местам, появились «возвращенцы», и были они наряжены в длинные просторные одеяния из «малинового атласа», которые вскоре были «разорваны на куски и разделены между слугами»³⁹⁸. Потом Поло сменили одежду, представ перед собравшимися «в бархатном платье красного цвета»³⁹⁹. Всё это тоже было разорвано и роздано слугам.

Джованни Баттиста Рамузио пишет: «Затем они вышли в грубых одеждах, в которых они вернулись домой. После этого, взяв острые ножи, они начали вспарывать их полы и подкладки, извлекая оттуда в больших количествах рубины, сапфиры, карбункулы, бриллианты и изумруды, которые были зашиты в одежды так, что никакой человек не мог себе такого и представить. Дело в том, что, покидая великого хана, они поменяли все подаренные им богатства на множество изумрудов и других драгоценных камней, прекрасно понимая, что в долгом и трудном пути им не сохранить такое количество золота»⁴⁰⁰.

Короче говоря, если наши путешественники хотели произвести впечатление, то им это очень даже удалось. Их показательное выступление ошеломило гостей и, главное, произвело должное впечатление.

«Те, в ком они прежде сомневались, — пишет Джованни Баттиста Рамузио, — на самом деле оказались почтенными и достойными господами из

рода Поло, и им воздали великую честь и почтение. И когда об этом стало известно во всей Венеции, так же стали поступать все — и простолюдины, и благородные люди начали стекаться к их дому, чтобы обнять их, осыпать ласками и продемонстрировать привязанность и почтение, какие только можно вообразить»⁴⁰¹.

Как видим, рассказ Джованни Баттиста Рамузио заканчивается вполне благополучно. После этой «демонстрации» Никколо, Маттео и Марко Поло стали пользоваться заслуженным уважением своих сограждан, но при этом особенное внимание доставалось Марко. «Все молодые люди каждый день приходили к нему и беседовали с мессиром Марко, — утверждает Джованни Баттиста Рамузио, — а тот был со всеми обаятелен и милостив. Его расспрашивали о Катае и великом хане, а он отвечал с такой добротой и вежливостью, что все чувствовали себя ему в какой-то мере обязанными»⁴⁰².

Политическая ситуация в Венеции

К тому времени, когда наши путешественники вернулись домой, в Венеции, ставшей образцом крупной морской державы, далеко вышедшей за пределы города, под покровом мирной жизни скопилось довольно сильное напряжение.

Историк Джон Норвич в своей «Истории Венецианской республики» пишет: «При такой мучительно сложной системе кажется странным, что вообще кого-то выбирали, но 13 июля 1268 года, всего через шестнадцать дней после смерти предшественника, был избран Лоренцо Тьеполо»⁴⁰³. Он стал 46-м дожем Венеции. И при этом он был сыном 43-го дожа Джакомо Тьеполо.

На этот счет мы имеем свидетельство Мартино да Канале, автора «Венецианской хроники» и очевидца тех событий; так вот он не упустил случая описать перезвон колоколов на соборе Сан-Марко и толпу народа, собравшуюся на центральной площади города. Люди окружили нового дожа и «срывали одежду с его спины» — традиция разрешала это им делать (так дожу давали понять, что он «лицо подчиненное и милосердное»). Дож босиком подошел к алтарю, дал клятву, и ему вручили знамя Святого Марка, покровителя Венеции. Затем на него надели новое платье и торжественно пронесли вокруг площади. Новый дож при этом разбрасывал монеты и обращался к своим подданным...

Тем не менее правление Лоренцо Тьеполо, бывшего дожем, когда Марко Поло отправлялся в путешествие, ознаменовалось множеством несчастий: сначала, в 1268 году, Венецию охватил голод, и резко подскочили цены на все продукты питания, затем начались проблемы с соседями. Примерно в то же время республика ввязалась в трехлетнюю войну с Болоньей, и эта война быстро поглотила многие более мелкие города и сельские районы. Неудивительно, что отношения Венеции со всей северной частью Италии сильно испортились.

Дополнительный ущерб нанес отказ Венеции помочь церкви в войне «Сицилийской вечерни», то есть в продолжительной борьбе сицилийцев против власти Карла Анжуйского, брата французского короля Людовика IX Святого. В этой борьбе, длившейся с 1282 по 1302 год, погибло много людей*.

* Существует легенда, будто лозунгом восстания была фраза «Morte Alla Francia. Italia Anela» («Смерть Франции. Италия вздохни»), аббревиатура которой послужила появлению слова «мафия».

В отместку за это церковь в 1284 году приняла жестокие меры — отлучение. И в соборе Святого Марка замолчали колокола, а все религиозные обряды венецианской жизни (венчание, отпевание и даже крещение) были запрещены. «Зима прошла без празднования Рождества. Затихшая, покаянная Венеция, казалось, волей Бога была превращена в мрачное чистилище»⁴⁰⁴.

Но, как отмечает Джон Норвич, всего «за семьдесят лет XIII века Венеция заявила о себе как о мировой державе. Сначала республика обрела огромные территории на Востоке, разбогатела и укрепилась, затем утратила эти земли и, наконец, снова их вернула. Более важным было то, что за эти десятилетия пришли в упадок обе империи — Восточная и Западная. Византийская империя Палеологов, хотя и просуществовала еще почти два столетия, но так и осталась государством, из последних сил отбивавшимся от врагов»⁴⁰⁵.

Большую часть времени из тех семидесяти лет Венеция сражалась. Она потеряла очень много людей и кораблей. И вот теперь получилось так, что соседи, от которых она зависела и в плане торговли, оказались «настроены в большей или меньшей степени недружелюбно»⁴⁰⁶.

Короче говоря, для республики начались тяжелые времена.

Простые венецианцы винили в упадке всех и вся, но прежде всего несколько высокопоставленных семейств, которые еще больше обогатились в годы обрушившихся на Венецию испытаний. В первую очередь ответственность возлагали на клан Дандоло, представитель которого — Джованни Дандоло — был 48-м дожем в период с 1280 по 1289 год.

В промежутке дожем был Джакопо Контарини, и в период его правления стало особенно очевидным ошибочное поведение Венеции по отношению к другим крупным городам. К тому же в 1274 году, на церковном соборе в Лионе, папа Григорий X, избранный за два с половиной года до этого, провозгласил Михаила VIII Палеолога, захватившего Константинополь и изгнавшего оттуда Балдуина II, императором, а тот, в свою очередь, признал папскую власть.

В конечном итоге Венеция дорого заплатила за свою гордыню, и в марте 1280 года Джакопо Контарини вышел в отставку — или, если точнее, его отправили на пенсию.

Преемник Контарини, Джованни Дандоло, представляет собой одну сплошную загадку. Несмотря на знаменитое имя, никто ничего не сообщает о его прошлом, за исключением того, что он много воевал и на момент выборов находился за границей.

Джованни Дандоло, 48-й венецианский дож, правил девять лет и умер 2 ноября 1289 года, оставив в память о себе золотой дукат, впервые выпущенный в обращение в 1284 году.

В «Истории Венецианской республики» Джона Норвича читаем: «Но как бы ярко ни сияли его дукаты, глаза венецианцев они не ослепили: те видели, что прошедшие двадцать лет не были для них удачными. Венецианцы потерпели несколько поражений на суше и на море, потеряли много кораблей и людей. Им довелось в бессилии наблюдать, как враг подошел к самой лагуне. <...> Главная колония, Крит, снова бунтовала. Венеция пострадала от церковного отлучения, от ужасов землетрясения и наводнения, и, хотя преемник папы Мартина в

1285 году снял отлучение и последствия, вызванные природными катаклизмами, были в значительной степени устранены, надежд на лучшие времена венецианцы не питали»⁴⁰⁷.

В результате правление Джованни Дандоло спровоцировало массовые протесты в городе. Площадь Святого Марка закипела шумными выступлениями в поддержку конкурирующего семейства Тьеполо, которое якобы поддерживало демократические традиции республики. Таким образом, Джакомо Тьеполо, сын 46-го дожа Лоренцо Тьеполо, невольно оказался в положении вождя республиканцев.

Очередной Тьеполо, как утверждает Джон Норвич, «мог бы стать отличным дожем. Однако у него имелось два крупных недостатка. Во-первых, что парадоксально, он был востребован народом. Если бы он унаследовал пост, даже в результате установленного выборного процесса, люди сделали бы вывод, что их манифестация достигла цели, и стали бы выдвигать другие требования и далее пытаться повлиять на политическую ситуацию. Осторожные советники не хотели открывать толпе такую возможность: это стало бы угрозой для всей выборной системы. К счастью для них, имелось и другое выражение против кандидатуры Тьеполо, и его сторонникам трудно было бы это оспорить: он был сыном и внуком бывших дожей. Возобладал традиционный страх перед наследственной монархией. Тот факт, что его семья была старинной и высокопоставленной, одной из *case vecchie* (старых домов. — С. Н.), только усилил потенциальный риск»⁴⁰⁸.

Джон Норвич констатирует: «За шестьдесят лет три дожа Тьеполо — явный перебор. С этим, кажется, был согласен и сам Джакомо. Чтобы не породить дальнейшие разногласия, он удалился на свою виллу на материке»⁴⁰⁹.

А потом имела место попытка государственного переворота, и инициатором ее стал Бьямонте Тьеполо, родственник того самого Джакомо Тьеполо, «который был выдвинут демократическими слоями населения Венеции на пост дожа в 1289 году, но был побежден ставленником патрициата — Пьетро Градениго»⁴¹⁰.

Таким образом, с Тьеполо было покончено, и 25 ноября того же года 49-м венецианским дожем стал Пьетро Градениго.

А Венеция тем временем всё быстрее клонилась к упадку.

Война с Генуей

В 1293—1299 годах Пьетро Градениго затеял изнурительную войну с Генуэзской республикой за первенство в торговле на Средиземном море.

В. Б. Шкловский характеризует причину вражды так: «В Каспийском море генуэзцы захватили торговлю шелком. В самом Константинополе генуэзцы восстановили власть императора византийского, и теперь он был на их стороне. Они держали Венецию за горло в Дарданеллах»⁴¹¹.

Это была уже не первая война между Генуей и Венецией, и разразилась она из-за конфликта между венецианскими и генуэзскими торговцами в константинопольском пригороде Галата. Со временем дал себя втянуть в эту войну и Марко Поло.

Дело в том, что он был очень корыстолюбив. Корыстолюбива была и его родная Венеция, а Генуя в этом смысле ничуть ей не уступала. Генуя ревностно охраняла свою торговлю, ибо всё, что покупалось и продавалось, служило своеобразным топливом для

двигателя экономики этого города-государства, расположенного в северной части Тирренского моря.

В свое время, чтобы предотвратить прямое столкновение, Венеция и Генуя заключили перемирие, однако в 1291 году египетский султан Аль-Эссераф захватил Акру и перебил большую часть жителей. Более того, он приказал уничтожить все замки, которые находились на побережье, чтобы крестоносцы более не смогли ими завладеть.

В результате падение Акры нарушило хрупкое равновесие, поскольку обе стороны стремились контролировать этот город. Готовясь к войне, Венеция объединилась с Пизой и объявила поголовную мобилизацию. Более того, от каждого богатого семейства потребовали профинансировать оборудование одной или нескольких галер. Естественно, общее возбуждение заразило и Марко Поло.

А может быть, ему просто было очень скучно в зажатой со всех сторон зловонными каналами Венеции. Это легко понять: в Венеции непросто прожить и неделю, будучи простым туристом, не говоря уже о человеке, привыкшем скакать на коне по бескрайней степи или пересекать огромную пустыню с караваном верблюдов.

Как бы то ни было, в 1294 году состоялось морское сражение при Лаясе (близ побережья Киликии), в котором победу одержала Генуя. Удивительно, но некоторые историки считают, что Марко Поло был взят в плен именно в этом сражении.

Морское сражение у острова Корчула (Курцола)

Восьмого сентября 1298 года корабли Генуи и Венеции вновь сошлись в бою — на этот раз у острова Корчула (Курцола), что в Адриатическом море.

Генуэзские галеры представляли собой современные конструкции. Они были более маневренными и быстрыми, чем галеры венецианцев. Генуэзский адмирал Ламбо Дориа оставил 15 из своих семидесяти восьми галер в качестве резерва, скрытого за островом. Почти 100 венецианских галер были поставлены полумесяцем со стороны моря, между островами Курцола и Медела, а генуэзские корабли встали в три линии кормой к суше.

Морская битва была ожесточенной и очень кровавой, и Генуя одержала в ней решительную победу. Множество венецианских галер было потоплено, а 18 захвачено. Всего генуэзцами было взято более семи тысяч пленных.

Как гласит легенда, проиграв сражение, венецианский адмирал Андреа Дандоло* свел счеты с жизнью, «разбив себе голову о сиденье для гребцов»⁴¹². У адмирала Ламбо Дориа был убит сын, и он приказал сбросить труп за борт, подчеркнув, что для него все воины равны и лучшей могилы для сына всё-равно не найти.

В ряде источников утверждается, что Марко Поло снарядил за свой счет корабль и сам участвовал в морском сражении у острова Корчула (Курцола). Якобы в нем он попал в плен.

Историк Оливье Жермен-Тома отзывается об этом более осторожно: «Марко Поло, вернувшись в Венецию в 1295 году, очень скоро снова ушел в море: либо по торговым соображениям (что более вероятно), либо по военным»⁴¹³.

В любом случае факт остается фактом: он был захвачен генуэзцами и заточен в тюрьму.

* Этого Андреа Дандоло ни в коем случае не нужно путать с венецианским дожем Андреа Дандоло (1306—1354). Адмирал Андреа Дандоло был сыном 48-го дожа Джованни Дандоло, умершего в 1289 году.

Генуэзский плен

Впрочем, в тюрьму ли? К сожалению, мы ничего не знаем о том, где точно находился Марко Поло. При этом не стоит забывать, что пленных было более семи тысяч и Генуе просто негде было взять тюремных камер для такого количества людей.

Скорее всего, таких высокопоставленных пленников, как Марко Поло, все-таки не бросили в тюрьму, а разместили по частным домам. Во всяком случае, делает вывод историк Жак Хеерс, «стоит оставить и отбросить куда подальше романтическую картину с пленником, зажатым в узкой тюремной камере и разговаривающим со своим писателем при тусклом свете, идущем через оконный проем»⁴¹⁴.

А писатель — это некий Рустичелло (или Рустичано) из Пизы, который, тоже находясь в плену, записал рассказы венецианца обо всём, что тот видел и слышал во время своего такого интересного и такого продолжительного путешествия.

Впрочем, подавляющее число авторов говорит именно о тюрьме, и мы не станем вставать им в оппозицию.

В. Б. Шкловский, в частности, пишет: «Все люди в этой тюрьме были итальянцами. Но нации итальянцев еще не было, ссоры были все местные. Истории, которые рассказывали друг другу, были истории о венецианских, генуэзских, пизанских купцах. Один лишь капитан Марко Поло рассказывал о другом. Он рассказывал о дальнем Китае, о мирских женах Кинся, о странных обычаях Тибета, о войнах монголов и больше всего о торговых путях. <...>

Времени было слишком много. Мучения тюрьмы были однообразны, как мучения ада. Время было почти нераздельно»⁴¹⁵.

Кстати сказать, этот самый пизанец Рустичелло был известен как автор нескольких романов о временах короля Артура. Он попал в плен на несколько лет раньше Марко Поло (предположительно в 1284 году). А вот сам путешественник провел в плену около года: с сентября 1298 года по июль 1299 года.

Что касается книги, то Рустичелло очень постарался, и теперь довольно сложно разобраться, что в этой книге принадлежит ему (точнее, его фантазии), а что — непосредственно Марко Поло.

Рустичелло из Пизы

Пизанец, в Азии вообще никогда не бывавший, прекрасно умел расцветить свои романы любовными похождениями и батальными сценами, которые так ценились читателями. Соответственно, он отлично понимал, чем нужно украсить рассказ «сокамерника» Марко.

Лоуренс Бергрин отмечает, что «Рустичелло Пизанский был не просто автором романов. Он принадлежал к семейству нотариусов и обладал в этом деле высокой квалификацией»⁴¹⁶.

Нотариусы во все времена пользовались почетом и уважением, и в этом качестве Рустичелло (Рустичано) мог заверить подлинность восточных приключений Марко Поло.

Литературная фантазия Рустичелло (Рустичано) явно тяготела к рассказам о сражениях и странствующих рыцарях, вот и в этой работе его больше потянуло к экзотическим заморским чудесам, чем к точному отображению маршрутов и фиксированию дат. В самом начале книги он пишет: «С тех пор,

как Господь Бог собственными руками сотворил праотца Адама, и доныне не было такого христианина, или язычника, или татарина, или индийца, или иного какого человека из других народов, кто разузнавал бы и знал о частях мира и о великих диковинах так же точно, как Марко разузнавал и знает. И сказал он себе поэтому: нехорошо, если все те великие диковины, что он сам видел или о которых слышал правду, не будут записаны для того, чтобы и другие люди, не видевшие и не слышавшие этого, могли научиться из такой книги. Скажу вам еще: двадцать шесть лет собирал он сведения в разных частях света, и в 1298 году от Р. Х., сидя в темнице в Генуе, заставил он заключенного вместе с ним Рустикана Пизанского записать всё это»⁴¹⁷.

Рустикан Пизанский — это, понятное дело, наш Рустичелло (Рустичано). А записать свой рассказ Марко Поло, оказывается, его «заставил».

В соседнем абзаце пизанец утверждает, что хотя в книге и представлены «необычайные всякие диковины», но написанному нужно верить, ибо «всё тут правда»⁴¹⁸.

Всё правда? О том, что это не совсем так, уже говорилось и еще будет говориться. А пока же зададимся вопросом — почему два итальянца выбрали для записи французский язык?

Первый ответ, который приходит в голову, — Марко Поло и Рустичелло сочли венецианский диалект негодным для задуманного эпического повествования. В самом деле такая книга могла быть написана только на французском языке, который Брунетто Латини, видный литератор XIII века и наставник великого Данте Алигьери, «считал самым совершенным на свете»⁴¹⁹.

В любом случае французский язык был тогда хорошо известен в Ломбардии, в Генуе и в Венеции.

Существовало даже франко-венетское наречие, которое «понимали не только образованные люди, но и широкие массы»⁴²⁰.

К тому же французский язык был в те времена самым распространенным языком романов, то есть историй о любви и приключениях. Во всяком случае, литература на французском «конкурировала в Италии XIII века не только с латинской, но и с прозой на диалектах»⁴²¹.

К сожалению, Марко Поло не знал французского. Зато его знал Рустичелло. Точнее, он знал не его, а «его своеобразную и совершенно безграмотную версию»⁴²².

Считается, что Рустичелло переводил рассказы Марко Поло о далеком и загадочном Востоке на французский язык и записывал их в книгу. Однако имеются и другие мнения. Например, такое: «Есть данные, что Марко Поло вовсе и не совершал свое знаменитое путешествие, а, находясь в генуэзской тюрьме, записал рассказы авантюриста и путешественника Рустичано, соединив их с персидскими описаниями Китая»⁴²³.

К этой теме мы еще вернемся, а пока же отметим, что, как бы то ни было, факт остается фактом: двое итальянцев составили многостраничное повествование об Азии на иностранном для них французском языке. При этом Рустичелло (Рустичано), явно имевший с французским серьезные проблемы, упоминает Марко Поло то в первом лице, то — в третьем, иногда именуется произведение словами «моя книга», а иногда — «наша книга» (то есть плод сотрудничества). По-разному пизанец пишет и одни и те же слова, порой на одной и той же странице. Особенно много ошибок и нестыковок в написании имен собственных, а также во временах глаго-

лов, что постоянно сбивает рассказ с настоящего на различные формы прошедшего времени (порой в одном и том же предложении).

По сути, безграмотный французский язык книги Марко Поло виден даже по переводам на другие языки, и местами вообще невозможно понять, что именно имеется в виду.

Итак, один из соавторов вообще не знал языка, а второй знал его недостаточно хорошо. В результате, по определению Лоуренса Бергринна, «появился, в лучшем случае, вдохновенный, но ненадежный черновой набросок, а не законченное эпическое повествование»⁴²⁴.

У этого же биографа Марко Поло читаем: «Соавторам не удалось выработать единый подход. Рустичелло стремился внушить возмущающемуся Марко свои представления о подходящей литературной форме и христианские идеалы, но по мере развития повествования он всё же дал гиперактивному путешественнику покощунствовать вволю. При всём владении устоявшимися штампами и манерами устной речи Рустичелло был лишен дара *sprezzatura*, то есть искусства создавать искусство. Зато Марко, отполировавший свои истории частыми пересказами и одухотворенный проницательным и заразительным энтузиазмом, буквально расточал *sprezzatura*. В результате рассказчик-любитель затмил профессионала»⁴²⁵.

Освобождение из плена

Как бы то ни было, время в плену тянулось медленно, и для работы над книгой его было предостаточно. Есть даже мнение, что для работы «Марко выписал из Венеции свои бумаги и дневники»⁴²⁶.

С другой стороны, утверждается, что отец и дядя Марко Поло беспокоились о его благополучии. Они якобы несколько раз пытались выкупить его из плена, но всё безрезультатно, и при этом им и в голову не могло прийти, что в заточении близкий им человек вовсе не страдает, как другие пленники, а наслаждается, создавая в соавторстве литературный отчет об их фантастических странствиях.

На вопрос, почему он не составил никакого письменного отчета о своих путешествиях раньше, то есть сразу же после возвращения домой, ответа нет. Возможно, он был очень занят торговыми делами... Возможно, болел, приходя в себя после долгих лишений, связанных с путешествием... Как бы то ни было, его родственники, видя, что выкупить его не получается ни на каких условиях, посоветовавшись между собой, решили, что имеет смысл заняться обустройством личной жизни мессира Никколо Поло, который хотя и был уже достаточно стар, но бодрился, подтверждая известную поговорку о седине в бороду и о бесе в ребро.

К счастью, 25 мая 1299 года Венеция и Генуя заключили в Милане «вечный мир», по итогам которого генуэзцы стали монополистами в торговле на Босфоре и Черном море, оставив венецианцам право торговать с Александрией.

«На удивление, договор был составлен в духе равноправия обеих республик. Генуэзцы не потребовали ни контрибуции, ни возмещения убытков, и многие статьи договора свидетельствуют, что Венеция отнюдь не рассматривалась как сторона, проигравшая войну»⁴²⁷.

После этого, 28 августа, Марко Поло, как и другие венецианские пленники, был освобожден и смог вернуться на родину. А вот «литературный негр» Ру-

стичелло, уже сыгравший свою роль, исчез из поля зрения историков.

Марко было тогда неполных 45 лет — по понятиям венецианцев XIII века, далеко уже не средний возраст, а «уважаемый в той мере, что можно смело добавить десять или пятнадцать лет для сопоставления с нашим временем»⁴²⁸.

После долгих месяцев, проведенных в каком-никаком, но заключении, Венеция наверняка представлялась манящей гаванью, может быть, не столь славной и героической, как всё, что было связано с путешествиями и с Хубилай-ханом, зато гораздо более спокойной и безопасной. Впрочем, Восток к тому времени уже настолько отошел в прошлое, что возвращался лишь во снах и мечтах.

За время его отсутствия в Венеции родственники устроили свою жизнь и обеспечили себе положение в обществе. В частности, они купили небольшой дворец (палаццо) с внутренним двориком и башней в модном районе Каннарегио, простирающемся по северо-западной части города между площадью Сан-Марко и мостом Риальто. Этот дворец и сейчас находился бы рядом с церковью Сан-Джованни-Кризостомо, построенной в XI веке, если бы не был уничтожен пожаром в 1597 году.

Жак Хеерс уточняет: «Это был старинный дворец в самом центре города, в приходе Сан-Джованни-Кризостомо, рядом с Большим каналом. <...> Ка'Поло занимал обширное пространство между двумя каналами, Сан-Джованни и Санта-Марина; его закрытый двор выходил двумя воротами — одними на канал, другими — на узкую улочку, которая вела на *campo*, паперть церкви»⁴²⁹.

Сейчас этот двор окружают грязные постройки в пять этажей и он почти всегда погружен в глубо-

кую тень. Он крайне невзрачен, и в его дальнем углу стоит арка. Если присмотреться, среди ее украшений можно найти грубое изображение птицы Рух, уносящей в когтях овцу. Вероятно, Марко Поло лично приказал поместить здесь это изображение. А на стене, выходящей на канал, можно увидеть мемориальную доску, на которой написано: «Здесь был дом Марко Поло, который путешествовал по отдаленнейшим странам Азии и описал их. Постановлено установить табличку декретом общины в 1881 году».

Доска эта появилась после венецианского Международного географического конгресса, и это всё, что напоминает в Венеции о ее великом гражданине. Если, конечно, не считать трех упоминаний его имени в Большой книге городского совета.

В этом месте и поселился после возвращения из плена Марко Поло, «ведя спокойный образ жизни и стараясь восстановить всё то, что было оборвано в роковой день, когда его захватили генуэзцы»⁴³⁰. Здесь ему предстояло провести остаток отведенных судьбой лет.

Семейство Марко Поло

Генри Харт совершенно справедливо отмечает: «Ветви родового древа Поло распутать чрезвычайно трудно — дошедшие до нас факты не укладываются ни в одну схему, какую только можно придумать»⁴³¹.

Марко Поло, как мы уже говорили, был единственным ребенком Никколо Поло. Но это — от первого брака. А еще у него имелся брат Маттео (Маффео), который был намного моложе его.

Генри Харт пишет: «Мы можем предположить, что за те шесть лет, которые Никколо прожил в Кон-

стантинополе, он, по меньшей мере, раз приезжал домой и что его сын Маффео был зачат до отъезда братьев Поло из Константинополя на Восток. Если это так, то очень трудно понять, почему Марко, рассказывая в своей книге о возвращении отца и дяди в Венецию в 1269 году, ни словом не обмолвился о брате. Помимо того, в одной рукописи говорится, что, приехав в Венецию, Никколо вторично женился и прижил с новой женой ребенка. Удовлетворительного объяснения этой загадки до сих пор никто не предложил, новых документов, которые бы пролили здесь свет, не обнаружено»⁴³².

А вот Джованни Баттиста Рамузио утверждает, что Никколо Поло вновь женился, когда Марко находился в геновской тюрьме, и у него от этого брака было три сына: Стефано, Маффео и Джованнино.

С подобным утверждением трудно согласиться по нескольким причинам. Во-первых, для таких «подвигов» в 1298—1299 годах Никколо Поло был уже староват. Во-вторых, Маттео (Маффео) родился до 27 августа 1280 года*.

Что же касается Стефано и Джованнино, то они, как выражается Генри Харт, не были «зачаты в законных простынях»⁴³³.

Биограф Марко Поло Генри Юл делает предположение, что дети Никколо Поло могли появиться на свет в результате какой-нибудь внебрачной связи, возникшей во время долгого пребывания в Китае. А вот Джузеппе Орландини, автор книги «Марко Поло и его семейство», идет еще дальше: он утверждает, что «они конечно же должны были родиться на Востоке»⁴³⁴.

* Дело в том, что он уже фигурировал в завещании Марко Поло (старшего), датированном 27 августа 1280 года.

Оливье Жермен-Тома в своей книге о Марко Поло указывает на то, что Никколо Поло в качестве второй жены «взял себе в жены девушку из влиятельной семьи Тревизан, носившую прекрасное имя Фьордализа»⁴³⁵.

Маттео (Маффео), родившийся от этого брака, — единственный из братьев Марко Поло, кто имел детей.

Известно об этом человеке немного. В частности, Генри Харт пишет: «Род Поло по-прежнему занимался торговлей и, как предполагает Орландини, вполне вероятно, что Маффео-младший совершил плавание на Крит. Опасности предстоящего плавания и возможность смерти заставили Маффео написать завещание и изложить в нем свою последнюю волю»⁴³⁶.

По данным Генри Юла и Анри Кордые, «завещание Маффео Поло, брата путешественника, было составлено в Венеции 31 августа 1300 года»⁴³⁷.

Маттео (Маффео) Поло был женат на Катерине Сагрето, и от этого брака «родились Фьордализа и Паскуа»⁴³⁸. А вот Генри Харт уточняет, что у Маттео (Маффео) Поло была рожденная в браке «дочь по имени Фьордализа (возможно, она была названа так в честь матери Маффео) и одна незаконная дочь, Паскуа»⁴³⁹.

Стоит также упомянуть тот факт, что в завещании Маттео (Маффео) Поло был предусмотрен специальный пункт о том, что «он назначает господина Марко своим наследником на случай, если после отъезда Маффео на Крит у него не родится сын»⁴⁴⁰.

О семье самого Марко Поло также известно многое — он был женат, и у него было три дочери. Жену Марко Поло звали Донатой. Она была доче-

рю богатого венецианского купца Витале Бадоеера, происходившего из тех самых Бадоееров, «потомков семейства Партечипацио, многие из которого были дожами»⁴⁴¹. Они поженились примерно в 1300 году. Бракосочетание происходило в церкви Сан-Лоренцо.

Генри Харт пишет: «Всё, что известно об этом браке, основано на сообщении Рамузио. Сведениями о том, когда имела место свадьба, мы не располагаем, и вполне возможно, что на Донате, дочери Витале Бадоеера, он женился еще до того, как попал в плен к генуэзцам»⁴⁴².

Как отмечает Лоуренс Бергрин, «венецианский брак был сложным предприятием, предполагавшим как празднество, так и деловые соглашения между сторонами. Представители жениха и невесты заключали формальный контракт в *dies desponsationis* (день помолвки)»⁴⁴³.

Генри Харт уточняет: «Молодые были помолвлены по исконному венецианскому обычаю. Может быть, брак совершился по любви, а возможно, всё было сделано через специальных агентов, занимавшихся брачными делами. Деловые соображения вторгались в Венеции в любую сферу, не обходилось без них и при заключении брака. В качестве гарантии нареченный должен был дать своей невесте кольцо и заверить, что брачный договор будет выполнен. Потом в день, называемый “*dies desponsationis*”, родственники жениха и невесты торжественно обещали друг другу соблюдать условия брачного договора, и на ближайший праздничный день намечалась свадьба»⁴⁴⁴.

У Донаты было неплохое приданое (*repromissa*) — сундук, доверху набитый украшениями, шелками и драгоценными камнями. Кроме того, в приданое входило вполне приличное недвижимое имущество.

Женившись в столь зрелом возрасте, Марко Поло жил «мирно, не заставляя много говорить о себе»⁴⁴⁵. Короче говоря, он вел обычную для венецианца жизнь, и скоро они с женой порадовали мир тремя дочерьми, которые были крещены как Фантина, Беллела и Морета.

По словам Генри Харта, «когда именно родились и умерли три дочери путешественника, мы не знаем, но кое-какие сведения о них имеются в венецианских документах»⁴⁴⁶. Однако согласно некоторым не вполне внушающим доверие источникам, они родились соответственно в 1300, 1303 и 1305 годах.

Фантина была названа в честь Сан-Фантино, одного из святых в Венеции. Еще одна дочь была названа Морета — вероятно, это была форма имени Марота, которое носила одна из двоюродных сестер Марко. Беллела — достаточно распространенное имя в средневековой венецианской документации.

Итак, из трех дочерей Морета была самой младшей, а две другие уже были замужем, когда Марко Поло уходил в мир иной. Старшая дочь Фантина «прожила самую долгую жизнь из них троих»⁴⁴⁷. Она вышла замуж за Марко Брагадина (вероятно, это произошло до 1318 года). Марко Поло, как это было принято, дал ей роскошное приданое.

Марко Брагадин, «очевидно, пользовался особым доверием тестя»⁴⁴⁸. По всей видимости, он умер до 1361 года (по некоторым данным — на Крите), ибо Фантина Брагадин, как следует из документов, 28 мая 1361 года предстала перед судом уже как вдова.

Вторая дочь, Беллела, вышла замуж за Бертуччо Керини, представителя старинного венецианского рода* (и у нее тоже было отличное приданое).

* Агнета Керини, например, была женой 50-го дожа Венеции Марино Цорци.

Генри Харт отмечает, говоря о второй дочери Марко Поло: «Своего отца она пережила ненадолго. В документе от 24 июня 1325 года она упоминается еще как живая. Она скончалась, не оставив детей, до 16 октября 1326 года: в этот день Большой совет отменил ее завещание на том основании, что она составила его, будучи не в здравом уме [*non erat sane mentis*]»⁴⁴⁹.

О Морете, третьей дочери Марко Поло, известно еще меньше. Считается, что она до смерти отца оставалась незамужней, но он оставил специальное указание, чтобы она получила такое же приданое, какое получили ее сестры. Позднее она вышла замуж за Рануччо Долфина. «В документе от 4 марта 1336 года о нем говорится как о живом, но в более позднем документе, от сентября 1337 года, Морета уже фигурирует как его “*relicta*”, или вдова»⁴⁵⁰. Потом она второй раз вышла замуж — за Томазо Градениго. Генри Харт пишет о третьей дочери Марко Поло так: «Об этом браке мы узнаем из завещания Мореты, датированного 1 мая 1348 года, где о ней говорится как о жене Градениго и где ее душеприказчицей назначена сестра Фантина. День смерти Мореты неизвестен. Но умерла она до 28 августа 1375 года, ибо в завещании Фантины, помеченном этим числом, отпущены деньги на помин души Мореты. Несмотря на двукратное замужество, Морета Поло умерла бездетной»⁴⁵¹.

Беллела тоже не родила мужу детей, а вот от брака Фантины и Марко Брагадина у Марко Поло было четверо внуков и две внучки.

Два сына Фантины и Марко Брагадина — Дзанини и Николето — умерли неженатыми до 1375 года. Сын Стеффано женился на Магдалудзе Контарени

и имел от нее двух дочерей — Катеруччу и Магдалучу (обе они умерли незамужними). Сам Стеффано умер в период до 1375 года. Сын Пьетро женился на Рудзинелле (фамилия ее неизвестна) и в 1403 году был еще жив. У него был сын Марко, который «умер, видимо, неженатым неизвестно когда»⁴⁵².

Из дочерей Фантины Мария вышла замуж за Марчелло (фамилия неизвестна) до 1 мая 1348 года. Она была еще жива в 1375 году и оставила двух сыновей — Франческо и Фантино, которые умерли, вероятно, неженатыми. Вторая дочь, Катеручча, вышла замуж за человека, имя которого до нас не дошло. От него она родила сына Андриоло, сведений о дальнейшей судьбе которого нет.

Таким образом, линия прямых потомков Марко Поло оборвалась в третьем поколении. В результате все те богатства, которые венецианский путешественник привез с Востока, а потом до старости приумножал, занимаясь коммерцией, были рассеяны и промотаны, а потом вообще перешли в чужие руки.

Лоуренс Бергрин отмечает, что «новые зятья Марко стали его союзниками в бесконечных распрях с остальными членами семейства Поло. Презируя кровных родственников, имевших, пожалуй, больше прав на его доверие и благосклонность, он предпочитал сотрудничать с мужем Фантины, Марко Брагадином; они стали настолько близки, что молодая пара <...> жила в Ка' Поло вместе с семейным патриархом»⁴⁵³.

Кстати сказать, раздоры в «благородном семействе» не утихали и после смерти Марко Поло, и в них его вдова Доната выступает в весьма непривлека-

тельном свете. Рассказывают, что ей как-то были переданы на хранение два мешка венецианских денег. Мешки были завязаны и опечатаны, а когда Бертуччо Керини, муж Беллелы Поло, взял деньги обратно и пересчитал, их оказалось почти вдвое меньше, чем было изначально. В результате зять заставил тещу предстать перед Советом сорока (верховным судом Венеции) и обвинил ее в присвоении денег. Совет признал Донату Поло виновной, приказал ей вернуть присвоенные деньги и сурово оштрафовал ее. «Можно представить, — восклицает биограф Марко Поло, — какой был мир и дружба у Керини и его тещи!»⁴⁵⁴

И последнее. О первой из дочерей Марко Поло известно то, что «было найдено завешание вдовы Фантины Поло Брагадин, датированное 28 августа 1375 года»⁴⁵⁵. Значит, Фантина пережила своего отца не менее чем на 50 лет.

К сожалению, в своей книге Марко Поло отцу и дяде лишь бегло уделяет внимание. Порой даже создается впечатление, что их не было с ним в путешествии на Восток. Выглядит это достаточно некрасиво, по меньшей мере — досадно. Но ведь они там были, а после возвращения в Венецию они «с головой ушли в свои дела — покупали и продавали, импортировали и экспортировали; в торговой жизни Венеции Поло, надо думать, играли значительную роль»⁴⁵⁶.

В книге «Марко Поло» Генри Харта читаем: «В каком году умер отец Марко мессир Никколо Поло, наставник, советник и товарищ сына смолоду до зрелых лет, — этого мы не знаем. Но в завещании

сводного брата Марко, Маффео, составленном в 1300 году, этот Маффео аттестует себя так: “Matheus Paulo filius condam [quondam] Nicolai Paulo”. На латинском языке того времени “quondam” часто значит “defunctus” или “покойный”. Итак, старик, проживший долгую и полную приключений жизнь, к тому времени уже скончался»⁴⁵⁷.

Следовательно, Никколо Поло умер в промежутке между 1295 и 1300 годами, хотя Жак Хеерс и пишет, что он «умер в 1300 году (или где-то около этого)»⁴⁵⁸.

После смерти отца Марко Поло, как подобает хорошему сыну, заказал для него гробницу, представлявшую собой саркофаг из дорогого камня, который был установлен в церкви Сан-Лоренцо, по правую руку от входа.

Марко Поло и его дядя Маттео продолжали вести прибыльную торговлю, но больше не путешествовали. «Все они жили в родовом доме в приходе Сан-Джованни-Кризостомо — Маттео и его жена, Марко со своей семьей, брат Марко Маффео с семьей, молодой, еще не женатый Джованнино, а также Стефано, его жена и пятеро их детей»⁴⁵⁹.

Маттео Поло, дядя Марко, умер в 1310 году. Умер он бездетным (по некоторым данным, у него были две приемные дочери).

Про Флору, сестру Никколо Поло и тетю Марко Поло, мы ничего не знаем, а вот другой его дядя — Марко-старший — умер до 1300 года. Он долго жил в Константинополе, а в 1275 (или в 1280) году вернулся в Венецию. Его завешание, как мы уже говорили, было датировано 27 августа 1280 года.

У Марко Поло (старшего) было четверо детей: Никколо, Марота, Антонио и Агуэсина. Про них известно лишь то, что Никколо, двоюродный брат Марко Поло, имел двух детей: Феличе и Марко. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Обстановка в Венеции

Что касается Венеции, то она переживала тогда бурные времена. «История творилась на глазах Марко»⁴⁶⁰.

В 1300 году недовольные граждане подняли мятеж против 49-го дожа Венеции Пьетро Градениго. Во главе мятежа стоял Марино Бокконио, «выходец из народных масс и их представитель»⁴⁶¹. Он попытался проникнуть в Большой совет, чтобы убить там дожа, но потерпел неудачу и закончил свои дни на эшафоте вместе с десятью своими самыми активными сторонниками. Их повесили прямо на площади Святого Марка — для устрашения прочих непокорных.

«Заговор Бокконио был лишь первым проявлением недовольства, тлевшего среди венецианцев, первым звеном в цепи внутренних смут»⁴⁶². Пока же Венеция кое-как восстановила экономическую стабильность, утраченную в результате войн с Генуей, и даже успела прославиться своими шелками и бархатом (соответствующие гильдии зорко следили за качеством, и некондиционные товары предавались публичному сожжению). Длительное время венецианские купцы ограничивались бартерными сделками, то есть обменивали свои товары на другие товары или на драгоценные камни, однако в 1284 году 48-й дож Джованни Дандоло ввел в Венеции денеж-

ную единицу, ставшую известной всему миру. Это был высокопробный золотой дукат, имевший вес в 3,52—3,56 грамма*.

У нас нет никаких свидетельств того, что мессир Марко Поло занимался политикой. При этом, безусловно, он смирился с жизнью и обычаями Венеции, хотя, вероятно, так до конца и не излечился от одержимости Азией. Говорят, что он повсюду носил с собой рукописную копию своей книги, постоянно говорил о своих приключениях и время от времени изготавливал новые копии для знатных аристократов, чтобы те могли прочитать рукопись и сохранить ее в своей библиотеке.

Известно, например, что одну из первых рукописей своей книги на французском языке он подарил монсеньору Тибо де Сепуа (*Thiébault de Cepou*). Этот славный рыцарь, представлявший интересы короля Арагона (брата французского короля Филиппа Красивого), очень просил у него рукопись, и легко себе представить, с какой радостью Марко Поло согласился удовлетворить эту облеченную властью просьбу.

* Впервые дукаты появились в 1140 году на Сицилии, однако Джованни Дандоло установил новый стандарт качества, объявив: «Он должен изготавливаться с величайшей точностью — как флорин, только лучше». А флорин был символом конкурирующей Флоренции, но венецианские дукаты очень скоро затмили его. Венецианский монетный двор (*zecca*) дал монете название «цеккино» (*zecchino*), и отсюда появилось слово «цехин». Венецианские золотые монеты были красивыми, тяжелыми и блестящими. На аверсе изображался Иисус Христос, а на реверсе — коленопреклоненный дож, принимающий знамя из рук святого Марка.

Между тем затянувшаяся вражда республики с церковью по поводу Феррары привела к тому, что грозной папской буллой от 27 марта 1309 года Венеция и все жители этого непокорного города были отлучены от церкви. При этом «венецианцы были объявлены бесчестными, неспособными исполнять никакие общественные функции, являться в суд, быть истцами или ответчиками, завещать и наследовать. Их дети, вплоть до четвертого поколения, были отстранены от всех церковных и светских должностей»⁴⁶³. Более того, «все договоры с Венецией были объявлены недействительными, венецианское имущество за границей конфисковывалось <...> а к духовенству обратились с призывом, чтобы оно покинуло обреченный город»⁴⁶⁴.

Поначалу венецианцы готовы были держаться до последнего, но когда их гарнизон в Ферраре сдался, не устояв перед болезнями и силой осаждавших его войск, когда пришло известие о гибели одной из венецианских флотилий, дож Пьетро Градениго, «подстегиваемый усиливающимся в Венеции голодом и волнениями, направил к святому отцу в Авиньон миссию со смиренной просьбой о мире»⁴⁶⁵.

Это значило, что Пьетро Градениго начал вымаливать прощение у папы Климента V, находившегося тогда в Авиньоне, и в конечном итоге отлучение было снято. «Тем не менее граждане были весьма недовольны своим дожем»⁴⁶⁶.

Им были недовольны все: и простой народ, и представители многих знатных родов. Вожаками заговорщиков стали Марко Керини и его зять Бьямонте Тьеполо. Их план заключался в том, чтобы ворваться на площадь Святого Марка и убить дожа, а заодно и главных его сторонников. Поднять восстание заговорщики решили 15 июня 1310 года.

«К счастью для стабильности республики, погода им не благоприятствовала»⁴⁶⁷. «В этот день сплошным потоком лил дождь, и с моря ворвался жестокий ураган. Грохотал гром, грозовые молнии заливали зловещим светом всю узенькую улицу Мерчерие — она была и остается поныне главной деловой улицей Венеции»⁴⁶⁸.

Толпы народа разбежались, спасаясь от непогоды. Началась неразбериха. И тут произошло событие, которое историки описывают по-разному. Например, граф Дарю, автор многотомной «Истории Венецианской республики», утверждает, что когда Баямонте Тьеполо «проходил по улице Мерчерие, сопровождаемый пажом на коне, державшим знамя, одна женщина из народа бросила в него из окна большой камень, который попал в пажа и раздробил ему череп»⁴⁶⁹.

Генри Харт пишет, что женщина бросила из окна не камень. Она якобы схватила «большой каменный горшок с красной гвоздикой и изо всех сил метнула его в голову Баямонте Тьеполо. Тяжелый снаряд в цель не попал, но раскроил череп знаменосцу, шедшему рядом с предводителем. Знаменосец упал, забрызгав кровью и мозгом Тьеполо»⁴⁷⁰.

Как бы то ни было, запущенный сверху «снаряд» нашел цель, и люди, которых вел за собой Баямонте Тьеполо, запаниковали. Тем более что горожанки, обожавшие такие вот уличные скандалы, принялись швырять им в головы другие тяжелые предметы. В результате Тьеполо ничего не оставалось, как сдаться, в надежде выторговать себе прощение. Ему повезло: он отделался четырехлетней ссылкой, а вот другие поплатились за свои действия жизнями.

А Джустина Россо (так завали женщину, бросившую роковой то ли камень, то ли цветочный гор-

шок) получила сердечную благодарность от дожа. «На вопрос, какой награды она желает, женщина скромно ответила, что хотела бы каждый год в память этого события 15 июня вывешивать знамя Святого Марка, покровителя Венеции. И еще одна просьба — чтобы годовая арендная плата для нее никогда не превышала 15 дукатов»⁴⁷¹.

Как утверждает Лоуренс Бергрин, «Марко предпочитал не участвовать в политических конфликтах своего времени, заботясь больше о сохранении своей коммерции»⁴⁷². Лишь один раз он бросил вызов установленному порядку, когда выступал в суде в защиту некоего Боночио из Месте — человека, занимавшегося контрабандой вина и пользовавшегося дурной славой. Можно предположить, что нарушитель закона, за которого Марко Поло заплатил штраф, банально работал на него.

Шестого февраля 1310 года Маттео, дядя Марко Поло, почувствовал приближение смерти. Он составил завещание и вскоре после этого умер. «Маттео был женат, но не имел детей, и большая часть его немалого состояния перешла к племянникам, включая Марко»⁴⁷³. Вскоре (тоже в 1310 году) скончался Маттео, сводный брат Марко Поло. Он тоже не оставил наследников мужского пола, и его имущество также досталось в основном Марко. Таким образом, в руках Марко Поло «сосредоточилась большая часть бизнеса семейства Поло»⁴⁷⁴.

А 13 августа 1311 года умер 49-й дож Венеции Пьетро Градениго, и его сменил восьмидесятилетний Марино Цорци. И по нынешним временам это возраст весьма почтенный, а в начале XIV века это было очень много. Посему 50-й дож правил лишь

до 3 июля 1312 года, а потом его не стало, и очередным дожем избрали Джованни Соранзо, уважаемого в городе полководца и дипломата.

Тем временем Марко Поло вдруг начал судиться со своими родственниками. Видимо, после пятидесяти все мужчины становятся более раздражительными и нетерпимыми к чужим недостаткам. Причина тут кроется и в накопившихся болезнях, и в усталости, и еще во многом другом, и избежать этого редко кому удается. Не удалось и нашему венецианцу. Например, в 1319 году он предъявил иск своему двоюродному племяннику Марколлино, требуя выплаты денег, взятых в долг за 13 лет до этого его отцом Никколо. Суд вынес решение в пользу Марко Поло, обязав ответчика вернуть деньги с процентами, и это почти вдвое превысило изначально owed сумму. Таких денег у Марколлино не оказалось, и он вынужден был передать Марко Поло права на владение двумя домами в Венеции, что сделало нашего героя еще более богатым.

Удивительно, но Марко Поло, будучи человеком весьма обеспеченным, не стеснялся судиться и за совсем мелкие суммы. Например, известно, что он инициировал судебный процесс против некоего Паоло Жирардо исключительно из-за того, что тот каким-то образом утаил от него немного мускуса, отчитываясь о продаже полученной партии, общий вес которой не превышал 700 граммов. Возможно, речь тут могла идти просто об ошибке в подсчетах, но сути это не меняет: мессир Марко Поло конечно же одержал «блестящую победу», заставив несчастного Паоло выплатить ему деньги, дабы не попасть в тюрьму.

Понятное дело, подобные действия не пробуждали в родственниках Марко Поло особой любви к нему. Тем не менее, как ни странно, его внешняя слава не убывала. Известно, например, что к нему обратился некий Пьетро д'Абано (*Pietro d'Abano*), профессор медицины и философии из Падуи. Они несколько раз встречались, обсуждая подробности путешествий Марко Поло, и гость всякий раз восхищался обширностью познаний и цепкой памятью нашего героя. Память у него и правда была феноменальной, о чем свидетельствует количество освоенных Марко Поло восточных языков, вовсе не относящихся к числу простых. У себя в Падуе профессор д'Абано написал трактат, в котором осыпал путешественника комплиментами, назвав его «человеком, объявшим в своих странствиях большую часть мира» и «усердным исследователем»⁴⁷⁵.

Пьетро д'Абано расспрашивал Марко Поло обо всём, и тот отвечал ему обстоятельно и с полным сознанием значимости передаваемой информации, резко разоблачая при этом классические представления о дальних странах и споря порой с самим Аристотелем. По всему было видно, что свой опыт он ставил превыше всего и ему очень нравилась роль венецианского мудреца.

Но, как говорится, старость — это то время, когда ты знаешь ответы на все вопросы, но тебя уже никто ни о чем не спрашивает. Когда Марко Поло перевалило за шестьдесят, симпатии венецианцев к нему поугасли. О родственниках и говорить не приходится.

Ко всему прочему, Монгольская империя к тому времени уже начала разваливаться, и интерес к ней уменьшился. Короче говоря, историческая эпоха, к которой принадлежал Марко Поло, постепенно стала уходить в прошлое. Молодое же поколение

венцианцев вообще уже плохо представляло себе, о чем постоянно ведет речь этот «странный старик». Когда он ковылял по улицам родного города, дети бежали за ним следом и кричали:

— Эй, мессир Поло, соври-ка нам еще что-нибудь!

Во всяком случае, так гласит одна из легенд. Согласно же другой легенде «на венецианском маскараде появился актер, одетый как Марко Поло и развлекавший гостей самыми нелепыми историями, притворяясь, будто это чистая правда»⁴⁷⁶.

Глава одиннадцатая

СМЕРТЬ МАРКО ПОЛО

В 1323 году 69-летний Марко Поло серьезно заболел и после этого уже не вставал с постели.

К тому времени книга, описывающая его путешествия, привлекла внимание доминиканского монаха Джакопо д'Аккуи (*Jacopo d'Acqui*), который, как тогда было принято, включил фрагменты его повествования в собственный труд, называвшийся «Картина мира» (*Imago mundi*).

В работе Джакопо д'Аккуи приводится следующий интересный факт: «В книге можно было найти прекрасные рассказы, истории огромной важности, а также самые невероятные домыслы, и друзья уговаривали (Марко Поло. — С. Н.), когда он был на грани смерти, исправить эту книгу и вычеркнуть то, что находилось за пределами истины»⁴⁷⁷.

Историк Франсуа Перно ошибочно называет этого монаха Джакопо де Секуи (*Jacopo de Sequi*) и добавляет, что Марко Поло в ответ на это объявил: «Я рассказал лишь половину того, что реально видел»⁴⁷⁸.

Безусловно, в книге Марко Поло многое пропущено и перепутано местами. Есть в ней и сомнительные, и совсем малопонятные фрагменты. Как метко выразился биограф Марко Поло Лоуренс Бергрин, «его история аморфна, это Одиссея, не имеющая границ»⁴⁷⁹. Но для нас в данный момент важно другое: важно то, что перед смертью Марко Поло отказался делать исправления в своей книге.

А между тем его здоровье так ухудшилось, что к нему пригласили доктора. В те времена это было равносильно приглашению священника для последнего причастия. Дело в том, что венецианские врачи начала XIV века хотя и пользовались уважением в обществе, но не имели достаточного профессионального уровня. По сути, они могли лишь осмотреть тяжелобольного и посоветовать ему, если дело выглядело совсем уж плохо, составить или пересмотреть завещание.

А Марко Поло, знатному и весьма уважаемому человеку, было что оставлять в наследство. Наступило 8 января 1324 года, и по совету доктора был приглашен священник по имени Джованни Джустиниани, который, весьма кстати, был еще и нотариусом, то есть мог не только составить завещание, но и заверить его.

Завещание было составлено быстро.

Прежде всего, в нем Марко Поло отписал церкви десятую часть всего своего состояния. Этого требовал закон, и тут никто ничьего мнения не спрашивал. Далее он распорядился о выплате значительной суммы монастырю Сан-Лоренцо, где пожелал быть погребенным. Кроме того, он простил долги всем, в том числе и монастырю Сан-Джованни.

Удивительно, но не забыл Марко Поло и Пьетро — монгола, служившего ему во время длительно-

го возвращения домой, а потом и в Венеции. Более того, в отношении него он вдруг проявил невиданное великодушие. В завещании было написано: «Я освобождаю от цепей рабства Пьетро, моего слугу татарской расы, и молю Бога очистить душу от всякой вины и греха. Кроме того, я отдаю ему всё, что он заслужил своим трудом <...> и сверх того завещаю ему сто венецианских денариев*»⁴⁸⁰.

Только после этого Марко Поло перешел к наследству непосредственно своей семьи. Жене Донате он завещал ежегодный доход и обстановку дома, включавшую три кровати со всеми необходимыми постельными принадлежностями. Дочерям же он велел разделить всё оставшееся в равных долях. При этом Морете, пока еще незамужней, причиталась «сумма, равная той, что дана каждой из других моих дочерей на приданое»⁴⁸¹.

Завещание Марко Поло, написанное на латыни и хранящееся ныне в Национальной библиотеке Святого Марка в Венеции, заканчивается следующим суровым предостережением: «Если кто-либо позволит себе нарушить или опровергнуть это завещание, да навлечет он на себя проклятие Всемогущего Бога, и да будет на нем анафема трехсот восемнадцати отцов (предков. — *С. Н.*), и в дополнение к этому пусть он выплатит моим вышеупомянутым душеприказчикам пять фунтов золотом**», и пусть этот документ остается непоколебимым»⁴⁸².

* Денарий — серебряная монета, распространенная по всей Италии. Венецианский золотой дукат в 1284 году был равен 576 местным денариям. Но эта пропорция была непостоянна, что чрезвычайно усложняло торгово-кредитные операции.

** В оригинале «*aureas libras quinque*». Имеется в виду римский фунт (*libra*), мера веса, равная 327 граммам.

Интересен факт, что на самом деле Марко Поло даже не подписал это завешание. Это наводит на мысль о том, что он уже был слишком слаб даже для такого простого действия.

Лоуренс Бергрин отмечает: «Так или иначе, в его подписи не было необходимости. Джованни Джустиниани, священник и нотариус, подписал и заверил последнюю волю Марко Поло, как того требовал закон Венеции. Чтобы предотвратить возможность подделки, он приложил к бумаге *tabellionato*, личную печать»⁴⁸³.

Конечно же накопленное Марко Поло богатство никак не позволяет нам причислять его к финансовой верхушке Венеции, но некоторые историки при этом делают оговорку, что, возможно, нам известно далеко не всё. В любом случае, истинный масштаб состояния Марко Поло так и остался неизвестным официальным венецианским властям. Более того, он навсегда остался тайной.

Джованни Джустиниани датировал завешание Марко Поло 8 января, а это значит, что его жизнь оборвалась между закатом 8 января и началом дня 9 января 1324 года.

Похороны в Венеции того времени были церемонией пышной и шумной. Можно даже сказать, шикарной. Звонил траурный колокол. Вдове полагалось публично демонстрировать свое горе, то есть рыдать и рвать на себе волосы. Ближайшим родственникам — тоже. Роскошная траурная процессия должна была сопровождать тело умершего в церковь, а потом всё это поистине театральное действие повторялось уже непосредственно у могилы.

Считается, что Марко Поло похоронили на кладбище при церкви Сан-Лоренцо, недалеко от того

места, где был погребен его отец Никколо, вместе с которым он объездил столько стран. Во всяком случае, через три столетия, в 1581 году, в путеводителе по Венеции Франческо Сансовино в разделе, посвященном церкви Сан-Лоренцо, было сказано: «Под портиком похоронен Марко Поло, прозванный “Миллионом”, который описал путешествие в новый мир и который первым, до Христофора Колумба, открыл новые страны»⁴⁸⁴.

К сожалению, могила Марко Поло до наших дней не сохранилась. Церковь Сан-Лоренцо в конечном итоге превратилась в развалины. Произошло это в конце XVIII — начале XIX века. Впоследствии, в 1817 году, ее восстановили, но уже без монастыря и кладбища. Позднейшие исследователи предположили, что кости Поло и других видных венецианцев были собраны в какую-то общую могилу, а позже, возможно, их использовали под засыпку новых полов. Как бы то ни было, саркофаг и другие артефакты, отмечавшие место упокоения великого венецианца Марко Поло, его родителей, жены и детей, безвозвратно пропали.

Глава двенадцатая

КНИГА МАРКО ПОЛО

Если большинство современников Марко Поло относились к его достижениям равнодушно и порой, как мы видели, даже пренебрежительно, то история не забыла о нем. Прежде всего, осталась его знаменитая книга, первоначально названная «Книгой Марко Поло» (*Le Livre de Marco Polo*). Потом появились другие названия: «Книга о раз-

нообразии мира» (*Le Devisement du monde*), «Книга чудес света» (*Le livre des merveilles du monde*). Но это уже стало результатом творчества древних переписчиков.

Лоуренс Бергрин пишет об этом так: «Получившееся произведение, подобно средневековым соборам, возведенным безвестными мастерами, оказалось живописным, но беспорядочным смешением идей»⁴⁸⁵. И с ним невозможно не согласиться. При этом книга Марко Поло, «благодаря беспокойному духу автора, сделалась и исторической хроникой, и произведением искусства, сохранив исчезнувший мир в форме вневременного приключения»⁴⁸⁶.

Сначала книга ходила по Европе в виде рукописей. Например, как уже говорилось, первый вариант на французском языке был подарен в 1307 году лично Марко Поло монсеньору Тибо де Сепуа, ехавшему через Венецию в Константинополь, куда он был назначен послом. Тот потом передал рукопись Шарлю де Валуа (сыну Филиппа Смелого), претендовавшему тогда на трон в Константинополе.

По мнению историка Оливье Жермен-Тома, в данном случае речь может идти только «о копии, которой предшествовал вариант, следы которого оказались потеряны и который вполне мог быть оригиналом»⁴⁸⁷.

После этого «книгу начали переписывать, о книге стали говорить. Переписывая, замечали в конце, что книга недостоверна. Переписывали ее как сказку, как роман. Материал книги Поло попадал в другие романы»⁴⁸⁸.

Точно известно, что в 1312 году книгу Марко Поло лично переписала графиня Бургундская. Известно также, что король Карл V имел аж три копии.

«Вполне естественно, что сочинение, столь необыкновенное по содержанию <...> должно было скоро быть переведено на многие языки»⁴⁸⁹.

Первым переводчиком стал монах-доминиканец Франческо Пипино (*Francesco Pipino*) из Болоньи. Примерно в 1310 году он приехал в Венецию и встретился там с Марко Поло, и тот передал ему еще один экземпляр своей книги для перевода на латынь. Пипино тщательно перевел книгу, но, к сожалению, внес в манускрипт «некоторые пассажи, которые должны были служить становлению душ в рамках святой католической доктрины»⁴⁹⁰.

По сути, делая перевод, Пипино внес в труд Марко Поло явную религиозную составляющую, ибо переписчик был уверен, что его латинская версия должна служить делу подготовки монахов к проповедническим миссиям на Востоке. С этой целью он, руководствуясь своими представлениями о приличиях, сильно отредактировал текст, пропустив все слишком двусмысленные и откровенно сексуальные, как ему казалось, фрагменты из рассказа Марко Поло.

У последнего, кстати сказать, быстро появились «последователи». Например, некий Жан де Мандевилль (*Jean de Mandeville*), родившийся в Льеже примерно в 1300 году, выпустил аналогичную рукопись, также называвшуюся «Книгой чудес света» (*Le livre des merveilles*). Эта рукопись была целиком и полностью фальшивкой (на самом деле автор был лишь в Египте). Как утверждает Лоуренс Бергрин, в отличие от Мандевилля, сознательно вводившего читателей в заблуждение, Марко Поло «верил каждому продиктованному им слову, однако для него истина была не в буквальной передаче фактов»⁴⁹¹.

Она включала в себя очень много субъективного, а также плоды воображения, которые и «выбросил» Франческо Пипино, сделавший латинский перевод таким же сухим, как и отчеты, оставленные его предшественниками-священниками. А вот много повидавший Марко Поло искренне считал, что реальные факты порой могут быть фантастичнее любого вымысла.

Как видим, совместное произведение Марко Поло и Рустичелло породило целую «индустрию копирования», и при этом каждый переписчик (переводчик) действовал, как ему заблагорассудится. В результате многие фрагменты рукописи Марко Поло оказались сильно искаженными, а их порядок был нарушен.

К сожалению, количество рукописных копий книги Марко Поло было недостаточным. Жак Херс, например, подсчитал, что в начале XIV века имелось около восьмидесяти копий. Для сравнения: «Божественная комедия» Данте Алигьери, созданная в 1306—1321 годах, «существовала в примерно пятистах экземплярах»⁴⁹².

Первое печатное издание книги Марко Поло вышло в Нюрнберге в 1477 году, примерно через 175 лет после того, как Рустичелло закончил изготовление своей рукописи. Это способствовало тому, что удивительный рассказ Марко Поло стал доступен более широкой публике.

В 1481 году эта небольшая книжка была переиздана в Аугсбурге.

В 1484—1490 годах (год до сих пор точно не установлен) появилось первое латинское издание. Неизвестен точно даже город, где его напечатали, — это был не то Рим, не то Венеция.

В 1496 году вышло первое издание на итальянском языке, напечатанное в Венеции.

1556 годом датировано первое французское издание (но это был перевод с латинской версии Франческо Пипино, а не с французской рукописи).

На родине Марко Поло много лет основным считалось издание венецианца Джованни Баттиста Рамузио (1485—1557), собиравшего свидетельства об открытиях итальянских, испанских и португальских путешественников. Этот же человек написал и первую биографию Марко Поло, и преимущественно ему мы сейчас обязаны теми довольно скудными биографическими данными, что содержатся во всех энциклопедиях и справочниках. Это издание несколько раз переиздавалось, а окончательная его версия вышла в 1557 году, уже после того, как Рамузио скончался в Падуе.

Джованни Баттиста Рамузио, вдохновенно собиравший все даже самые невероятные сплетни о Марко Поло, вдохнул новую жизнь в его историю и в полной мере осознал его вклад в понимание мира. До него Марко Поло был для всех просто любимым прихвастнуть путешественником, после него он стал кумиром, великим героем, легендой.

Рамузио, кстати сказать, ставил Марко Поло даже выше Христофора Колумба. Он считал его странствие по суше более чудесным, учитывая отвагу, необходимую для столь длительного по времени предприятия, не говоря уже о нехватке съестных припасов и воды в течение долгих месяцев. К тому же, в отличие от Колумба Марко Поло не предьявлял никаких прав на новые земли, не подчинял себе никого и не принимал участия в жестоких карательных операциях против местного населения.

Да, книга Марко Поло в течение многих лет рассматривалась как некое сказочное повествование, не имеющее под собой никакой реальной основы, но потом она была переведена практически на все языки и вошла в золотой фонд мировой познавательной литературы.

Конечно, не всё в книге Марко Поло выглядит достоверно. В связи с этим многие авторы делают предположение, что книга эта была написана не под диктовку Марко Поло, а составлена Рустичелло (Рустичано) по его рассказам. Так сказать, «по мотивам». Более того, предполагается, что некоторые вещи Марко Поло не видел сам, а перевел с какого-то восточного языка, который он знал. Отсюда, кстати, и бесконечные неточности в написании имен собственных.

Вашингтон Ирвинг, написавший биографию Христофора Колумба, говоря о книге Марко Поло, приходит к заключению, что «переводами и повторительными изданиями текст оригинала <...> был сильно искажен, и, вероятно, многие нелепости, в которых обвиняли Марко Поло, произошли от ошибок переводчиков и издателей»⁴⁹³.

А некоторые авторы даже делают вывод, что Марко Поло не так много путешествовал, как он сам утверждает, что многие его «описания» (особенно Японии, Индии и Африки) попали в книгу в значительной степени случайно. С другой стороны, заслуги Марко Поло в изучении географии Азии, в любом случае, столь велики, что его по праву можно ставить в один ряд с самыми великими первопроходцами. Ведь до Марко Поло знания европейцев об Азии были крайне обрывочными и неопределенными, а он своей книгой поставил себя в ряды первоот-

крывателей Азии, снявших «завесу с таинственной части света, до него едва известной Европе»⁴⁹⁴.

Его главная заслуга состоит в том, что он вместо дикой и недоступной Азии открыл перед европейцами страны, значительно превосходившие тогдашнюю Европу своим экономическим развитием и просвещением. Он словно кричал: «Китай монголов не хочет нам зла, и он намного обогнал нас»⁴⁹⁵.

Вчитываясь в описания городов и стран, о которых Марко Поло пусть и знал только понаслышке, невольно приходишь к мысли, что он специально рассказывает о том, какие там были порты, какие деньги в обращении и какие главные товары, интересные для торговли. С этой точки зрения его книгу можно считать первым торговым справочником по рынкам стран Востока. И не только. То огромное количество ценнейших сведений о Востоке, которые Марко Поло собрал во время своих путешествий, сделало его труд настольной книгой таких выдающихся мореплавателей, как Христофор Колумб, Васко да Гама и Фернандо Магеллан. Можно даже утверждать, что книга Марко Поло сыграла вполне конкретную роль в открытии Америки и морского пути в Индию.

В свое время, например, много говорили о карте, которую Марко Поло якобы привез с собой из Китая. Она якобы потом хранилась в монастыре Сан-Микеле-ди-Мурано в Венеции. Говорили также, что сам Христофор Колумб «ездил в означенный монастырь и рассматривал эту карту и что она внушила ему некоторые идеи насчет берегов Индии»⁴⁹⁶.

Впрочем, Джованни Баттиста Рамузио, также посещавший этот монастырь, утверждал потом, что эта карта не была подлинником, а оказалась работой одного безвестного монаха и к ней затем многократно

делались дополнения разными людьми. Сам же Колумб нигде не упоминал об этой карте, а ведь если бы он видел ее, то наверняка не умолчал бы...

Даже теперь нелегко разобраться, где у Марко Поло правда, а где — плоды разыгравшейся фантазии. За склонность к преувеличениям и вымыслу он, кстати, и получил свое прозвище «Миллион» (*Il Milione*), которое осталось за ним и после смерти. Да, широкая публика видела в нем, скорее, создателя увлекательнейших легенд, чем историка или географа. Недаром же флорентиец Амалио Бонагуизи, переводивший книгу Марко Поло, написал в 1392 году, что венецианец взялся за этот свой труд, «чтобы провести время и развеять меланхолию»⁴⁹⁷. Он же предупреждал читателей своего перевода: «Содержание представляется мне неправдоподобным, но если всё это правда, придется поверить в чудеса»⁴⁹⁸.

Но Марко Поло и не был ученым. Он не был исследователем в современном смысле этого слова. Да он никогда на это и не претендовал. Он просто плыл по течению, повинуюсь капризам фортуны и с готовностью воспринимая и впитывая в себя самые разнообразные впечатления. Он умел приспособиваться и внимательно смотреть по сторонам. Он знал понемногу о многом и всегда рассказывал «со страстью дилетанта»⁴⁹⁹.

Но, как совершенно верно отмечал в свое время великий Гёте, «сущность дилетантизма в том и заключается, что дилетант не понимает трудностей того, за что он берется»⁵⁰⁰. По всей видимости, не понимал этого и Марко Поло, а посему ему и удалось сделать то, о чем никто из «больших профессионалов» до него не смел и подумать.

При всей своей противоречивости и непоследовательности, книга Марко Поло осталась незаконченным шедевром, обращавшимся ко всё новым и новым поколениям путешественников и мечтателей.

Сам Марко Поло долгое время был почти забыт, но его книга, воспринимавшаяся как поучительный сплав реальных фактов и вымысла, продолжала жить. И так продолжалось вплоть до начала XIX века, когда ученые предприняли попытку наведения порядка в сбивчивом нагромождении сведений, представленных в книге Марко Поло. В авангарде этого движения, как ни странно, оказались не итальянцы, а французы. В частности, в 1824 году Парижское географическое общество выпустило книгу Марко Поло с тщательными примечаниями известного лингвиста-востоковеда Гийома Потье (1801—1873). Это издание по праву считается лучшим из того, что сделано в связи с путешествиями великого венецианца.

Особое значение публикации Гийома Потье заключается в том, что он сравнил рассказы Марко Поло со старинными монгольскими и китайскими хрониками, доказав, что слова венецианца — это не фантазии и не видения, навеянные, например, наркотиками, а поразительно точный отчет об увиденном и услышанном.

Научный труд Гийома Потье был дополнен и усовершенствован двумя выдающимися учеными — британским полковником инженерных войск и географом Генри Юлом (1820—1889) и французским востоковедом Анри Кордье (1848—1925).

Генри Юл сделал свой собственный перевод книги Марко Поло и снабдил его обширными коммен-

тариями. Его работа под названием «Книга господина Марко Поло, венецианца» вышла в Лондоне в 1875 году. Книга Анри Кордые, проверенная «в свете последних открытий», вышла со ссылками на лондонское издание. В 1921 году работа Генри Юла снова была переиздана в Лондоне в трех томах, и третий дополнительный том был составлен Анри Кордые.

Обильно снабженное комментариями издание Юла—Кордые почти в четыре раза превосходит по объему «оригинал» Марко Поло и изображает его предвестником Великой эпохи открытий, еще более успешным, чем Магеллан и Колумб, в отличие от которых венецианец не носил меча, никого не убивал и не обращал в рабство.

По сути, Генри Юл и его преемник Анри Кордые, много лет работавший секретарем французской миссии в Китае, восстановили репутацию Марко Поло в англоязычном мире.

Для этих двух исследователей главное в книге Марко Поло заключалось даже не в содержании, не в истории ее создания, а в том, что она полна загадок, но при этом их уверенность в правдивости автора была такова, что они не сомневались: каждая загадка обязательно должна иметь решение. И Юл с Кордые с пылом искали ответы на многочисленные вопросы, возникающие в связи с книгой Марко Поло. Для этого они создали настоящую всемирную сеть корреспондентов, которые помогали им разобратся, какие азиатские народы и местности имел в виду отважный венецианец.

А затем, в 1938 году, в Англии и во Франции вышла книга, представляющая собой самую полную версию творения Марко Поло. Ее авторы — профес-

сор из Кембриджа Артур Кристофер Моул (1873—1957) и французский востоковед, исследователь Центральной Азии Поль Пельо (1878—1945).

Эти два ученых предприняли попытку составить некий «Сводный перевод», в котором они «попыбовали свести воедино все или почти все сохранившиеся слова Марко Поло и указать источник, из которого исходит каждое слово»⁵⁰¹.

Естественно, потребовалось два тома примечаний, но книга не получилась скучной, ибо Артур Кристофер Моул и Поль Пельо сумели сохранить яркий стиль книги Марко Поло, в которой самым невероятным образом перемешаны сухая информация и почти сказочные отрывки, изложенные практически разговорной речью.

В России, кстати сказать, книга Марко Поло была впервые переведена А. Н. Шемякиным. Она печаталась в 1861—1862 годах в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», а потом, в 1863 году, вышла отдельным изданием. Пояснения к этой книге были сделаны Августом Бюрком, а дополнения и поправки — К. Ф. Нейманом*.

Второй русский перевод (анонимный и даже без ссылки на то, с какого издания он сделан) печатался в петербургском журнале «Библиотека дешевая и общедоступная» (№ 1—4 за 1873 год), а потом он вышел отдельным изданием под названием «Путешествие в восемьдесят тысяч верст по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина Марко Поло, прозванного Миллионером».

* А. Н. Шемякин сделал перевод с немецкого комментированного издания А. Бюрка и К. Ф. Неймана (*Die Reisen des Venezianers Marco Polo*. Leipzig, 1845).

Этот перевод также сделан не с подлинника, расчитан на широкого читателя и большого научного значения не имеет.

А вот первый действительно научный перевод книги Марко Поло на русский язык был сделан в 80-е годы XIX века профессором-востоковедом И. П. Минаевым (1840—1890). Примерно десять лет рукопись И. П. Минаева пролежала «без движения», а потом ее редактирование выполнил В. В. Бартольд (1869—1930), позднее, в 1913 году, избранный в академики. В результате вышла книга «Путешествие Марко Поло», которую по праву считают «крупным вкладом в мировую литературу по исторической географии Азии»⁵⁰².

Кстати сказать, академику В. В. Бартольду принадлежат следующие слова о книге Марко Поло: «Сам Марко Поло не написал книги о своих путешествиях; его рассказы были записаны с его слов другими, причем только о первой по времени записи мы можем сказать, что она была сделана под диктовку самого путешественника»⁵⁰³.

Глава тринадцатая

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ

«Пробный камешек» от Герберта Франке

Долгое время факт продолжительного пребывания Марко Поло на Востоке не вызывал ни у кого ни малейшего сомнения. По сути, ни Гийом Потье, ни Генри Юл, ни Анри Кордье, ни Артур Кристофер Моул, ни Поль Пельо — никто никогда не со-

мневался в том, что венецианец действительно находился при дворе Хубилай-хана.

Но потом наступил конец XX века, начались всегда такие привлекательные для неподготовленной публики разговоры о «всемирном хронологическом заговоре», расцвела компаративистика (область лингвистики, посвященная родству языков), поднялась волна скептицизма и отрицания любых традиционных и устоявшихся мнений.

В 1966 году раздался первый голос и против Марко Поло: это немецкий профессор Герберт Франке из Мюнхена опубликовал в одном из научных журналов Гонконга достаточно провокативную по своему содержанию статью*. По мнению ученого, Марко Поло на Востоке не был, а позаимствовал главы, посвященные Китаю, из некоей арабской энциклопедии. Конечно же ныне утерянной... Или из некоего персидского путеводителя. Конечно же тоже утерянного...

В принципе, так можно «разгромить» любую историческую версию. Тем более что любой документ можно назвать всего лишь чьим-то субъективным мнением, не имеющим никакого отношения к реальной действительности. А любую фантазию можно «обосновать» документом, который был, но потом оказался утерян. И этим методом часто пользуются историки, раскрашивающие так называемые белые пятна истории в соответствии с пожеланиями заказчика.

По всей видимости, свою гипотезу Герберт Франке рассматривал больше в шутку, чем всерьез (он

* *Franke H.* Sino-Western Contacts Under the Mongol Empire // *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society.* 1966. № 6.

признавал, что, пока не приведены неопровержимые доказательства того, что некоторые главы книги Марко Поло заимствованы из какого-то персидского источника, сомнения должны толковаться в его пользу), но, как говорится, осадочек остался. То есть появились последователи.

«Сенсация» от Фрэнсис Вуд

В 1995 году Фрэнсис Вуд, выпускница Кембриджа и директор китайского отделения Британской национальной библиотеки, опубликовала книгу под названием «Действительно ли Марко Поло был в Китае?» (*Did Marco Polo go to China?*). Книга была встречена не просто благосклонно, она произвела сенсацию.

Прежде всего, Фрэнсис Вуд заявила, что Марко Поло, по всей видимости, никогда не бывал восточнее Черного моря. Почему? Да потому, что в ином случае он не мог бы не заметить таких ярких китайских обычаев, как деревянные палочки для еды, любовь к чаепитиям, пеленание ног у женщин и т. д. Не мог бы он не заметить и Великой Китайской стены, проходящей по Северному Китаю на протяжении почти девяти тысяч километров.

Не правда ли, звучит провокационно? Но вот проблема — Великая Китайская стена в современном понимании при Марко Поло еще не была построена.

Артур Уолдрон в «*Harvard Journal of Asiatic Studies*» доказал, что стену возвели при династии Мин, в 1368—1644 годах, то есть намного позже времен Марко Поло.

«Отнесемся с осторожностью к мифу о Великой стене, — пишет он. — Этот миф <...> возник на За-

паде почти четыре столетия назад. Хотя это богатая тема для исследователей фольклора и мифологии, но историка она может лишь ввести в заблуждение»⁵⁰⁴.

Кто-то может не согласиться с подобным утверждением, ведь строительство первой стены началось еще в III веке до н. э. для защиты государства от набегов кочевого народа хунну, жившего на севере от Китая. Но потом она многократно разрушалась, и те участки, которые сохранились до нашего времени, действительно были построены при династии Мин, когда основным строительным материалом стали кирпичи и каменные блоки, делавшие конструкцию более надежной.

Игор де Рачевилц из Австралийского национального университета также отмечает, что «до 1579 года сами китайские картографы игнорировали существование стены»⁵⁰⁵. Так что нет ничего удивительного в том, что ее не заметил и Марко Поло. И всё же.

«В венецианских архивах нет ничего, что могло бы свидетельствовать о том, что семья Поло имела прямой контакт с Китаем, — продолжила свою атаку Фрэнсис Вуд в интервью британской газете «Daily Telegraph». — Ни одного артефакта из Китая ей не принадлежало»⁵⁰⁶. К тому же она отмечает, что в книге Марко Поло нет слов: «Я видел своими глазами...» По сути, утверждает востоковед, всё выглядит так, будто Марко Поло скопировал какой-то персидский путеводитель по Китаю, и только несколько первых предложений он написал сам. Так что «Книга чудес света» Марко Поло — это не рассказ о путешествии, а база данных средневековой Европы о Востоке.

Также автор указывает на то, что в сохранившихся китайских летописях нет никаких данных о Марко

Поло, что выглядит странно с учетом знаменитой китайской бюрократии и того важного положения при дворе Хубилай-хана, которое он якобы занимал. А в книге самого Марко Поло, описывавшего детали быта, почему-то не упоминаются традиции бинтования ног у женщин, фарфор, иероглифы и книгопечатание. Более того, автор «Книги чудес света» часто путается в датах и в географии. В частности, указываемые им расстояния между городами не соответствуют действительности.

Конечно, путаницу с датами, расстояниями и достопримечательностями городов можно объяснить тем, что Марко Поло описывал свои путешествия по памяти. В самом деле через десять лет не каждый сможет вспомнить, сколько арок у знаменитого моста в Ханбалыке (по словам Марко Поло, их двадцать четыре, в действительности же — тринадцать). И всё же, и всё же...

Как бы то ни было, книга Фрэнсис Вуд была первой замеченной широкой публикой попыткой доказать, что Марко Поло ни в какой Китай не ездил, а являлся простым компилятором, в жизни не бывавшим дальше венецианских торговых форпостов на Черном море и в Константинополе.

«Разоблачение» Дэвида Сэлбурна

В 1997 году в Лондоне вышла довольно странная книга историка Дэвида Сэлбурна, проживающего в Италии. Книга эта имеет стилизованное «под старину» название — «Город света: тайный дневник человека, приехавшего в Китай за четыре года до Марко Поло» (*The city of light: the hidden journal of the man who entered China four years before Marco Polo*).

В этой книге рассказывается о еврейском купце Якобе из Анконы и утверждается, что в 1270—1271 годах он добрался до Китая и записал потом свои впечатления.

По версии Дэвида Сэлбурна, в 1990 году некто предложил ему для исследований переплетенную в пергамент рукопись, состоящую из 280 листов и представляющую собой выполненный несколько веков назад перевод с иврита на итальянский. Эту рукопись якобы долгие годы прятали из-за опасений преследования со стороны христиан. Соответственно, владелец рукописи якобы поставил условие не разглашать его имени, не фотографировать рукопись и не выносить ее из дома. С его разрешения Дэвид Сэлбурн перевел текст на английский язык (почему-то не скопировав при этом оригинал) и вернул его владельцу. В 1996 году, когда Дэвид Сэлбурн решил издать записки Якоба из Анконы, владелец рукописи будто бы прервал с ним всякие отношения, но историк остался верным своему слову и не разгласил данных о нем.

В конечном итоге оригинальный текст так и не был предъявлен публике даже в фотокопиях. Читателям же было предложено довольствоваться объяснением, что истинный владелец манускрипта «тщательно бережет свое инкогнито». Общественность попыталась «надавить» на Сэлбурна, но тот остался непреклонным, заявив при этом, что Марко Поло всё списал у Якоба из Анконы. При этом имя последнего вызывает большие сомнения, так как нигде больше не упоминается.

Естественно, тут же возникли подозрения в мистификации. Книга вызвала острую критику. В ней было найдено множество фактических ошибок, анахронизмов и перенесенных из устаревших исследований неправильных транскрипций.

В одной из рецензий британской писательницы Роз Кэвени было сказано: «По чистому совпадению, многое из того, что Якобу из Анконы не нравится в Китае XIII века, не нравится и Дэвиду Сэлбурну в Британии конца XX века»⁵⁰⁷.

Тем не менее в течение последующих лет «Город света» выдержал четыре переиздания, в том числе в США, а также появился перевод на китайский язык.

Соображения Н. А. Морозова

По сути, упомянутая выше Фрэнсис Вуд в своей книге 1996 года лишь воспроизвела некоторые соображения русского ученого Н. А. Морозова (1854—1946).

К сожалению, развернутые аргументы Н. А. Морозова опубликовали только в конце XX века, а до того они были известны исключительно по рукописям и пересказам. Его разбор деятельности Марко Поло находится в восьмой книге многотомного сочинения «Христос. История человечества в естественно-научном освещении».

В отношении Марко Поло Н. А. Морозов указывает на следующие факты.

Первое. В родном городе Марко Поло отсутствуют какие-либо его достоверные следы, а также следы его потомков. «Могилы столь великого путешественника нет, — пишет Н. А. Морозов. — Якобы ее уничтожили в конце XVI века. И так поступили с памятью столь великого соотечественника именно тогда, когда им заинтересовались земляки?»⁵⁰⁸

Как говорится, вопрос, не требующий ответа...

«Не осталось и представителей столь славного рода, исчезнувших еще в начале XV века. Таким об-

разом, к XVI веку, когда впервые заинтересовались его биографией, никаких реальных следов Марко Поло в Венеции обнаружить не удалось»⁵⁰⁹.

Второе. Исходный язык книги Марко Поло не определен. Первое печатное издание в 1477 году было на немецком языке. Потом стали говорить, что она была написана на итальянском языке или на латыни, а в современных изданиях указывают на изначальный французский язык.

Кстати сказать, когда в 1865 году появилось французское издание с обширными комментариями Гийома Потье (в двух томах), то всех изданий на разных языках насчитывалось уже около шестидесяти.

Третье. В книге сам Марко Поло упоминается в третьем лице. Кроме того, текст был изменен, побывав под пером профессионального писателя Рустичелло (Н. А. Морозов называет его Рустичианом).

Четвертое. Со времени первой публикации в 1477 году объем книги вырос почти в 20 раз. В связи с этим, сличая разные варианты, Н. А. Морозов установил, что «материал в них расположен разнообразно», что «в отдельных параграфах много вставок, часто меняющих первоначальный смысл фразы»⁵¹⁰.

Всё это ученый называет «постепенным разбуханием книги».

Пятое. Свою книгу Марко Поло диктовал, как утверждается, своему тюремному товарищу в 1298 году. Но рукопись пизанца Рустичелло «не сохранилась, а есть только копия, напечатанная в 1824 году»⁵¹¹.

Шестое. Имеют место неопределенность и многозначность имени автора книги.

Н. А. Морозов пишет: «Транскрипции самих имен и фамилий автора очень разнообразны: в немецких изданиях XV столетия *Marcho Polo*, в латинских — *Marcus Polus*, во французских XVI столетия — *Marc*

Paul. Есть интересная транскрипция “Martpol”. Это очевидная aberrация, и я пришел к выводу, что она означает лишь одно: Martinus Polonus»⁵¹².

На основании этих и многих других фактов Н. А. Морозов пришел к выводу, что книга Марко Поло в первоначальном своем варианте была написана молодым чешско-немецким географом Мартином Бехаймом — в качестве литературной иллюстрации к изготовленному им в 1492 году глобусу.

Н. А. Морозов утверждает: «Поиски такого автора приводят лишь к одному подходящему историческому лицу, а именно, что это не кто иной, как Martinus Bohemus Sire Polonus, иначе Martinus de Bohemia или еще иначе Martinus Bohaim, родом из Нюрнберга, 1459—1506»⁵¹³.

Седьмое. В книге отсутствуют описания артефактов, традиционно относимых к Китаю. Н. А. Морозов с удивлением пишет о Марко Поло: «Живя в Китае, он решил не сообщать о китайском чае, Великой Китайской стене, фарфоре, о специально деформированных ногах женщин, китайских иероглифах, книгопечатании»⁵¹⁴.

Кроме того, Марко Поло использует для обозначения китайских мест тюркские или персидские названия. Из этого Н. А. Морозов делает вывод, «что он никогда в Китае не был и пользовался сведениями о нем из вторых рук»⁵¹⁵.

Версия Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко

В России исследования книги Марко Поло продолжили А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский. Сначала они переосмыслили аргументы Н. А. Морозова, а затем привели ряд новых соображений. В частно-

сти, они указали, что Марко Поло реально не бывал восточнее Урала и что его книга почти полностью посвящена описанию России.

Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко пишут: «Первоначальный текст Марко Поло, созданный на самом деле в XIV—XV веках, описывал Великую = “Монгольскую” империю, то есть Средневековую Русь»⁵¹⁶.

И лишь позднее, когда португальцы в начале XVI века обогнули, наконец, Африку и попали в Юго-Восточную Азию, текст Марко Поло якобы был дополнен рассказами об Индии и Китае. Как утверждают Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко, «в Средние века дополняют старую книгу новыми сведениями, — сохраняя при этом имя прежнего автора, — было обычным делом»⁵¹⁷.

Далее исследователи выражают недоумение по поводу того, что, «несмотря на его знаменитость, гремевшую в Европе, якобы, начиная с XIII века, биографией Марко Поло впервые заинтересовались лишь в XVI веке, то есть через триста лет»⁵¹⁸.

Говоря о Джованни Баттисте Рамузио, земляке и первом биографе Марко Поло (его они почему-то называют по-английски — Джоном Баптистом Рамусио), Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко утверждают, что имя этого человека можно буквально перевести на русский как Иоанн Креститель Римский. Они также особо подчеркивают тот факт, что могилы Марко Поло в Венеции нет. Также нет и ни одного достоверного портрета великого венецианца. Обращают они внимание и на то, что его книга была впервые издана не в Италии, а в Германии (и на немецком языке).

На первой странице первого издания 1477 года Марко Поло назван так: «Das ist der edel Ritter.

Marcho polo von Venedig». При этом слово «polo» написано с маленькой буквы, из чего Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко делают вывод, что его следует перевести как «поляк». То есть в книге написано: «Марк поляк фон Венедиг». Соответственно, Venedig — это не Венеция, а Венедия — западноевропейская славянская область, которую населяли западные славяне — поляки. То есть Марк был не итальянцем, а поляком из Венедии.

Ведя речь о «соавторстве» Рустичелло из Пизы, Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко констатируют: «У нас есть все основания подозревать, что сегодняшний текст Поло — это не путевые заметки, а позднесредневековый роман»⁵¹⁹.

А вот еще одно их утверждение: «Сегодня оригинала книги Марка Поло не только нет, но даже неизвестно — на каком языке он был написан. А располагаем мы лишь позднейшими рукописями и поздними изданиями на разных языках»⁵²⁰.

Далее Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко задаются вопросом: а был ли вообще Марко Поло в Китае? Сами они в этом сильно сомневаются. В качестве довода вновь приводится то обстоятельство, что Марко Поло, как выясняется, не попробовал китайского чая и не заметил Великой Китайской стены: «...семнадцать лет жил в Китае, а Китайской стены упорно не замечал. И никто ему о ней даже не рассказал»⁵²¹.

Ни словом не упоминает Марко Поло и о знаменитом китайском иероглифическом письме. Почему? По мнению Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко, Марко Поло никого не обманывал, он просто был совсем в других местах.

Развивая тезис Н. А. Морозова о том, что Марко Поло почему-то использует для названия китай-

ских мест совсем не китайские названия, Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко утверждают, что никакого несоответствия тут нет. На самом деле это якобы не «неправильные» названия. Просто исследователи совершают ошибку, «накладывая» книгу Марко Поло на современный Китай.

Самара Марко Поло — это вовсе не Суматра, а известный русский город на Волге или Сарматия, то есть Русь (Скифия). И упомянутая река Тигр — это не река в современной Турции и Ираке, а Волга. По словам Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко, «Поло Старший, путешествуя по Волге, называл ее Тигром»⁵²².

Далее эти авторы, продолжая топонимические «параллели», вообще утверждают, что Китай — это старое название Руси (почему?), Каракорум — это Крым и т. д.

Следует отметить, что подобный способ произвольного использования разных языков, когда берутся слова одного языка и им придается фонетика и смысл другого языка, — это излюбленный метод Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко (типичный пример: этрусски — это русские). «Научность» подобного метода весьма сомнительна, но зато читать такие рассуждения очень интересно.

Как бы то ни было, главные выводы Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко, устремленных в создание «новых теорий» по любому поводу, сформулированы достаточно четко. Вот они. Во-первых, «Марко Поло, по-видимому, долго путешествовал по Волге. Возможно, побывал в Великой Перми, то есть в верховьях реки Камы»⁵²³. Во-вторых, «в его книге действительно собраны описания нескольких путешествий. Быть может, нескольких различных людей»⁵²⁴.

Несколько слов в защиту Марко Поло

Ну и, наконец, в 1999 году вышла еще одна книга («Энциклопедия первооткрывателей и исследователей земли»*), обличающая Марко Поло, и написал ее некий Дитмар Хенце. Этот автор прямо объявил всю историю, изложенную в книге Марко Поло, «самым колоссальным обманом в мировой истории открытий» (*der kolossalsten Schwindel der globalen Entdeckungsgeschichte*⁵²⁵). Якобы в лучшем случае это был пересказ неких малоизвестных и очень старых арабских и персидских источников...

По мнению Дитмара Хенце, знаменитый Марко Поло — это всего лишь «жулик», дурачивший своими яркими «описаниями» всю Европу. И в качестве доказательств этой точки зрения у него приводятся всё те же отсутствия описаний Великой Китайской стены, печатных книг, чайных традиций и т. д. Кроме того, ни Марко Поло, ни его отец с дядей ни словом не упомянуты в китайских источниках, хотя китайская история — самая документированная в мире.

В связи с вышеизложенным хотелось бы вступить за отважного венецианца и сказать следующее.

Прежде всего, «не упомянуты» — это вовсе не значит, что «не были». Кроме того, совершенно не факт, что в древних китайских источниках имя Марко Поло так и должно было писаться. В этом смысле интерес представляют попытки найти нашего героя в азиатских источниках, сделанные в 1865 году Гийомом Потье. Этот француз определил венецианца как некоего По-ло (Po-lo), упомянутого в биографическом разделе «Юань-ши» династийной исто-

* Henze D. Enzyklopädie der Entdecker und Erforscher der Erde (1999).

рии Юань. Кстати сказать, и в XX веке некоторые ученые (например, Антуан Жозеф Шариньон в своей биографии Марко Поло) также придерживались этой версии.

Конечно, подобная идентификация не совсем корректна, но современная наука не стоит на месте, и, вполне вероятно, что китайский «псевдоним» венецианца еще будет расшифрован.

Да, критики Марко Поло совершенно справедливо отмечают, что невозможно не запутаться в его маршрутах, что его передвижения трудно восстановить и проследить по карте, а топонимика в его книге крайне запутана. Но означает ли это, что всё написанное является неправдой?

В конце концов, востоковеды уже расшифровали многие названия, упомянутые Марко Поло. И вывод они сделали такой: большинство китайских названий и имен собственных в книге Марко Поло дано не в китайском, а скорее в персидском варианте (например, Янгуи вместо Янчжоу, Фуги вместо Фучжоу и т. д.). Но можно ли на основании этого утверждать, что всё написанное было услышано Марко Поло где-то на ближневосточных базах или переписано из арабских источников?

Эта проблема вообще представляется надуманной, ведь даже сейчас, то есть в «продвинутом» XXI веке, у европейцев нет единого понимания того, как правильно произносить — «Хюндай» или «Хёндэ», «Мицубиси» или «Мицубиши», «суси» или «суши»? Что же тогда говорить о XIII веке, в котором вообще не существовало никакой системы транслитерации...

Более того, основным «купеческим» языком на Востоке в те далекие времена служил как раз персидский. Во всяком случае, точно не китайский.

Да, Марко Поло описал массу мест, в которых он лично не был, но он этого и не скрывает. Напротив, в первой главе его книги говорится: «Возьмите эту книгу <...> вы найдете тут необычайные всякие диковины и разные рассказы о Великой Армении, о Персии, о татарах, об Индии и о многих других странах; всё это наша книга расскажет ясно по порядку, точно так, как Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции, говорил о том, что видел своими глазами, и о том, чего сам не видел, но слышал от людей нелживых и верных. А чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное»⁵²⁶.

В связи с этим интересным представляется мнение Тима Северина — человека XX века, попытавшегося проехать по маршруту Марко Поло. В любом случае, оно более любопытно и более правомерно, чем все рассуждения теоретиков, не выходящих за пределы своего кабинета.

В своей книге «По следам Марко Поло» Тим Северин пишет: «Всякому путешественнику более всего необходим некий врожденный талант оказываться в нужном месте, когда случается что-нибудь необыкновенное, или обладать способностью самому заставлять случаться это необыкновенное. В самом деле, двое людей могут пересечь одну и ту же местность в отдельно взятой стране и вынести совершенно различные впечатления; два путешественника могут проехать по одному и тому же пути, и с одним решительно ничего не происходит, а другой участвует во всевозможных восхитительных и рискованных приключениях»⁵²⁷.

Также Северин отмечает, что маршрут Марко Поло, его отца и дяди проходил порой по крайне

глухим местам, что их путешествие сопровождалось невероятными лишениями. Попытка повторения этого, даже много веков спустя, позволяет гораздо лучше понять самого Марко.

Тим Северин пишет: «Следуя повествованию Марко по дорогам, которые он описал, невозможно было не увидеть его в новом свете, довольно отличающемся от взгляда академических ученых, погруженных в испещренные комментариями средневековые рукописи. Начать с того, что мы легко поняли, почему Марко Поло не описывал более детально повседневную жизнь стран, через которые он проезжал. Причина отчасти в том, что жизнь афганского или персидского крестьянина в основных чертах немного отличалась от жизни европейского крепостного. Индустриализация не внесла еще современных различий между жизнью Востока и Запада, и Марко по преимуществу умалчивал об этом потому, что азиатская жизнь — однообразна. От Босфора до Верхнего Памира общими факторами, которые всегда направляли жизнь обывателя, были климат и особенности местности. Эти особенности изменяются от региона к региону очень медленно, поэтому на всём пространстве Среднего Востока черты повседневной жизни по необходимости весьма схожи.

И напротив: детали, о которых Марко Поло нашел необходимым сказать, — именно те, которые запоминали и мы: высокий горный перевал, манера одеваться, местные диковинки, например ослы и дикий фрукт — всё это яркие особенности, которые остаются в памяти путешественника. Точно так же восточные сказания, например, о Горном Старце, были вставлены словно по заказу, чтобы поразить легковерную аудиторию. Несомненно, торговые ин-

тересы Марко тоже имеют место в повествовании <...> но и здесь он по преимуществу говорит об экзотических новинках. <...>

Проехав по пути Марко, мы ныне с пониманием относимся к пробелам в повествовании и к время от времени случающимся ошибкам в названиях местностей и городов. В отношении незначительных поселений, у которых не только названия звучат почти одинаково, но в которых почти одинаково выглядят улицы, в которых почти одинаково пахнет и в которых слышишь почти то же, что слышишь в других местах, — ошибки очень извинительны. К счастью, всякий раз, когда широкий поток повествования Марко уменьшается до мутной, неопределенной струйки, последователь внезапно одушевляется интригующим упоминанием о райских яблоках или горьком хлебе; загадка становится задачей, и дело за знаниями, которыми должен обладать всякий путешественник»⁵²⁸.

Проехав много километров по маршруту, описанному Марко Поло, Тим Северин делает вывод о том, что это «не затейливая сказка. Это отчет, основанный на фактах, отчет, тщательность и точность которого даже через шестьсот лет кажутся замечательными <...> Мы имеем источник данных, которые подтверждаются другими исследователями, путешествовавшими в XIII веке. Хотя описание Марко собственно путешествия наверняка не достигло бы никогда такого же признания, как его отчет о Китае, история пути на Восток по караванным дорогам тоже должна занять свое место как важный документ»⁵²⁹.

А вот слова историка Мишеля Молля, автора книги «Путешественники XIII—XVI веков»: «Не существует четкого маршрута, и поэтому сложно рас-

познать порядок перемещений Марко. <...> Иногда автор перескакивает с пятого на десятое, в книге много отступлений. Книга — это “репортаж”, охвативший почти всё, хотя Марко провел жесткий отбор описаний. В том, что касается Китая, его заметки почти всегда точны и подтверждаются соответствием с документами. <...> Преувеличения, излишняя доверчивость в отношении невероятных мифов и даже некоторые ошибки не дают права сомневаться в правдивости венецианца. Человек перед лицом смерти редко лжет, если он в здравом уме. Как говорят, монах Джакопо Чекви, исповедовавший Марко перед смертью <...> задал вопрос, “потому что в его книге много странностей, которым невозможно поверить”. Марко заверил, что не рассказал и “половины того, что видел”. Странность — не это ли удел исследователя и открывателя?»⁵³⁰

К Марко Поло, повторимся, не стоит относиться слишком строго, ведь он не был ученым в современном смысле этого слова. И он не ставил перед собой никаких комплексных научных задач. Он был простым купцом, жившим много веков назад, и он своей книгой просто хотел сказать людям: «Мир полон чудес, я в них верю — поверьте и вы».

К тому же многих вещей, очевидных для современного человека, Марко Поло просто не мог знать. Да и вжился венецианец прежде всего в монгольскую среду, и поэтому он вполне мог не придавать значения всякой «китайщине». Например, он вполне мог описывать тот же чай, не зная, что это чай. В частности, во время поездки в Тибет, в месте под названием Гаинду (Гаиндир), он увидел и описал удивительный кустарник, который он сначала принял за гвоздику.

Не зная точно, что это за растение, Марко Поло рассказывает о нем так: «Родится тут много гвоздики; то маленькое деревцо с листьями, как у лавра, только подлиннее и поуже, а цветок маленький белый, как у гвоздики»⁵³¹.

Но гвоздичные растения в долинах Тибета не культивировались. В связи с этим французский востоковед Гийом Потье сделал вывод, что Марко Поло, скорее всего, имел в виду «ассам» (*assam*) — черный крупнолистовой чай.

И чем это не ответ всем тем, кто упрекает Марко Поло в том, что он, много лет проведя в Китае, ни словом не обмолвился о чае и китайских традициях чаепития?

Более того, с чаем венецианец просто не мог быть знаком, ибо монголы, в отличие от китайцев, пили в основном кумыс, приготовленный из кобыльего молока. И, кстати, в XIII веке завоеватели Китая уничтожили большинство чайных плантаций, в результате чего культура чая в стране угасла. Возродиться же она начала уже после путешествия Марко Поло, а активную чайную торговлю с Европой Китай начал лишь в XVII веке.

Историк Оливье Жермен-Тома, вступаясь за Марко Поло, подчеркивает: «В то время чай в основном культивировался в местах, которые венецианец не посещал»⁵³². Он же отмечает и следующий факт: «Текст был написан для западной публики, более увлеченной золотом, драгоценными камнями, шелками и пряностями... И уж точно не напитком, эквивалента которому не находилось в средневековой жизни»⁵³³.

То же самое — и пеленание ног у женщин. То, что Марко Поло не упоминает об этом, совсем не удивительно, ведь женщины с подогнутыми пальцами

на ногах, туго перевязанные специальными бинтами и испытывавшие от этого адские боли, практически не выходили из дому, и он вполне мог не знать о них и о существовании подобного обычая. К тому же, как настаивает биограф Марко Поло Генри Харт, это был «чисто китайский обычай», и «его не восприняли ни монгольские, ни маньчжурские завоеватели этой страны»⁵³⁴. Примерно то же самое можно сказать и о китайских иероглифах, не упоминающихся в книге Марко Поло.

Короче говоря, как совершенно справедливо подмечает Оливье Жермен-Тома, «даже самое “ученое” исследование страны не может рассказать обо всем»⁵³⁵.

Глава четырнадцатая

НЕСОМНЕННЫЕ ЗАСЛУГИ МАРКО ПОЛО

На самом деле не важно, на каком языке был написан оригинал рассказа Марко Поло и были ли в нем упоминания о чае и Великой Китайской стене. Важно другое — что этот рассказ вообще сохранился и дошел до нас. И, несмотря на очевидную путаницу с датами, расстояниями и описаниями городов, на Марко Поло никак нельзя смотреть как на фантазера, морочащего читателей голову своими сказками о невиданных странах, людях и животных. К сожалению, такое нелестное мнение о знаменитом венецианце имеет место, и связано оно с тем, что в свое время по Европе было распространено множество подложных (сейчас бы сказали «пиратских») переводов и изданий книги Марко Поло,

наполненных вставками, порой превосходящими своим объемом описание самого путешественника.

Кто бы что ни говорил, факт остается фактом: едва ли можно назвать хоть одно средневековое сочинение описательного характера, у которого было бы столько же всевозможных вариантов, как у книги Марко Поло. Изданий и переизданий сотни, и они выходили практически на всех языках мира. Как правило, все издания снабжаются комментариями, задача которых состоит в том, чтобы разъяснить текст книги. Но, как это нередко бывает, обилие трактовок и объяснений лишь еще более запутывает читателя, что волей-неволей порождает в публике недоверие к самой книге.

Главная проблема тут заключается в том, что в каждый век на текст книги Марко Поло смотрят с позиций своего времени, что от него требуют слишком много и словно изучают под микроскопом каждое его слово, будто навязывая ему поездки по местам, где он, по всей вероятности, никогда и не бывал. А Марко Поло — не географ и не страновед, и он описывает не столько виденное им, сколько слышанное. Он не дает нам четкий отчет о командировке, а рассказывает, то есть снабжает информацией.

Чтобы было понятно: можно десять раз побывать по делам в Париже, но ни разу не посетить, например, Лувр, и при этом прекрасно знать о его существовании; а можно приехать один раз, пройти мимо него и даже не знать, что это такое. В конце концов, нет чудес, есть лишь та или иная степень знания. Вот и Марко Поло, поражаясь многим вещам, увиденным на Востоке, просто делился с европейцами своими знаниями.

Более того, можно с уверенностью сказать, что если бы Марко Поло вдруг чудом снова явился на

свет божий, он бы очень удивился и осудил своих комментаторов. Наверняка он указал бы им точный маршрут своего путешествия, а также на те источники, из которых он заимствовал данные о местах, где сам он никогда не был.

Из того, что получилось в конечном итоге из книги Марко Поло, невозможно понять, зачем трое венецианцев двигались по Средней Азии какими-то гигантскими зигзагами, хотя по логике они должны были бы очень торопиться предстать перед Хубилай-ханом. Точно так же невозможно понять, зачем на обратном пути из Китая они якобы завернули в Африку, сделав морем огромный крюк. Такие круизы конечно же уже не удивляют богатых туристов нашего века, но в конце XIII столетия люди ведь не имели тех возможностей и удобств, как сейчас.

В связи с этим хотелось бы еще раз отметить следующее:

1. Почти во всей книге говорится не от собственного имени Марко Поло, а от третьего лица, то есть как бы про Марко Поло.

2. Книгу писал не сам Марко Поло.

3. Тот человек, что писал книгу (Рустичелло или Рустичано из Пизы), делал это не под диктовку, а от себя, то есть по мотивам рассказов Марко Поло.

4. То, что Марко Поло рассказывал об Азии, не было увиденным им лично. В книге очень много того, о чем он знал из каких-то других источников. Соответственно, эти другие источники — либо услышанное им от кого-то, либо его записки, которыми он, по всей видимости, запасся в Китае.

5. Отличить описание увиденного Марко Поло лично от того, чего он лично не видел, порой крайне трудно.

6. Марко Поло явно не владел китайским языком, ибо все названия в его книге переиначены на монгольский лад, да так, что порой и китаец ничего не поймет (возможно, у Марко Поло были чьи-то переводы китайских текстов, а переводы, как известно, всегда искажают транскрипцию имен собственных).

Перечень «проблем» и «недостатков» можно продолжать и продолжать. Но при этом не нужно забывать, что создана книга Марко Поло была не вчера, а 700 лет тому назад, и рассказывал он о том, что ему удалось увидеть и узнать, по памяти. Да к тому же впервые, не имея возможности проконсультироваться, полистав справочник.

А раз так, то вывод тут может быть только один: все эти «проблемы» и «недостатки» не лишают книгу Марко Поло ее поистине выдающегося значения. Тем более что сам венецианец никогда и не утверждал, что он лично объехал всю Азию. Значение его книги заключается не в том, что Марко Поло был в той или иной азиатской стране, а в том, что он первым подробно познакомил европейцев с этой частью света.

Русский дипломат и китаевед К. А. Скачков, выступая в октябре 1865 года на заседании Императорского Русского географического общества, совершенно справедливо сказал: «На вопрос, какую Марко Поло оказал услугу, оставив потомству свою книгу, отвечать нелегко, и нелегко не потому, что из его описания, кажущегося для нашей современной науки не более как поверхностным рассказом, не видно никакой особой заслуги пред географией Азии, а потому, напротив, что эта заслуга весьма обширная, многосторонняя и многозначительная»⁵³⁶.

А вот оценка французского ученого Шарля Валькенера, автора многотомной «Истории путешествий»: «Не надобно удивляться, что краткое описание Марко Поло столько занимает ученых. Если в длинном ряду столетий искать трех знаменитостей, которые по громадности и по влиянию своих открытий всего наиболее содействовали успехам географии, то скромное имя венецианского путешественника должно быть поставлено на одной ступени вместе с именами Александра Великого и Христофора Колумба»⁵³⁷.

С этими словами нельзя не согласиться, ибо Марко Поло и в самом деле своей книгой поставил себя перед всем миром в качестве открывателя Азии, снявшего завесу таинственности с этой части света, до него едва известной европейцам. Именно он рассказал своим соотечественникам о ее географическом положении, о ее странах и народах. И надо отметить, что рассказы Марко Поло, порой слишком знакомые и порой наивные для читателей нашего века, оказались невероятной новостью для его современников.

До появления его книги люди довольствовались обрывочными сведениями об Азии, полученными благодаря военным походам Александра Македонского, из трактатов Птолемея, Плиния и других древних историков. До Марко Поло одни и те же данные кочевали из одного трактата в другой, и они были весьма сбивчивы, особенно в том, что касалось Дальнего Востока. Об Индии, например, знали лишь то, что там живут люди, питающиеся одной только рыбой, а также что там есть племена, в которых принято убивать и съедать своих одряхлевших или заболевших родителей. Ходили также истории про людей с собачьими головами, с глазами на плечах и т. п.

Да и после Марко Поло многие путешественники, бывавшие в Азии, долгое время лишь повторяли исключительно сведения из его книги.

Кстати сказать, и сам Христофор Колумб находился в полной уверенности, что он в 1492 году доплыл до Азии, и у него с собой была книга Марко Поло (латинское издание), страницы которой были буквально испещрены многочисленными заметками мореплавателя.

Великая заслуга Марко Поло состоит в том, что его рассказ открыл перед средневековой Европой Азию не дикую, а во многих областях превосходившую тогдашнюю Европу. «Он первый познакомил европейцев со странами Средней Азии, с Японией, с Тибетом и со всеми странами в Индии, а также с восточным берегом Африки, — пишет К. А. Скачков. — И он же первый <...> удивил своих современников описанием почти беспредельных могущественных владений Китая, познакомив их даже с историей и с общественным бытом китайцев в такой полноте, до какой не достигал никто из путешественников даже до XVIII столетия»⁵³⁸.

«Благодаря ему, — считает Оливье Жермен-Тома, — мы можем открыть для себя менталитет человека Средневековья»⁵³⁹. Мы можем также понять степень распространения христианства в мире, узнать очень многое об истории Востока и т. д.

Но и это еще не всё. Кроме такой громадной заслуги перед историей и географией Марко Поло оказал еще и несомненную услугу торговле, промышленности и даже просвещению в Европе.

Марко Поло был прежде всего купцом, и он не напрасно много лет прожил на Востоке. Он познакомился со многими странами и городами, побывал во многих торговых центрах в Китае и Индии.

И, как уже отмечалось, в своей книге он подробно изложил, где какие продаются товары, где находятся лучшие порты, какая монета имеется в обращении и т. д.

С этой точки зрения творение Марко Поло стало для европейцев первым коммерческим справочником по азиатским рынкам. Благодаря его книге европейские купцы узнали, куда и зачем ехать.

К этой заслуге следует также присоединить и другую, которую К. А. Скачков называет «драгоценным подарком, которым Марко Поло одарил Европу». Речь идет о китайском компасе. Не рассказы ли Марко Поло привели к тому, что уже моряки XIV века стали смелее пускаться далеко в открытое море?

Некоторые историки отвергают мысль о том, что компас был привезен в Европу из Китая. Итальянцы, например, уверены, что честь создания компаса принадлежит их соотечественнику Флавио Джойя. Но это не так. Свойства магнитной стрелки были известны китайцам с глубокой древности, причем компасами они пользовались как на море, так и на суше. Во всяком случае, у китайцев все корабли еще в XI веке были снабжены компасами, а от них эти приборы перешли к арабам. Джойя же, если верить легендам, лишь создал прототип современного компаса*.

По мнению К. А. Скачкова, «отрицать от Марко Поло честь доставления из Китая компаса было бы равнозначительно с тем, чтобы не признавать

* До Флавио Джойя компас служил лишь для определения направления север — юг, а итальянец предложил делить круг компаса на 16 частей (румбов) для определения других сторон света. Кроме того, он надел стрелку компаса на шпильку для ее лучшего вращения.

его короткое знакомство с этим прибором в Китае, где он жил 17 лет и где <...> компас находится во всеобщем употреблении. Мало того, оно было бы равнозначительно с тем, чтобы не признавать его морские путешествия; и действительно, если Марко Поло сидел несколько лет на корабле, то, казалось бы, как бы не понять ему, что корабль плывет по указке компаса»⁵⁴⁰.

То есть на самом деле китайский компас был привезен в Европу Марко Поло, а там уже его усовершенствовал изобретательный Флавио Джойя.

А еще не надо забывать и о другом сильном «двигателе торговли» — о векселе, введение которого в Европе также было инициировано информацией Марко Поло. Известно, например, что первый вексель появился у венецианских торговцев почти одновременно с компасом и при жизни Марко Поло. В своей книге Марко Поло не говорит конкретно о векселях, но зато подробно рассказывает об ассигнациях и о государственном разменном банке, учрежденном в китайской столице. Из его рассказов видно, что в царствование Хубилай-хана ни один китаец не смел пускать в оборот ни золото, ни серебро, будучи обязан представлять эти ценности в государственный банк или же в его провинциальные конторы, где взамен ценностей податели получали бумажные деньги.

Наконец, нельзя обойти молчанием и тот факт, что по инициативе Марко Поло весь образованный мир овладел таким могучим рычагом для развития просвещения, как книгопечатание. Внимательное изучение деятельности Марко Поло приводит к мысли о том, что слава Иоганна Гутенберга не может быть поколеблена, но она должна быть тесно соединена с именем Марко Поло.

Вот что пишет по этому поводу английский путешественник и исследователь старинных рукописей Роберт Керзон: «Памфило Кастальди был знаком со способом печатания на деревянных досках и пользовался этим способом в конце XIV столетия, по образцу печатных же досок, которые Марко Поло привез в Венецию из Китая. А предание нам свидетельствует, что Гутенберг, женатый на венецианке, видел такие печатные доски и, воспользовавшись ими, дошел до изобретения печатания подвижными буквами»⁵⁴¹.

К этим словам Роберта Керзона К. А. Скачков прибавляет: «Нет ничего невозможного, если Гутенберг видел не только печатные доски, а даже и подвижные китайские иероглифы или же подвижные монгольские буквы, которыми Марко Поло тоже мог запастись в Китае. Каждому бывавшему в Китае известно, что там кроме ксилографической печати издавна, хотя и в редких случаях, употребляется печатание и подвижными знаками»⁵⁴².

Чтобы было понятно: в Италии изобретателем подвижных букв считают Памфило (Памфилио) Кастальди (1390—1470), но он якобы не придумал этому своему изобретению особого значения и уступил его ростовщику Иоганну Фусту, который и учредил в 1450 году первую типографию. Однако никаких подтверждений этого факта до наших дней не дошло.

Так что в настоящее время изобретателем книгопечатания при помощи подвижных выпуклых букв (литер) принято считать Иоганна Гутенберга (1397—1468), хотя первые наборные шрифты появились в Китае за 400 лет до его рождения, где их делали из обожженной глины.

Что касается Марко Поло, то он в своей книге ни слова не говорит о печатании подвижными бук-

вами книг, зато у него подробно рассказано о деньгах, сделанных из бумаги посредством наложения на нее от руки специальных штемпелей, смоченных в краске.

А еще Марко Поло впервые описал процесс использования китайцами каменного угля для получения тепла. Он же первым привез в Европу макароны (тонкие трубочки из теста на основе рисовой муки), первые образцы фарфоровых изделий (сам он считал, что фарфор изготавливается из толченых раковин), рецепт экзотического ледяного десерта, очень напоминавшего известное теперь всем фруктовое мороженое, и многое-многое другое.

Генри Харт, рассуждая о вкладе Марко Поло в мировую культуру, констатирует: «Удивительная память Марко и его знаменитые записки <...> донесли нам столько сведений в области истории, этнографии, социологии, географии, зоологии, ботаники, экономики и быта Азии, сколько не вмещала еще ни одна книга, написанная до или после него. Даже краткий обзор всех вопросов, рассмотренных или просто затронутых в его книге, составил бы небольшую библиотеку. Перечень названных им растений и животных — за вычетом тех, определить которые по его описаниям не удастся, — занял бы не одну страницу. Придирчивые критики жалуются, что он многое упустил, хотя надо только удивиться, как много он собрал и как это всё драгоценно, — сколько сведений, рисующих Азию XIII века, бесследно канули бы в вечность, если бы их не поведал нам Марко Поло»⁵⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1862. С. 490—491.

² *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 45—46.

³ Там же. С. 45.

⁴ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 41.

⁵ *Шкловский В. Б.* Земли разведчик. М., 1969. С. 28—29.

⁶ *Rauthier G.* Introduction // *Le livre de Marco Polo.* Paris, 1865. P. III.

⁷ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 63—64.

⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 47.

⁹ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 64.

¹⁰ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // *Собрание сочинений.* Т. 1. М., 1973. С. 431—432.

¹¹ *Поло М.* Книга чудес света. Москва, 2012. С. 47—48.

¹² Там же. С. 48.

¹³ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 44—45.

¹⁴ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 452.

¹⁵ Там же. С. 461.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 45—46.

¹⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 49.

²⁰ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 46.

²¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 50.

²² *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 80.

²³ *Рохлин Л.* Улыбки Бога. Santa Rosa, 2010. С. 172.

²⁴ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 80.

²⁵ Ibid.

²⁶ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 101.

²⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 80.

- ²⁸ *Bergreen L.* Marco Polo... P. 81.
- ²⁹ История монголов. М., 2011. С. 252—253.
- ³⁰ Там же. С. 253—254.
- ³¹ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 102.
- ³² *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 83.
- ³³ *Свет Я. М.* После Марко Поло. М., 1968. С. 21.
- ³⁴ Французский посол Андре Лонжюмо в Каракоруме // Арабески истории // Каспийский транзит. М., 1996. С. 54.
- ³⁵ *Бушков А. А.* Россия, которой не было. М., 2004. С. 330.
- ³⁶ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 104.
- ³⁷ История монголов. М., 2011. С. 325.
- ³⁸ Там же. С. 342—343.
- ³⁹ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 104.
- ⁴⁰ *Дитмар А. Б.* От Птолемея до Колумба. М., 1989. С. 120.
- ⁴¹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 88.
- ⁴² *Ménard P.* Introduction // Marco Polo. Le devi-sement du monde. T. I. Genève, 2001. P. 91.
- ⁴³ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 43.
- ⁴⁴ История монголов. М., 2011. С. 444.
- ⁴⁵ Там же. С. 6.
- ⁴⁶ *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь // Сочинения. Т. 2. М., 1997. С. 66.
- ⁴⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 48.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 52.
- ⁵⁰ Там же. С. 54.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 56.
- ⁵³ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 41.
- ⁵⁴ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 57.
- ⁵⁵ Там же. С. 57—58.
- ⁵⁶ Там же. С. 58.
- ⁵⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 54.
- ⁵⁸ *Kent Z.* Marco Polo: Traveler to Central and Eastern Asia. Chicago, 1992. P. 32.

- ⁵⁹ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 59.
- ⁶⁰ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 41.
- ⁶¹ Pauthier G. Introduction // Le livre de Marco Polo. Paris, 1865. P. III.
- ⁶² Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 60.
- ⁶³ Морозов Н. А. Новый взгляд на историю Русского государства. СПб., 2007. С. 451.
- ⁶⁴ Charton É. Voyageurs anciens et modernes. T. I. Paris, 1854. P. 252.
- ⁶⁵ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 40.
- ⁶⁶ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 46.
- ⁶⁷ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 53.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 57.
- ⁷⁰ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 61.
- ⁷¹ Там же. С. 63.
- ⁷² Губер П. К. Хождение на Восток венецианского гостя Марко Поло, прозванного миллионщиком. Л., Брокгауз-Ефрон, 1929. С. 53.
- ⁷³ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 64.
- ⁷⁴ Pauthier G. Introduction // Le livre de Marco Polo. Paris, 1865. P. VI.
- ⁷⁵ Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 100.
- ⁷⁶ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 64.
- ⁷⁷ Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 100.
- ⁷⁸ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 41.
- ⁷⁹ Ibid. P. 59.
- ⁸⁰ Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 101—102.
- ⁸¹ Верн Ж. История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958. С. 62.
- ⁸² Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 102.
- ⁸³ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 78.
- ⁸⁴ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 62.
- ⁸⁵ Романов Б. С. Роковые предсказания России. М., 2006. С. 88.
- ⁸⁶ Раевский В. Ранняя история человечества. Популярное изложение библейской истории с современных позиций. Слово-Word, 2009. С. 120.

- ⁸⁷ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 82.
- ⁸⁸ *Жития святых Димитрия Ростовского.* Месяц декабрь. Дни: 1—10. Примечания. С. 14.330.
- ⁸⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 63.
- ⁹⁰ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 143.
- ⁹¹ *Шкловский В. Б.* Земли разведчик. М., 1969. С. 66.
- ⁹² *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 107.
- ⁹³ *Северин Т.* По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009. С. 92.
- ⁹⁴ *Верн Ж.* История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958. С. 62.
- ⁹⁵ *Юрченко А. Г.* Историческая география политического мифа: образ Чингисхана в мировой литературе XIII—XV вв. СПб., 2006. С. 271.
- ⁹⁶ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 65.
- ⁹⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 63.
- ⁹⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 83—84.
- ⁹⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 64.
- ¹⁰⁰ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 109.
- ¹⁰¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 85.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. С. 97.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 68.
- ¹⁰⁷ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 111.
- ¹⁰⁸ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 68.
- ¹⁰⁹ *Северин Т.* По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009. С. 139.
- ¹¹⁰ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 69.
- ¹¹¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 102.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 114.
- ¹¹⁶ *Верн Ж.* История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958. С. 63.

- ¹¹⁷ *Пашино П. И.* Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб., 1868. С. 10.
- ¹¹⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 106.
- ¹¹⁹ *Северин Т.* По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009. С. 171.
- ¹²⁰ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 107.
- ¹²¹ *Токарев М. Л.* Тайные общества смерти. М., 2005. С. 59.
- ¹²² Там же. С. 59—60.
- ¹²³ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 109.
- ¹²⁴ Там же. С. 110.
- ¹²⁵ Там же. С. 111.
- ¹²⁶ *Северин Т.* По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009. С. 151.
- ¹²⁷ Там же. С. 152.
- ¹²⁸ *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009. С. 291.
- ¹²⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 112.
- ¹³⁰ *Северин Т.* По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009. С. 152.
- ¹³¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 113.
- ¹³² *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 77.
- ¹³³ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 114.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. С. 115.
- ¹³⁶ *Абдуллаев Э.* Позывной — «Кобра» // Наш современник. Вып. 7—9. 1998. С. 212.
- ¹³⁷ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 77.
- ¹³⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 118.
- ¹³⁹ *Лукницкий П. Н.* Путешествия по Памиру. М., 1995. С. 335.
- ¹⁴⁰ *Агаханянц О. Е.* За растениями по горам Средней Азии. М., 1972. С. 128.
- ¹⁴¹ *Искандаров Б. И.* Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (X в. — первая половина XIX в.). Душанбе, 1983. С. 35.
- ¹⁴² *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 119.
- ¹⁴³ *Венюков М. И.* О Памире и верховьях Аму-Дарьи // Записки Императорского русского географического общества / Под ред. А. Н. Бекетова. СПб., 1861. С. 145.
- ¹⁴⁴ *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Т. 5. СПб., 1869. С. 501.

- ¹⁴⁵ *Ritter K.* Землеведение... С. 163.
- ¹⁴⁶ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 150.
- ¹⁴⁷ На «Крыше мира». Исторические очерки о памиро-алтайских киргизах. Фрунзе, 1983. С. 51.
- ¹⁴⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 119.
- ¹⁴⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 96.
- ¹⁵⁰ Записки Русского географического общества. Кн. III. СПб., 1848. С. 33.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² *Лебедев Н. К.* Завоевание земли. Популярная история географических открытий и путешествий. Т. I. М., 1947. С. 72.
- ¹⁵³ *Верн Ж.* История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958. С. 64.
- ¹⁵⁴ *Бартольд В. В.* Работы по исторической географии // Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 554.
- ¹⁵⁵ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 98.
- ¹⁵⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 124.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 125.
- ¹⁵⁸ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 122.
- ¹⁵⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 127.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 127—128.
- ¹⁶¹ *Ritter K.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Т. 5. СПб., 1869. С. 22—23.
- ¹⁶² *Кычанов Е. И.* Очерки истории тангутского государства. М., 1968. С. 316.
- ¹⁶³ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 129.
- ¹⁶⁴ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т. I. М., 1973. С. 465.
- ¹⁶⁵ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 130.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 131—132.
- ¹⁶⁷ *Юдин Ю. Б.* Черный квадрат. Кемерово, Кузбассвузиздат, 2005. С. 110.
- ¹⁶⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 133—134.
- ¹⁶⁹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 124.
- ¹⁷⁰ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 136.
- ¹⁷¹ Там же. С. 137.
- ¹⁷² *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 87.
- ¹⁷³ Ibid. P. 88.

- ¹⁷⁴ *Бартольд В. В.* Работы по исторической географии // Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 396.
- ¹⁷⁵ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 128.
- ¹⁷⁶ Мифология. Энциклопедия. М., 2002. С. 87.
- ¹⁷⁷ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 94.
- ¹⁷⁸ *Верн Ж.* История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958. С. 66.
- ¹⁷⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 156—157.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 172.
- ¹⁸¹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Venezia a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 146.
- ¹⁸² *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 172.
- ¹⁸³ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 132.
- ¹⁸⁴ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 66.
- ¹⁸⁵ *Bergreen L.* Marco Polo. De Venezia a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 145.
- ¹⁸⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 68.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 197.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 177—178.
- ¹⁸⁹ *Коломийцев И. П.* Тайны Великой Скифии. М., 2005. С. 174.
- ¹⁹⁰ История монголов. М., 2011. С. 345.
- ¹⁹¹ *Мифтахов З. З.* Курс лекций по истории татарского народа. Ч. 1. Казань, 1998. С. 439.
- ¹⁹² История монголов. М., 2011. С. 275—276.
- ¹⁹³ *Филлипс Ю. Д.* Монголы. Основатели империи Великих ханов (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/fillips/01.php).
- ¹⁹⁴ *Bergreen L.* Marco Polo. De Venezia a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 146.
- ¹⁹⁵ *Филлипс Ю. Д.* Монголы. Основатели империи Великих ханов (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/fillips/01.php).
- ¹⁹⁶ *Bergreen L.* Marco Polo. De Venezia a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 146.
- ¹⁹⁷ *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009. С. 318.
- ¹⁹⁸ Там же.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Там же. С. 319.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² *Гумилёв Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1994. С. 190.

- ²⁰³ История монголов. М., 2011. С. 445.
- ²⁰⁴ *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009. С. 319—320.
- ²⁰⁵ *Бартольд В. В.* Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996. С. 317.
- ²⁰⁶ *Гумилёв Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1994. С. 191.
- ²⁰⁷ *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009. С. 319—320.
- ²⁰⁸ *Гумилёв Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1994. С. 191.
- ²⁰⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 149.
- ²¹⁰ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 103.
- ²¹¹ *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009. С. 321.
- ²¹² *Чулууны Д.* Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983. С. 163.
- ²¹³ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 141.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 497.
- ²¹⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 68.
- ²¹⁷ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 234.
- ²¹⁸ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 68.
- ²¹⁹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 142.
- ²²⁰ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 193.
- ²²¹ Ibid.
- ²²² *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 141.
- ²²³ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 68.
- ²²⁴ Там же. С. 69.
- ²²⁵ Там же. С. 237—238.
- ²²⁶ Там же. С. 238.
- ²²⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 155.
- ²²⁸ *Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009. С. 327.
- ²²⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 160.
- ²³⁰ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 471.
- ²³¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 69.
- ²³² Там же. С. 70.

- ²³³ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 70.
- ²³⁴ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 120.
- ²³⁵ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 230.
- ²³⁶ Там же.
- ²³⁷ Там же. С. 233.
- ²³⁸ История монголов. М., 2011. С. 352.
- ²³⁹ Там же. С. 352—353.
- ²⁴⁰ Там же. С. 356—357.
- ²⁴¹ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 241—242.
- ²⁴² Твен М. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1980. С. 486.
- ²⁴³ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 233.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Там же. С. 230.
- ²⁴⁶ Там же. С. 231.
- ²⁴⁷ Heers J. Marco Polo. Paris, 1983. P. 244.
- ²⁴⁸ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 193.
- ²⁴⁹ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 296.
- ²⁵⁰ Там же. С. 217.
- ²⁵¹ Там же. С. 217—218.
- ²⁵² Там же. С. 296—297.
- ²⁵³ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 235.
- ²⁵⁴ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 298.
- ²⁵⁵ Там же. С. 297.
- ²⁵⁶ Там же. С. 299.
- ²⁵⁷ Там же. С. 296.
- ²⁵⁸ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 237.
- ²⁵⁹ Ibid.
- ²⁶⁰ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 299.
- ²⁶¹ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 139—140.
- ²⁶² Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 308.
- ²⁶³ Там же. С. 309.
- ²⁶⁴ Там же. С. 298.
- ²⁶⁵ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 140.
- ²⁶⁶ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 260.
- ²⁶⁷ Харт Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 147.
- ²⁶⁸ Муромов И. А. Сто великих путешественников. М., 2000. С. 63.
- ²⁶⁹ Верн Ж. История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958. С. 73.

- ²⁷⁰ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 147.
- ²⁷¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 283.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ *Шкловский В. Б.* Земли разведчик. М., 1969. С. 128.
- ²⁷⁴ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 135.
- ²⁷⁵ Ibid.
- ²⁷⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 72.
- ²⁷⁷ *Бушков А. А.* Россия, которой не было. М., 2004. С. 241.
- ²⁷⁸ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 301.
- ²⁷⁹ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 126—127.
- ²⁸⁰ Ibid. P. 128.
- ²⁸¹ *Поло М.* Книга чудес света. М. 2012. С. 251—252.
- ²⁸² Там же. С. 254.
- ²⁸³ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 142.
- ²⁸⁴ Там же. С. 135.
- ²⁸⁵ Там же.
- ²⁸⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 199.
- ²⁸⁷ Там же.
- ²⁸⁸ Там же. С. 200.
- ²⁸⁹ Там же.
- ²⁹⁰ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 135.
- ²⁹¹ Там же.
- ²⁹² История монголов. М., 2011. С. 346.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 231.
- ²⁹⁵ Там же.
- ²⁹⁶ Там же. С. 267—268.
- ²⁹⁷ Там же. С. 305—306.
- ²⁹⁸ История монголов. М., 2011. С. 242.
- ²⁹⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 172.
- ³⁰⁰ Там же. С. 225.
- ³⁰¹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 148.
- ³⁰² *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 228—229.
- ³⁰³ Там же. С. 224.
- ³⁰⁴ Там же. С. 203—204.
- ³⁰⁵ Там же. С. 204.
- ³⁰⁶ Там же.
- ³⁰⁷ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 143.
- ³⁰⁸ Там же. С. 150—151.
- ³⁰⁹ Там же. С. 151.
- ³¹⁰ Там же.

- ³¹¹ *Bergreen, L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 334.
- ³¹² Ibid.
- ³¹³ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 151.
- ³¹⁴ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 162.
- ³¹⁵ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 152.
- ³¹⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 71.
- ³¹⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 336.
- ³¹⁸ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 154.
- ³¹⁹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 71.
- ³²⁰ Там же. С. 71—72.
- ³²¹ Там же. С. 72.
- ³²² Там же.
- ³²³ Там же.
- ³²⁴ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 507.
- ³²⁵ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 73.
- ³²⁶ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 340.
- ³²⁷ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 73.
- ³²⁸ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 157.
- ³²⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 340.
- ³³⁰ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 73.
- ³³¹ Там же.
- ³³² Там же. С. 323.
- ³³³ *Бушков А. А.* Россия, которой не было. М., 2004. С. 247.
- ³³⁴ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 265.
- ³³⁵ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 158.
- ³³⁶ *Вернадский В. И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 100.
- ³³⁷ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 324—325.
- ³³⁸ Там же. С. 326—329.
- ³³⁹ Общество и государство в Китае. Материалы XXXVII научной конференции. М., 2007. С. 65.
- ³⁴⁰ Там же. С. 69.
- ³⁴¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 332.
- ³⁴² Там же. С. 334.
- ³⁴³ Там же. С. 335.
- ³⁴⁴ Там же.
- ³⁴⁵ Там же.

- ³⁴⁶ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 160.
- ³⁴⁷ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 338.
- ³⁴⁸ Там же.
- ³⁴⁹ Там же.
- ³⁵⁰ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 305.
- ³⁵¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 346—347.
- ³⁵² Там же. С. 347.
- ³⁵³ Там же. С. 350.
- ³⁵⁴ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 162.
- ³⁵⁵ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 352.
- ³⁵⁶ Там же.
- ³⁵⁷ Там же. С. 355.
- ³⁵⁸ Там же. С. 366.
- ³⁵⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 315.
- ³⁶⁰ Ibid.
- ³⁶¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 366—368.
- ³⁶² Там же. С. 377—378.
- ³⁶³ Там же. С. 379—380.
- ³⁶⁴ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 157.
- ³⁶⁵ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 387.
- ³⁶⁶ Там же. С. 387—388.
- ³⁶⁷ Там же. С. 388.
- ³⁶⁸ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 165.
- ³⁶⁹ Там же. С. 166.
- ³⁷⁰ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 397.
- ³⁷¹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 166—167.
- ³⁷² *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 330.
- ³⁷³ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 157.
- ³⁷⁴ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 392—394.
- ³⁷⁵ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 167.
- ³⁷⁶ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 344.
- ³⁷⁷ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 167.
- ³⁷⁸ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 157.
- ³⁷⁹ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 516.
- ³⁸⁰ Там же. С. 518.
- ³⁸¹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 169.
- ³⁸² *Бартольд В. В.* Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 2003. С. 148.

- ³⁸³ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 73.
- ³⁸⁴ Харп Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 174.
- ³⁸⁵ Поло М. Книга чудес света. М., 2012. С. 74.
- ³⁸⁶ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 343.
- ³⁸⁷ Шкловский В. Б. Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 507.
- ³⁸⁸ Харп Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 172.
- ³⁸⁹ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 183.
- ³⁹⁰ Харп Г. Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 172—173.
- ³⁹¹ Там же. С. 175.
- ³⁹² Шкловский В. Б. Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 523.
- ³⁹³ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 352.
- ³⁹⁴ Wood F. The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia. Berkeley and Los Angeles, 2002. P. 125.
- ³⁹⁵ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 355.
- ³⁹⁶ Cappelletti G. Storia della repubblica di Venezia. Volume III. Venezia, 1850. P. 128.
- ³⁹⁷ Ibid. P. 129.
- ³⁹⁸ Ibid. P. 130.
- ³⁹⁹ Ibid.
- ⁴⁰⁰ Ibid.
- ⁴⁰¹ Ibid.
- ⁴⁰² Ibid. P. 131.
- ⁴⁰³ Норвич Дж. История Венецианской республики (<http://www.litmir.net/br/?b=135326&p=44>).
- ⁴⁰⁴ Bergreen L. Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 359.
- ⁴⁰⁵ Норвич Дж. История Венецианской республики (<http://www.litmir.net/br/?b=135326&p=43>).
- ⁴⁰⁶ Там же. (<http://www.litmir.net/br/?b=135326&p=45>).
- ⁴⁰⁷ Там же.
- ⁴⁰⁸ Там же. (<http://www.litmir.net/br/?b=135326&p=46>).
- ⁴⁰⁹ Там же.
- ⁴¹⁰ Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990. С. 75.
- ⁴¹¹ Шкловский В. Б. Земли разведчик. М., 1969. С. 171.
- ⁴¹² Gaudio A. Sur les traces de Marco Polo. Paris, 2002. P. 198.
- ⁴¹³ Germain-Thomas O. Marco Polo. Paris, 2010. P. 191.

- ⁴¹⁴ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 278.
- ⁴¹⁵ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т 1. М., 1973. С. 533.
- ⁴¹⁶ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 363.
- ⁴¹⁷ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 44.
- ⁴¹⁸ Там же. С. 43.
- ⁴¹⁹ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 240.
- ⁴²⁰ Там же.
- ⁴²¹ Там же.
- ⁴²² *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 364.
- ⁴²³ *Богданов В. М., Носов Н. В.* «Слово о полку Игореве», великая мистификация. СПб., 2005. С. 94.
- ⁴²⁴ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 364.
- ⁴²⁵ Ibid.
- ⁴²⁶ *Ирвинг В.* История жизни и путешествий Христофора Колумба. Т. 4. СПб., 1837. С. 211—212.
- ⁴²⁷ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 225.
- ⁴²⁸ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 197.
- ⁴²⁹ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 38.
- ⁴³⁰ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 230.
- ⁴³¹ Там же. С. 227.
- ⁴³² Там же. С. 228.
- ⁴³³ Там же. С. 229.
- ⁴³⁴ *Venetian Adventurer: The Life and Times of Marco Polo.* New-York, 1942. P. 210.
- ⁴³⁵ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 46.
- ⁴³⁶ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 234.
- ⁴³⁷ *The Travels of Marco Polo: The Complete Yule-Cordier Edition.* Volume 2. London, 1993. P. 51.
- ⁴³⁸ *Archivio Veneto-Tridentino.* Venezia: A spese della R. Deputazione, 1926. P. 6.
- ⁴³⁹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 234.
- ⁴⁴⁰ Там же.
- ⁴⁴¹ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 197.
- ⁴⁴² *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 231.
- ⁴⁴³ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 371.
- ⁴⁴⁴ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 232.
- ⁴⁴⁵ *Pernot, François.* Les routes de soie. Paris, 2007. P. 127.

- ⁴⁴⁶ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 273.
- ⁴⁴⁷ Venetian Adventurer: The Life and Times of Marco Polo. New-York, 1942. P. 249.
- ⁴⁴⁸ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 273.
- ⁴⁴⁹ Там же. С. 274.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 275.
- ⁴⁵¹ Там же.
- ⁴⁵² Там же. С. 276.
- ⁴⁵³ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 378.
- ⁴⁵⁴ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 272—273.
- ⁴⁵⁵ Venetian adventurer: being an account of the life and times and of the book of Messer Marco Polo. Stanford University Press, 1947. P. 250.
- ⁴⁵⁶ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 234.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 233.
- ⁴⁵⁸ *Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983. P. 28.
- ⁴⁵⁹ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 234.
- ⁴⁶⁰ Там же. С. 239.
- ⁴⁶¹ *Гуковский М. А.* Итальянское возрождение. Л., 1990. С. 75.
- ⁴⁶² *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 239.
- ⁴⁶³ *Daru P-A-N-B.* Histoire de la République de Venise. T. VIII. Paris, 1853. P. 397.
- ⁴⁶⁴ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 239.
- ⁴⁶⁵ Там же. С. 239—240.
- ⁴⁶⁶ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 374.
- ⁴⁶⁷ Ibid.
- ⁴⁶⁸ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 240.
- ⁴⁶⁹ *Daru P-A-N-B.* Histoire de la République de Venise. T. VIII. Paris, 1853. P. 418.
- ⁴⁷⁰ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 240—241.
- ⁴⁷¹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 375.
- ⁴⁷² Ibid.
- ⁴⁷³ Ibid.
- ⁴⁷⁴ Ibid.
- ⁴⁷⁵ Ibid. P. 377.
- ⁴⁷⁶ Ibid. P. 378.
- ⁴⁷⁷ Ibid.
- ⁴⁷⁸ *Pernot F.* Les routes de soie. Paris, 2007. P. 127.

⁴⁷⁹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 379.

⁴⁸⁰ Le livre de Marco Polo citoyen de Venise. Deuxième partie. Paris, 1865. P. 765—766.

⁴⁸¹ Ibid. P. 766.

⁴⁸² Ibid. P. 766—767.

⁴⁸³ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 380.

⁴⁸⁴ Venetian Adventurer: The Life and Times of Marco Polo New-York, 1942. P. 246.

⁴⁸⁵ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 364.

⁴⁸⁶ Ibid. P. 382.

⁴⁸⁷ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 198.

⁴⁸⁸ *Шкловский В. Б.* Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973. С. 545.

⁴⁸⁹ Древнейшие путешествия иностранцев по России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Год четвертый. Кн. 1. М., 1848. С. 72.

⁴⁹⁰ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 199.

⁴⁹¹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 385.

⁴⁹² *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 199.

⁴⁹³ *Ирвинг В.* История жизни и путешествий Христофора Колумба. Т. 4. СПб., 1837. С. 214.

⁴⁹⁴ Известия Императорского русского географического общества. Журнал общего собрания от 6 октября 1865 года. С. 150.

⁴⁹⁵ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 193—194.

⁴⁹⁶ *Ирвинг В.* История жизни и путешествий Христофора Колумба. Т. 4. СПб., 1837. С. 216—217.

⁴⁹⁷ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 384.

⁴⁹⁸ Ibid.

⁴⁹⁹ *Dessaix R.* Lettere Di Notte. Roma, 1998. P. 72.

⁵⁰⁰ Не стыдно и оглянуться. Выступления, интервью, статьи, документы. Рига, 2002. С. 195.

⁵⁰¹ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 409.

⁵⁰² *Магидович И. П.* Вступительная статья // Книга чудес света. М., 2012. С. 39.

⁵⁰³ *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей (XIII—XVII вв.). М., 2006. С. 24.

⁵⁰⁴ *Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009. P. 401.

⁵⁰⁵ Ibid.

⁵⁰⁶ *Squires N.* Explorer Marco Polo «never actually went to China» // The Telegraph. 09.08.2011 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/8691111>).

⁵⁰⁷ *Kaveny R.* Kaveny's Rewiew // New Statesman 126. 24.10.1997. P. 45.

⁵⁰⁸ *Морозов Н. А.* Новый взгляд на историю Русского государства. СПб., 2007. С. 445.

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Там же. С. 446.

⁵¹¹ Там же. С. 447.

⁵¹² Там же. С. 448.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Там же. С. 451.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М., 1996. С. 434.

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Там же. С. 435.

⁵¹⁹ Там же. С. 437.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. С. 441.

⁵²³ Там же. С. 455.

⁵²⁴ Там же. С. 452.

⁵²⁵ *Henze D.* Enzyklopädie der Entdecker und Erforscher der Erde. Graz, 1999. S. 377.

⁵²⁶ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 43.

⁵²⁷ *Северин Т.* По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009. С. 170.

⁵²⁸ Там же. С. 171—172.

⁵²⁹ Там же. С. 172.

⁵³⁰ *Дреж Ж. П.* Марко Поло и Шелковый путь. М., 2006. С. 157.

⁵³¹ *Поло М.* Книга чудес света. М., 2012. С. 235.

⁵³² *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 32.

⁵³³ Ibid.

⁵³⁴ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 146.

⁵³⁵ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 33.

⁵³⁶ *Скачков К. А.* О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1865. С. 218.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Там же. С. 221.

⁵³⁹ *Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010. P. 203.

⁵⁴⁰ *Скачков К. А.* О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1865. С. 224.

⁵⁴¹ Там же. С. 225.

⁵⁴² Там же.

⁵⁴³ *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1999. С. 288.

ХРОНОЛОГИЯ (ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ МАРКО ПОЛО)

- 1241, 10 ноября* — смерть папы Целестина IV (в миру Пьетро Джофредо Кастильони).
- 1243, 25 июня* — избрание папой Иннокентия IV (в миру Санибальдо Фиески).
- 1250* — приезд Никколо и Маттео Поло в Константинополь.
- 1254* — монголы захватили Юньнань и вторглись в Индокитай. Одновременно с этим Хулагу, брат великого хана Мункэ, расширил пределы империи до подходов к Египту.
- 15 сентября* — рождение Марко Поло.
- 7 декабря* — смерть папы Иннокентия IV.
- 12 декабря* — избрание папой Александра IV (в миру Ринальдо Конти).
- 1258, 10 февраля* — взятие и разграбление монголами Багдада. Великий хан Мункэ послал Хубилая, своего брата, завоевывать Китай. Тот овладел практически всей Азией, покорил Корею и Чампу (Вьетнам).
- 1259, 11 августа* — смерть Мункэ, четвертого великого хана Монгольской империи.
- 1260* — вступление на престол Хубилай-хана, брата Мункэ. Провозглашение Хубилая великим ханом Монгольской империи.
- Хубилай-хан напал на Южный Китай.
- 1261, 25 мая* — смерть папы Александра IV.
- 14 августа* — никейский император Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь, изгнал Балдуина II де Куртене и провозгласил себя византийским императором.
- 29 августа* — избрание папой Урбана IV (в миру Жака Панталеона Кур-Пале).
- 1264, 2 октября* — смерть папы Урбана IV.
- 1265, 5 февраля* — избрание папой Климента IV (в миру Ги Фулькруа Ле Гро).
- 8 февраля* — смерть Хулагу, брата великого хана Мункэ и внука Чингисхана.
- Никколо и Маттео Поло встретились с Хубилай-ханом.

- 1266 — Хубилай-хан перенес столицу Монгольской империи из Каракорума в местность рядом с бывшей столицей империи Цзинь. Ее назвали Даду или Ханбалык (позже город был переименован в Пекин).
- 1268, 29 ноября — смерть папы Климента IV.
- 1269 — возвращение Никколо и Маттео Поло в Венецию.
- 1271 — отъезд Никколо, Маттео и Марко Поло из Венеции.
1 сентября — избрание папой Григория X (в миру Теобальдо Висконти).
Хубилай-хан овладел большей частью Китая и основал новую династию, дав ей имя Юань.
- 1272 — Даду (Ханбалык) официально стал столицей династии Юань.
- 1273 — введение Хубилай-ханом в обращение бумажных денег.
- 1274 — попытка монголов завладеть Японией.
- 1275 — приезд Никколо, Маттео и Марко Поло ко двору Хубилай-хана.
- 1276, 10 января — смерть папы Григория X.
21 января — избрание папой Иннокентия V (в миру Пьетро де Тарантасиа).
- 1279 — войска Хубилай-хана разгромили империю Сун, погиб последний сунский император, и Хубилай-хан окончательно присоединил Китай к Монголии.
- 1280 — Хубилай-хан провозгласил себя императором Китая. Династия Юань стала господствовать на всей территории Китая.
- 1285 — смерть Чинкима (Чжэнь-цзиня), сына Хубилая, которого тот провозгласил своим наследником.
- 1291 — Хубилай-хан разделил свою империю на 12 провинций.
- 1293 — прибытие Никколо, Маттео и Марко Поло в Ормуз.
- 1294, 18 февраля — смерть Хубилай-хана.
- 1295 — возвращение Никколо, Маттео и Марко Поло в Венецию.
- 1298, 8 сентября — морское сражение флотов Генуи и Венеции у острова Корчула (Курцола), что в Адриатическом море. Марко Поло попал в генуэзский плен.
Сентябрь — знакомство в плену с Рустичелло (или Рустичано) из Пизы.
- 1299, 25 мая — заключение мира между Венецией и Генуей.
Июль — освобождение Марко Поло из генуэзского плена.

- 1300 — брак Марко с Донатой Бадоев, дочерью богатого венецианского купца Витале Бадоев.
Рождение Фантины, дочери Марко Поло.
- 1303 — рождение Беллелы, дочери Марко Поло.
- 1305 — рождение Мореты, дочери Марко Поло.
- 1307 — Марко Поло подарил копию рукописи своей книги на французском языке Тибо де Сепуа, который потом передал его Шарлю де Валуа (сыну Филиппа Смелого).
- 1310 — Марко Поло передал монаху-доминиканцу Франческо Пипино из Болоньи один экземпляр своей книги для перевода на латынь.
- 1311, 13 августа — смерть Пьетро Градениго, 49-го дожа Венеции.
23 августа — Мариино Цорци стал 50-м дожем Венеции.
- 1312, 3 июля — смерть Мариино Цорци.
13 июля — Джованни Созанцо стал 51-м дожем Венеции.
- 1324, 8 января — смерть Марко Поло.
- 1477 — выход в свет в Нюрнберге первого печатного издания книги Марко Поло.
- 1481 — переиздание книги Марко Поло в Аугсбурге.
- 1496 — выход в свет первого издания книги Марко Поло на итальянском языке.
- 1556 — выход в свет первого французского издания книги Марко Поло (перевода с латинской версии Франческо Пипино).
- 1557 — выход в свет окончательной версии книги Марко Поло (автор — Джованни Баттиста Рамузио).
- 1824 — выход в свет книги Марко Поло с примечаниями Гийома Потье.
- 1861—1862 — выход в свет первого русского перевода книги Марко Поло А. Н. Шемякина.
- 1875 — выход в свет «Книги господина Марко Поло, венецианца» Генри Юла.
- 1921 — переиздание книги Генри Юла в трех томах (автор третьего дополнительного тома — Анри Кордье).
- 1938 — выход в свет самой полной версии книги Марко Поло (авторы — Артур Кристофер Моул и Поль Пельо).

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей (XIII—XVII вв.). М., 2006.

Бартольд В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 2003.

Бартольд В. В. Работы по исторической географии // Сочинения. Т. III. М., 1965.

Бартольд В. В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996.

Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2011. С. 9—234.

Верн Ж. История великих путешествий. Открытие земли/Пер. Е. П. Брандиса. Л., 1958.

Губер П. К. Хождение на Восток венецийского гостя Марко Поло, прозванного миллионщиком. М., 1929.

Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.

Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 2002.

Дитмар А. Б. От Птолея до Колумба. М., 1989.

Древнейшие путешествия иностранцев по России/Пер. А. Клеванова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Год четвертый. Кн. 1. М., 1848.

Дреж Ж. П. Марко Поло и Шелковый путь/Пер. И. С. Бородычевой. М., 2006.

Дубровская Д. В. Марко Поло: презумпция невиновности // Вокруг света. 2007. № 3.

Ирвинг В. История жизни и путешествий Христофора Колумба. Т. IV. СПб., 1837.

Кадырбаев А. Ш. Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция. М., 2009. С. 56—75.

Карпини Дж. История монгалов, именуемых татарами // История монголов. М., 2011. С. 237—324.

Книга о разнообразии мира: Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло/Пер. И. М. Минаева. М., 1997.

Лэн-Пуль Ст. Монголы XIII—XVIII вв. // История монголов. М., 2011. С. 436—476.

Магидович И. П. Вступительная статья // Книга чудес света. Москва, 2012.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. Т. 1. М., 1949.

Минаев И. П. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902.

Морозов Н. А. Новый взгляд на историю Русского государства. СПб., 2007.

Мэн Дж. Хубилай: от Ксанаду до сверхдержавы/Пер. В. Федорова. М.; Владимир, 2008.

Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М., 1996.

Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб., 1868.

Поло М. Книга чудес света/Пер. И. П. Минаева. М., 2012.

Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. М., 2009.

Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Т. 5. СПб., 1869.

Россаби М. Золотой век империи монголов/Пер. С. В. Иванова). СПб., 2009.

Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны (фрагменты) // История монголов. М., 2011. С. 325—357.

Северин Т. По следам Марко Поло. Дорогами Чингисхана. М., 2009.

Скачков К. А. О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1865.

Токарев М. Л. Тайные общества смерти. Очерки истории террористических организаций. М., 2005.

Филлипс Ю. Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М., 2004.

Харт Г. Венецианец Марко Поло/Пер. Н. В. Банникова. М., 1999.

Шкловский В. Б. Марко Поло // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1973.

Шкловский В. Б. Земли разведчик. М., 1969.

Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа: образ Чингисхана в мировой литературе XIII—XV вв. М., 2006.

На иностранных языках

- Alexander C.* The Way to Xanadu. New York, 1994.
- Allulli R.* Marco Polo. Turin, 1924.
- Bonvalot G.* Marco Polo. Paris, 1924.
- Bergreen L.* Marco Polo. De Veneza a Xanadu. Rio de Janeiro, 2009.
- Cappelletti G.* Storia della repubblica di Venezia. Volume III. Venezia, 1850.
- Charton É.* Voyageurs anciens et modernes. T. I. Paris, 1854.
- Collis M.* Marco Polo. London, 1950.
- Cordier H.* Histoire Générale de la Chine. Paris, 1920.
- Cordier H.* Centenaire de Marco Polo. Paris, 1896.
- Daru P.-A.-N.-B.* Histoire de la République de Venise. T. VIII. Paris, 1853.
- Del Guerra G.* Rustichello da Pisa. Pisa, 1955.
- Forman W. & Burland C.* The Travels of Marco Polo. New York, 1970.
- Foscolo B.* Il Milione. Milan, 1932.
- Franchi S.* L'itinerario di Marco Polo in Persia. Torino, 1941.
- Franke H.* Sino-Western Contacts Under the Mongol Empire // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. 1966. № 6.
- Gallo R.* Marco Polo; la sua famiglia e il suo libro // Nel settimo centenario della nascita di Marco Polo. Venice, 1954.
- Gaudio A.* Sur les traces de Marco Polo. Paris, 1955.
- Gernet J.* Daily Life in China on the Eve of the Mongol Invasion (1250—1276). Stanford, 1962.
- Germain-Thomas O.* Marco Polo. Paris, 2010.
- Grandbois A.* Les voyages de Marco Polo. Paris, 1941.
- Hambis L.* La Description du Monde. Paris, 1955.
- Heers J.* Marco Polo. Paris, 1983.
- Humble R.* Marco Polo. New York, 1975.
- Kent Z.* Marco Polo: Traveler to Central and Eastern Asia. Chicago, 1992.
- Komroff M.* Contemporaries of Marco Polo. New York, 1928.
- Komroff M.* The Travels of Marco Polo. New York, 1926.
- Langlois J.* China Under Mongol Rule. Princeton, 1981.
- Larner J.* Marco Polo and the Discovery of the World. Yale University Press, 1999.
- Lazari V.* Viaggi di Marco Polo, descritti da Rusticiano di Pisa, tradotti per la prima volta dall'originale francese. Venice, 1847.

- Lister R.* Marco Polo's Travels in Xanadu with Kublai Khan. London, 1976.
- Mandeville J. de.* Le livre des merveilles du monde. Paris, 2000.
- Marsden W.* The Travels of Marco Polo. London, 1818.
- Marshall R.* Storm from the East: From Genghis Khan to Kublai Khan. University of California Press, 1993.
- Ménard P.* Marco Polo à la découverte de l'Asie. Paris, 2009.
- Ménard P.* Introduction // Marco Polo. Le dévisement du monde. T. I. Genève, 2001.
- Mollat M.* Les explorateurs du XIII au XVI siècle. Paris, 1984.
- Murray H.* The Travels of Marco Polo. Edimbourg, 1844.
- Norwich J. J.* A History of Venice. New York, 1989.
- Olschki L.* L'Asia di Marco Polo. Venezia, 1962.
- Olschki L.* Il Milione. Florence, 1928.
- Orlandini G.* Marco Polo e la sua famiglia. Venezia, 1926.
- Pasini L.* I viaggi di Marco Polo. Venezia, 1847.
- Pauthier G.* Introduction // Le livre de Marco Polo. Paris, 1865.
- Pelliot P.* Notes sur Marco Polo. Paris, 1959—1963. — 3 vol.
- Pelliot P.* Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Paris, 1973.
- Penzer N. M.* The most noble and famous Travels of Marco Polo. London, 1929.
- Pereira F.* Marco Paulo. Lisboa, 1922.
- Pernot F.* Les routes de soie. Paris, 2007.
- Polo M.* The Travels of Marco Polo. The Complete Yule-Cordier Edition. New York, 1993. — 2 vol.
- Polo M.* The Description of the world (translated and annotated by A. C. Moule and P. Pelliot). London, 1938. — 4 vol.
- Rachwiltz I. de.* Marco Polo Went to China // Zentralasiatische Studien. 1997. № 27. S. 34—92.
- Rachwiltz I. de.* Papal Envoys to the Great Khans. Stanford University Press, 1971.
- Racine P.* Marco Polo et ses voyages. Paris, 2012.
- Renouard Y.* Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. Paris, 1968.
- Rossabi M.* Khubilai Khan: His Life and Times. University of California Press, 1988.
- Saunders J. J.* The History of the Mongol Conquests. London, 1971.
- Turpaud M.* Les merveilleux voyages de Marco Polo dans l'Asie de XIIIe siècle. Paris, 1929.

- Waley A.* The Secret History of the Mongols. London, 1963.
- Watanabe H.* Marco Polo Bibliography: 1477—1983. Tokyo, 1986.
- Wood F.* Did Marco Polo Go to China? London, 1995.
- Wood F.* The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia. University of California Press, 2002.
- Wright T.* The Travels of Marco Polo. Londres, 1854.
- Yule H.* The Book of Ser Marco Polo, the Venetian. London, 1871.
- Zorzi A.* Vita di Marco Polo veneziano. Milan, 1982.
- Zorzi A.* Marco Polo. Eine Biographie. D sseldorf, 1983.
- Zurla P.* Di Marco Polo e degli altri viaggiatori veveziani piu illustri. Venezia, 1818.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>Глава первая. Путешествие братьев Никколо и Маттео Поло</i>	10
Константинополь	10
Солдадия	12
В гостях у хана Берке	13
Война хана Берке и хана Хулагу	14
Уака	16
Бухара	17
Посольство от хана Хулагу	18
<i>Глава вторая. Предшественники братьев Поло</i>	19
Великий шелковый путь	20
Вениамин Тудельский	21
Мифический пресвитер Иоанн	21
Джованни дель Плано Карпини	23
Андре де Лонжюмо	27
Гийом де Рубрук	28
<i>Глава третья. В гостях у Хубилай-хана</i>	33
История Хубилай-хана	33
Прибытие в Ханбалык	37
Расспросы Хубилай-хана	38
Поручение от великого хана	39
Обратная дорога	40
Лаяс и Акра	41
<i>Глава четвертая. Возвращение братьев Поло в Венецию</i>	42
Венецианские новости	42
Различные версии даты и места рождения Марко Поло	43
Повторный брак Никколо Поло	46
Снова в дорогу	47
Новый папа	49
<i>Глава пятая. Второе путешествие на Восток</i>	49
Начало пути к Хубилай-хану	49
Малая Азия	52

Ноев ковчег (Арарат)	54
Мосул на реке Тигр	55
Багдад	56
Тебриз	58
Сава и Керман	58
Ормуз	59
Снова Керман, затем Кобинан и Тонокаин ...	61
«Старец горы»	63
Сапурган	66
Балх (Бактрия)	67
Тайкан	68
Год в Бадахшане	69
Вахан (Вокан)	71
Памир	72
Шангри-Ла	74
Кашгар, Хотан и Пейн	76
Пустыня Лоп (Лоб)	78
Тангут	80
Камул	81
Канпичион	83
Ланьчжоу	84
Глава шестая. Новая встреча с Хубилай-ханом	86
Приезд в Чианду (Шанду)	86
Ханский дворец	87
Внешность великого хана и порядки в его покоях	88
Зачисление Марко Поло в придворные	89
Ханбалык (Камбалу)	91
Глава седьмая. Империя Хубилай-хана	93
От Чингисхана до Мункэ	93
Борьба за власть с братом Ариг-Бугой	98
Жены и дети Хубилай-хана	102
Особенности правления Хубилай-хана	102
Глава восьмая. Марко Поло на службе у Хубилай-хана	106
Нужный человек	106
Поездка в Каражан	108
Неожиданный талант Марко Поло	110
Поездка в Тибет	114
Поездка в Ханчжоу (Кинсаи)	119
Правитель Янчжоу	126

Поездка в Индию	128
Бумажные деньги	129
Восточные женщины	134
Шелк	138
Янцзы и Хуанхэ	139
Система почтовых станций	140
Так прошло семнадцать лет	142
Опасения венецианцев	144
Монгольская принцесса Кокачин	147
Глава девятая. Путь на родину	149
Прощание с Хубилай-ханом	149
Япония (Чипингу)	150
Вдоль берегов Индокитая	157
Острова Ява и Суматра	158
Андаманские острова	161
Цейлон и Индия	162
Сокотра (Скотра)	168
«Мужской» и «Женский» острова	169
Мадагаскар, Занзибар и прочие места, где Марко Поло не был	170
Ормуз	173
Тебриз	177
Трапезунд	178
Константинополь и Негропонте	179
Глава десятая. Снова в Венеции	180
Не ждали.....	180
Легенды о пришельцах с Востока	181
Политическая ситуация в Венеции	184
Война с Генуей	189
Морское сражение у острова Корчула (Курцола)	190
Генуэзский плен	192
Рустичелло из Пизы	193
Освобождение из плена	196
Семейство Марко Поло	199
Обстановка в Венеции	208
Глава одиннадцатая. Смерть Марко Поло	215
Глава двенадцатая. Книга Марко Поло	219

<i>Глава тринадцатая. Презумпция виновности</i>	230
«Пробный камешек» от Герберта Франке.	230
«Сенсация» от Фрэнсис Вуд	232
«Разоблачение» Дэвида Сэлбурна	234
Соображения Н. А. Морозова.	236
Версия Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко.	238
Несколько слов в защиту Марко Поло	242
<i>Глава четырнадцатая. Несомненные заслуги</i> Марко Поло	249
Примечания.	259
Хронология (Основные события, связанные с жизнью Марко Поло)	277
Библиография	280

Нечаев С. Ю.
Н 59 Марко Поло / Сергей Нечаев. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 288[8] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 45).

ISBN 978-5-235-03601-7

Книга Сергея Нечаева рассказывает о жизни замечательного венецианского путешественника Марко Поло (1254—1324), а также о братьях Поло — отце и дяде, совершивших путешествие в Китай до него. В 1271 году братья Поло и Марко отправились странствовать уже втроем, а вернулись домой лишь в 1292 году. За это время Марко Поло сумел отлично зарекомендовать себя на службе у Хубилай-хана, хорошо изучил монгольские обычаи и Китай, собрал много сведений о Японии, Индии и Африке. Всю добытую информацию он изложил в «Книге чудес света», написанной с его слов Рустичелло из Пизы. Содержание ее показалось настолько удивительным его современникам, что долгое время рассказам Марко Поло мало кто верил. Тем не менее его книга многократно переписывалась и дополнялась.

Биография путешественника, написанная Сергеем Нечаевым, — это результат детального анализа двух захватывающих приключений: восточных приключений самого Марко Поло и приключений, связанных с обстоятельствами появления и содержанием его книги.

УДК 910(092)''12''
ББК 26.8г

знак информационной
продукции **16+**

Нечаев Сергей Юрьевич
МАРКО ПОЛО

Редактор **И. И. Никифорова**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. В. Платова**

Сдано в набор 08.11.2012. Подписано в печать 08.02.2013.
Формат 70x100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 12,025+0,65 вкл. Тираж 4000 экз.
Заказ № 1302760.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>.
E-mail: dse@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03601-7

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Нечаев
«ТАЛЕЙРАН»

Б. Шампиньоль
«РОДЕН»

С. Экштут
«ТЮТЧЕВ»

Ж. Б. Баронян
«АРТЮР РЕМБО»

С. Филлипетти
«СТЕНДАЛЬ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Князький
«НЕРОН»

Г. Прашкевич
«ЖЮЛЬ ВЕРН»

А. Танасейчук
«О. ГЕНРИ»

С. Нечаев
«МАРКО ПОЛО»

М. Кучерская
«КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ»

А. Панцов
«ДЭН СЯОПИН»

А. Филимон
«ЯКОВ БРЮС»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Суриков
«ПИФАГОР»

А. Федоренко
«САВВА МОРОЗОВ»

А. Кулагин
«ВИЗБОР»

В. Губарев
«ФРЭНСИС ДРЕЙК»

Д. Володихин
«ЦАРЬ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ»

Заев Бар-Селла
«БЕЛЯЕВ»

И. Курукин
«РОМАНОВЫ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Митрофанов
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ГОРОДА В XIX ВЕКЕ:
ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

С. Шокарев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ**

Л. Петрушенко
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ**

Е. Глаголева
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МАСОНОВ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

А. Зверев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПАРИЖА.
1920—1940**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Экиштут

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОТ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ
РЕФОРМ ДО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Ж. П. Креспель

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ. 1863—1883**

Е. Акельев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОРОВСКОГО МИРА МОСКВЫ
ВО ВРЕМЕНА ВАНЬКИ КАИНА**

О. Ковалик

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БАЛЕРИН
РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА**

Б. Ковалев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД
НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://gvardiya.ru>, dse1@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03601-7

9 785235 036017 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ